

В.М.Усокин

«Абнеги^зный мир»
Милтона Фридмена

«Мысль»

В.М. Уоскин

**«ДЕНЕЖНЫЙ МИР»
МИЛТОНА ФРИДМЕНА**

ББК 65-018
У-76

**РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Рецензенты: д-р экон. наук Е. С. Хесин,
канд. экон. наук Л. А. Серебрякова

0602010400-034
У ----- 28-89
004(01)-89

ISBN 5-244-00245-7

©Издательство "Мысль". 1989

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних десятилетий экономическая теория Запада является ареной соперничества двух крупных течений: кейнсианской школы, выступающей в роли носителя традиций буржуазно-либерального реформизма, и союза консервативных доктрин, объединившихся под лозунгом "неоклассического возрождения". Это противостояние, отличающееся большой остротой и широкомасштабным характером, охватывает как систему идеально-политических и экономических взглядов и концепций, так и область практических мероприятий буржуазного государства по регулированию хозяйственной жизни.

Консервативный альянс в буржуазной политэкономии окончательно сложился во второй половине 70-х годов. Возглавила его монетаристская школа, зародившаяся в недрах Чикагского университета еще в 50-х годах. Первоначально монетаризм был представлен немногочисленной группой экономистов-денежников, сплотившихся вокруг своего вождя и непрекаемого оракула — профессора названного университета Милтона Фридмена. Они поставили перед собой задачу воскресить и сделать привлекательным, казалось, навсегда утративший популярность образ нерегулируемой рыночной экономики. Деньги при этом объявлялись главным стабилизирующим фактором капиталистического воспроизводственного механизма, а основную причину циклических изменений хозяйственной конъюнктуры монетаристы связывали с беспорядочными колебаниями денежной массы.

Новое учение было воспринято академическими кругами как проявление воинствующего экстремизма. Монетаристы подвергли сомнению и критике основные постулаты и выводы английского экономиста Дж. М. Кейнса, взгляды которого с конца 30-х годов получили широчайшее распространение в экономической литературе Запада. Кейнс выступил глашатаем нового этапа в развитии капитализма, для которого характерны широкие масштабы и энергичные методы государственного вмешательства в хозяйственные процессы. Его рекомендации послужили теоретической основой мероприятий, посредством которых современные политические лидеры пытаются бороться с недугами капиталистической системы — массовой безработицей, недогрузкой производственного аппарата, цикличностью хозяйственного развития, инфляцией и т. д.

Кейнсианский тезис о неустойчивости экономической системы зрелого капитализма, ее имманентной склонности к стагнации, слабости внутренних стимулов к быстрому, динамичному развитию был избран мишенью полемических нападок Фридмена и его последователей. Кейнс связывал с указанными дефектами капиталистической системы свои рецепты подъема экономической активности с помощью бюджетных стимулов и политики дешевого кредита. Монетаристы же выдвинули диа-

метрально противоположный взгляд на природу современного капиталистического производства, дали оптимистическую оценку возможностей и перспектив его развития. Они утверждали, что хозяйственная система капитализма обладает большим запасом прочности, циклические нарушения воспроизводства не характерны для капитализма как такового, а обусловлены действием экзогенных факторов, и в первую очередь правительственные мерами воздействия на хозяйственную активность, блокирующими стихийные механизмы восстановления общехозяйственного равновесия. В свете этих положений кейнсианская система управления спросом выглядела сомнительным лекарством, могущим лишь усилить диспропорциональность экономического развития и спровоцировать новые глубокие спады хозяйственной активности.

Монетаризм в специфической и причудливой форме отразил страх перед кумулятивным нарастанием серьезных трудностей и противоречий в капиталистическом производстве и в социальной сфере, которые отчетливо проявились на рубеже 70-х годов. Сторонники новой доктрины стремились использовать эти процессы для дискредитации кейнсианской теории и ее экономических программ. Особое внимание они уделяли опасности быстрого и неконтролируемого развития инфляционных процессов. С этим был связан акцент на важной роли денежного сектора экономики, его значении для общехозяйственной стабильности. Кейнсианцы же по существу не уделяли серьезного внимания последствиям остального нарушения пропорций в области денежного обращения, рассматривая эту сферу лишь как полигон для оперативного воздействия на конъюнктуру.

Поставив ряд актуальных проблем хозяйственного развития, монетаристы предложили свои рецепты "санации" капитализма, что обеспечило им в конечном счете поддержку влиятельных слоев буржуазного общества. Немалую роль в завоевании монетаристами популярности среди правящих классов сыграла их откровенно консервативная идеальная платформа. Сторонники Фридмена подчеркнуто называют себя "контрреволюционерами", имея в виду не только свою оппозицию теоретической "революции Кейнса", но и общую приверженность традиционным идеалам консерватизма, стремление защитить моральные ценности буржуазного строя, нежелание перемен в сфере социальных отношений. Прикрываясь лозунгами "спасения свободного предпринимательства", "борьбы против тоталитаризма и планирования" и т. п., монетаристы выдвигают программу перераспределения доходов в пользу имущих слоев.

Взращенная на ниве кейнсианского активизма и ведущей роли "прощененного" государства, академическая элита сначала не увидела выгод, вытекающих из монетаристских идей, отвергла это учение как далекую от жизни абстракцию. Время, однако, работало на монетаризм. Большую услугу ему оказали многочисленные просчеты и негативные последствия государственно-монополистического регулирования в 60–70-х годах, которые усугубили трудности, переживаемые экономикой, и способствовали дальнейшему обострению противоречий между трудом и капиталом. Падение результативности бюджетных методов искусственного нагнетания спроса, быстро прогрессирующая инфляция, участившиеся выступления трудящихся в защиту своих экономических и политических прав –

все эти события подорвали веру в благотворность кейнсианских программ и соответственно повысили привлекательность монетаристских рекомендаций.

Перед ведущими грушировками правящего класса и государственным аппаратом капиталистических стран со всей остротой встал вопрос о разработке новых стратегических подходов к решению назревших социально-экономических и политических проблем. Продолжать ли рекомендуемую кейнсианским крылом политику массированного наращивания спроса в расчете на то, что полученные выгоды в виде прироста ВНП и высокой занятости с лихвой перекроют потери от падения покупательной способности денег и снижения эффективности капиталовложений? Или же следует кардинально изменить ориентацию, перейти к политике форсированного торможения платежеспособного спроса и денежно-кредитной рестрикции, ограничивая рост цен, стимулируя предпримчивость и инициативу хозяйственных агентов, перестраивая производственный аппарат с помощью системы налоговых льгот и т. д.?

В этот ключевой, переломный момент маятник качнулся в сторону консервативной программы. Второй путь оказался наиболее заманчивым и предпочтительным для правящей верхушки буржуазного класса. Здесь-то выявились ценность и своевременность пропагандируемых монетаристами идей об изначальном динамизме частнокапиталистического сектора, "денежной дисциплине", пагубности активизма и вредоносности кейнсианских программ регулирования конъюнктуры и т. д. Монетаризм получил новый мощный импульс к ускоренному развитию. Его выводы были поддержаны рядом видных экономистов и политических деятелей, влиятельными ассоциациями предпринимателей и популярными организациями буржуазной прессы. Монетаризм проник в университеты, правительственный аппарат, международные финансовые и экономические учреждения (такие, например, как Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития) и т. п. К началу 70-х годов монетаристское наступление приобрело такие масштабы, что один из ведущих теоретиков, П. Самуэльсон, вынужден был констатировать: "Главный вопрос, который сегодня обсуждается в области макроэкономической теории, – это доктрина монетаризма"¹. Это заявление было встречено монетаристами с нескрываемым ликованием. Хотя Самуэльсон, как один из создателей школы кейнсианско-неоклассического синтеза, занял резко отрицательную позицию по отношению к новому учению, монетаристы усмотрели в его словах явное свидетельство признания их важной роли и влияния со стороны академического истеблишмента, который в течение многих лет не снисходил до серьезной полемики с ними, подвергал их насмешкам и остроклизму.

Многие ученые, преимущественно из кейнсианского лагеря, противились нашествию монетаристов, указывая на несостоятельность многих выдвинутых ими теоретических положений и антидемократическую направленность этого учения. Английский экономист Н. Калдор сравнил "эпидемию монетаризма" с политикой консервативного правительства Англии в 20-х годах, приведшей к восстановлению золотого стандарта и имевшей катастрофические последствия для экономики страны².

Тем не менее позиции кейнсианства оказались серьезно подорван-

ными, а монетаристам удалось значительно расширить влияние. По свидетельству известного американского экономиста Дж. Тобина, к началу 80-х годов монетаризм "сместил в сторону своей теории и методологии центр тяжести всей экономической науки"³. Усилинию "экономического консерватизма" способствовало появление других неоклассических ответвлений, образовавших общий блок с монетаристами и поддержавших их антидирижистскую линию.

Своего наивысшего расцвета монетаризм достиг во второй половине 70-х годов, особенно в начале 80-х годов, когда его предписания были использованы при проведении денежно-кредитной политики в ряде стран капиталистического мира. Опыт применения монетаристских рецептов свидетельствовал, однако, о том, что, смягчив некоторые экономические трудности, и прежде всего ограничив масштабы инфляции, политика жесткого "зажима" денежной массы и ограничения кредита нанесла серьезный ущерб хозяйству. Отчетливо выявилась антидемократическая природа монетаристских предписаний. Как писал английский экономист М. Десаи, эта доктрина явилась "символом упорного отказа правительенных кругов развитых капиталистических стран осуществлять какие-либо мероприятия, которые противодействовали бы усиливающейся безработице, падению производства и волне деловых банкротств"⁴.

Необходимо отметить, что такие понятия, как "монетаризм", "кейнсианство", "неоклассическая теория", "консерватизм" и т. д., не имеют единого, общепринятого значения. Это не монолитные образования, а пестрые и подчас бесформенные конгломераты, которым разные исследователи приписывают разные черты и взгляды. Типология макроэкономических доктрин сложна и слабо разработана. Она отражает нечеткость границ между отдельными течениями, их противоборство по одним вопросам и блокирование по другим, стремление к нахождению общей платформы на основе консенсуса в рамках общих установок и целей буржуазного политэкономического мышления.

Американский экономист П. Дэвидсон выделяет в современной экономической мысли Запада пять основных макроэкономических школ. На "крайне левом" полюсе его схемы – "радикально-социалистические" течения, где фигурирует пестрая смесь теорий ("от институционализма до марксизма"), на "крайне правом" – монетаристская доктрина. Между этими крайностями Дэвидсон помещает три модификации кейнсианского учения: в "центре" – "оригинальная", "неискаженная" версия кейнсианства, представленная, по мнению автора, работами Р. Харрода, А. Лепнера, С. Вейнтрауба; "левее центра" – школа неокейнсианцев, или кембриджская школа (Дж. Робинсон, Н. Калдор, Л. Пазинетти); "правее центра" – кейнсианско-неоклассический синтез, олицетворяющий магистральное направление западной макроэкономической мысли (П. Самуэльсон, Р. Солоу, Дж. Хикс, Дж. Тобин, Д. Патинкин)⁵.

Эта схема отражала расстановку сил в буржуазной политэкономии в начале 70-х годов. Основные изменения, произшедшие за последние 10 – 15 лет, связаны в основном с разрастанием и усложнением право-консервативных течений, куда вместе с монетаризмом включаются сэпплай-сайд экономикс (теория предложения) и школа новых классиков. Указанные школы имеют общую идеино-философскую платформу,

между ними нет жесткого водораздела. Не случайно одни авторы (например, С. Руссис) считают монетаризм денежной фракцией сэплай-сайд экономикс, другие трактуют учение новых классиков как ответвление монетаризма (А. Лейонхувуд).

В целях аналитического удобства и простоты изложения монетаризм в данной работе, как правило, отождествляется с его фридменовской версией, а кейнсианство – со стандартной моделью кейнсианско-неоклассического синтеза. Тем самым внимание сосредоточено на главных и наиболее распространенных вариантах враждующих течений, что позволяет выявить основные, наиболее типичные их черты и рекомендации. В дальнейшем же эти версии служат основой для анализа их ответвлений и модификаций.

Несмотря на наличие огромной литературы о монетаризме, его анализ связан со значительными трудностями. В работах наиболее видных представителей доктрины, как правило, отсутствует четкое и систематическое изложение основных ее положений. "Портрет" монетаризма отрывочен и мозаичен. Он складывается из разнородных, подчас противоречивых высказываний, гипотез, эмпирических наблюдений, рецептов политики. Сторонники доктрины считают тактически выгодным "не раскрывать карты", окружать свои взгляды покровом таинственности и недоговоренности. Для них характерны нарочитая туманность формулировок, частые изменения и "уточнения" позиций, неприязнь к "деталям" и другие уловки, затемняющие подлинную суть их теоретических построений. Один американский экономист заметил, что поймать монетариста на слове столь же трудно, как пытаться "прибить желе гвоздями к стенке".

Следует учитывать и то обстоятельство, что корни монетаризма уходят глубоко в историю западной экономической мысли. Суть современных споров между монетаристами и другими течениями невозможно понять без анализа неоклассической теории воспроизводства, количественной теории денег, без характеристики причин феноменального взлета кейнсианской доктрины и ее последующего кризиса. Словом, анализируя монетаризм, нам предстоит коснуться сложных процессов эволюции буржуазной политэкономии в XX в.

Изучение монетаризма в марксистской литературе обусловлено не только идеологическими задачами критики реакционных аспектов и рекомендаций этого учения. Многие исследования, проведенные представителями монетаристской школы, имеют позитивное значение, содержат элементы объективного знания. Это касается в первую очередь изучения природы и роли денег, моделирования спроса на кассовые остатки и процессов инфляции, выявления сложного взаимодействия денежных и "реальных" факторов воспроизводства. Подобные проблемы представляют большой интерес в связи с поставленной перед нашим хозяйством задачей коренной перестройки финансовой системы и активного использования стоимостных рычагов в практике социалистического строительства.

Структура работы такова. В первой главе дается общий очерк развития монетаризма, анализируются исторические условия, вызвавшие появление этого течения, показаны его главные отличительные черты и связь

с консервативной идеологией. Вторая глава посвящена некоторым аспектам развития количественной теории денег, образующей теоретический фундамент монетаризма. В третьей главе рассматривается подход монетаристов к решению ряда ключевых воспроизводственных проблем, в частности вопросов хозяйственного цикла, инфляции, внешнеэкономических связей. Четвертая глава показывает монетаризм "в действии", подводит итоги его практического использования в экономической политике капиталистических стран.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА в 70 – 80-х годах

Закат школы кейнсианско-неоклассического синтеза

Монетаризм возник в обстановке острейшего соперничества с кейнсианством, хотя, как будет показано в дальнейшем, многие различия в позициях сторонников этих двух школ были искусственно драматизированы и раздуты. В качестве исходного пункта нашего анализа целесообразно поставить вопрос о причинах ошеломляющего взлета популярности кейнсианской доктрины в 40 – 50-х годах, равно как и последующего подрыва его позиций в качестве ведущего политэкономического учения.

Концепция Кейнса, как известно, окончательно сформировалась в 30-х годах XX в. Ее основные компоненты изложены в знаменитой триаде кейнсовых работ того периода: двухтомном "Трактате о деньгах" (1930), "Общей теории занятости, процента и денег" (1936) и в статье "Общая теория занятости" (1937)¹. Учение Кейнса было продуктом определенной эпохи, особого и очень важного этапа в развитии капитализма. 30-е годы – период резкого обострения хозяйственных и социальных трудностей, отчетливо проявившихся в самом разрушительном за всю историю капитализма экономическом кризисе и последовавшей за ним продолжительной депрессии. Катастрофическое падение объема производства и национального дохода во всех без исключения капиталистических странах, сопровождавшееся длительным снижением цен и прибылей предприятий, невиданной по масштабам волной банкротств и образованием огромной армии безработных, – все эти события с исключительной остротой поставили вопрос об исторических судьбах капитализма, путях и перспективах его дальнейшего развития. Влияние кризиса на состояние хозяйства, классовую борьбу, стратегию крупного капитала, политику государства было столь глубоким и значительным, что и по сей день историки, экономисты, социологи, политические деятели вновь и вновь возвращаются к событиям 30-х годов, пытаясь оценить их значение, переосмыслить причины и последствия.

В условиях "великой депрессии" особенно наглядно выявились дефекты традиционной экономической теории, ее неспособность реалистически оценить корни хронических трудностей капиталистического производства и предложить эффективные меры для ликвидации или по крайней мере смягчения наиболее серьезных его нарушений. Политическая экономия домонополистического периода была проникнута оптимистической верой в жизнеспособность капитализма, целительное действие его внутренних, саморегулирующих механизмов, которые, действуя спонтанно и автоматически, неизменно приводят производство и занятость к максимуму при данном уровне развития производительных сил. В усло-

виях 30-х годов возникла настоятельная потребность в новом подходе, при котором получили бы объяснение такие явления, как массовая безработица, длительные падения производства, наличие неиспользованных мощностей при относительной узости потребления масс и т. д. Этот вакум попытался заполнить Кейнс.

Отход Кейнса от теоретических догм периода свободной конкуренции был долгим и трудным. Будучи воспитан в традициях неоклассического анализа и имея своими учителями и коллегами выдающихся представителей кембриджской школы А. Маршалла, А. Пигу и Д. Робертсона, Кейнс в начале своей научной карьеры тяготел к классическим схемам экономического процесса и в основном разделял взгляды своих предшественников. "Новый" Кейнс появился на свет лишь в 30-х годах. "Трактат о деньгах" (1930) был своего рода переходной вехой от концепций "классического" периода. Мировая известность пришла к Кейнсу после выхода в 1936 г. его "Общей теории занятости, процента и денег". Как писал американский экономист Р. Лекачман, "знаменитый Кейнс, каким его знала публика в Англии и Соединенных Штатах, утвердил себя на арене мировых событий между 1936 и 1946 годами"².

Быстрая победа кейнсианской доктрины была обусловлена рядом обстоятельств. В центр своего анализа Кейнс поставил самую острую и неотложную проблему того периода – проблему массовой безработицы. В качестве основного средства борьбы с нею он предложил использовать экономическую мощь государства, специфический комплекс мероприятий в финансовой и денежно-кредитной сферах. Но прежде чем утвердить свои идеи в экономической литературе, Кейнс должен был разрушить устоявшуюся ортодоксию, опровергнуть традиционные догмы неоклассического периода. Эту задачу он попытался осуществить в "Общей теории". Главным объектом атаки в этой книге была избрана самая сердцевина неоклассических взглядов – так называемый закон рынков Сэя, сформулированный в начале XIX в. французским экономистом Ж. Б. Сэм. Суть этого закона обычно выражается короткой фразой – "предложение (товаров. – В. У.) само рождает для себя спрос". Здесь в завуалированной форме высказана мысль об обязательной сбалансированности капиталистического рынка, о гармоническом характере развития экономической системы капитализма. По Сэю, объем спроса на товары всегда достаточен для покупки всей произведенной продукции, что делает невозможным накапливание нереализуемых запасов, сокращение производства и развитие кризиса, охватывающего большинство отраслей хозяйства.

Кейнс утверждал, что этот вывод Сэя и других экономистов XIX в. не отвечает условиям зрелого капитализма. Он признал, что идеалистическая картина экономической гармонии при капитализме – фикция, опровергаемая многочисленными фактами. Современный капитализм не способен обеспечить эффективное и полное использование производительных сил. Как писал английский экономист Д. Гилберт, "атака Кейнса против "классической" системы в основе своей содержала признание того, что в конкурентном хозяйстве, основанном на частном предпринимательстве, отсутствует механизм, который делает его автоматической и саморегулируемой системой, имеющей тенденцию к равновесию при полной

занятости”³. В отличие от неоклассиков Кейнс по существу утверждал, что капитализм имеет хроническую тенденцию к стагнации, для которой характерны низкий уровень производства, недогрузка производственного аппарата, наличие большой армии безработных. Подобное состояние более типично для капиталистического общества XX в., чем получение максимума продукта и обеспечение полной занятости.

Таким образом, немарксистской политэкономии потребовалось почти сто лет, чтобы осознать ошибочность утверждений о постоянном “равенстве покупок и продаж”, об автоматическом совпадении спроса и предложения на товарных рынках. Основоположник теории научного социализма К. Маркс еще в 50-х годах XIX в. подверг критике догмы Сэя и создал принципиально новое, революционное учение, раскрывшее подлинную природу капиталистических противоречий и указавшее путь к глубоким социальным преобразованиям общества. Маркс убедительно показал, что периодические нарушения воспроизводства, принимающие форму кризисов перепроизводства, порождаются глубоким конфликтом между производительными силами и производственными отношениями капитализма.

Кейнс же в результате своего анализа пришел к иным выводам. Признав несостоятельность “классических” схем, он выступил с защитой капиталистического строя и свойственных ему отношений собственности и распределения. Он стремился реабилитировать современное капиталистическое общество, найти способ нейтрализации опасных тенденций его развития, подготавливающих почву для социальных революций и угрожающих его существованию. Эту черту кейнсианского учения, его историческую миссию по “спасению капитализма” неоднократно подчеркивали буржуазные авторы. Г. Уоллич, например, писал: “Кейнс защитил капитализм от марксизма. Когда Великая депрессия подвергла капитализм большой опасности, Кейнс перестроил экономическую теорию в рамках капиталистической системы, а не вне ее”⁴. Оценивая в 1980 г. итоги послевоенной политики активного регулирования экономики по кейнсианским рецептам, А. Оукен заявил, что успех правительенных мероприятий нужно оценивать “не в долларах реального ВНП, а с точки зрения выживания американского капитализма”⁵.

Пытаясь разрушить ортодоксальные теоретические схемы, Кейнс поставил под сомнение эффективность главного стабилизирующего механизма в моделях неоклассиков – гибких цен на рынках важнейших товаров, включая заработную плату на рынке рабочей силы и процентные ставки на рынке денежного капитала. В докейнсианских теоретических моделях цены мгновенно и эффективно реагировали на несбалансированность спроса и предложения, неизменно приводя систему в состояние общего равновесия при полном использовании всех производственных ресурсов. Кейнс “отключил” уравновешивающее влияние цен и попытался выяснить, каким будет в этом случае отклик хозяйственной системы на возникающие диспропорции и “шоки”. При таком подходе внимание сосредоточивалось на неравновесных (иначе говоря, кризисных) ситуациях, которые Кейнс считал более типичными для капиталистической экономики, чем состояние ее общей сбалансированности.

Говоря о “негибкости” цен, их “закрепленности” в течение кратко-

срочных периодов, Кейнс, видимо, не имел в виду их полную неизменность, хотя ряд мест "Общей теории" и используемые в ней методологические приемы (например, выражение всех стоимостных величин в постоянных "единицах заработной платы") давали повод для подобных интерпретаций. Но даже если речь шла просто о замедленной ("немгновенной") реакции цен на нарушение рыночного равновесия, то и такое условие существенно подрывало классические схемы восстановления хозяйственных пропорций. Процесс выравнивания конъюнктуры не ограничивался в этом случае изменениями "ценовой оболочки", а непосредственно затрагивал сферу производства товаров, т. е. отражался на выпуске продукции и других "реальных" показателях.

Вводя условие негибкости цен, Кейнс стремился отразить некоторые объективные особенности ценообразования, свойственные олигополистической структуре современного капиталистического рынка (например, практику фиксации цен крупными компаниями, стремящимися обеспечить определенный уровень целевой нормы прибыли)*. Вместе с тем имеется и другое истолкование позиции Кейнса по вопросу о ценах**. Но независимо от этих трактовок относительная неэластичность или фиксированность ценового уровня в краткосрочном аспекте является типичной чертой всех экономических моделей кейнсианского типа.

Отключив "ценовые стабилизаторы" и разрушив тем самым логику неоклассических доказательств об обязательном совпадении рыночного спроса и предложения, Кейнс выдвинул новую схему причинно-следственных связей в капиталистическом хозяйстве. Ключевым фактором хозяйственной активности является у него наличие адекватного платежеспособного спроса на товарных рынках. Нехватка спроса ведет к сокращению выпуска продукции и росту безработицы, в чем и состояла, согласно кейнсианской теории, главная причина кризисного состояния экономики капитализма в 30-х годах.

Среди элементов спроса особое значение придавалось процессам инвестирования капитала, обладающим как прямым, так и производным спросообразующим эффектом. Увеличение капиталовложений порождает цепную реакцию расходования денежных средств, вовлекая в сферу производства новые предприятия, отрасли, рабочую силу. Но в условиях зрелого капитализма, полагал Кейнс, действует ряд факторов, тормозящих инвестиционный процесс, равно как и объем потребительских расходов, и приводящих в конечном счете к хронической нехватке платеже-

* "Кейнсианская интерпретация заключается в том, что цены – включая денежную зарплату – в кратковременном периоде негибки (*sticky*) в тех крупных секторах современного хозяйства, где они определяются волевыми решениями частных лиц или административных органов или путем переговоров" (*Tobin J. Asset Accumulation and Economic Activity*. Chicago, 1980. P. 38).

** А. Лейонхувуд считает, например, что кейнсианский тезис о замедленной реакции цен на несбалансированность рыночного спроса отражает несовершенство рыночной информации, ее дороговизну и связанные с этим трудности нахождения равновесных цен экономическими агентами (*Leijohnhufuud A. On Keynesian Economics and the Economics on Keynes. A Study in Monetary Theory*. L., 1968. Ch. 2). Такая интерпретация позиции Кейнса сводит причины экономических нарушений к "разлаживанию" обмена из-за несогласованности действий экономических субъектов.

способного спроса. Экономическая система сама по себе не обладает необходимым динамизмом, чтобы преодолеть тенденцию к стагнации и справиться с возникающими трудностями. Поэтому необходимо привлечь государство с его обширным потенциалом, чтобы вывести хозяйство из пучины кризиса.

Схема Кейнса, таким образом, приводила к программам перманентного нагнетания рыночного спроса с помощью кредитно-денежных и бюджетных рычагов. Особые надежды в этой связи возлагались на дефицитное финансирование из бюджета, покрываемое за счет выпуска и размещения на рынке крупных правительственных займов. Государству отводилась роль главного стимулятора и координатора хозяйственной активности. Именно государственная машина, используя финансово-юридическую систему, бюджет и центральный банк, должна "создавать" недостающую покупательную силу и "впрыскивать" ее в хозяйственный оборот. Подобный способ восполнения нехватки спроса был признан наиболее радикальным средством для преодоления вялости производственного процесса, его склонности к стагнации и спаду.

Особенно возросла слава Кейнса в послевоенные годы, когда его *opus magnum* (главный труд) – "Общая теория" – был причислен к наиболее влиятельным книгам в истории экономической мысли*. Рецепты его легли в основу официальных программ экономической политики. По окончании второй мировой войны во многих капиталистических странах были приняты специальные законы, обязывающие правительственные органы следить за состоянием хозяйственной конъюнктуры и принимать энергичные меры для обеспечения уровня производства и занятости рабочей силы**.

Победа Кейнса в 30-х годах отнюдь не устранила оппозиции его взглядам. Многие крупные теоретики того времени – Г. Хаберлер, А. Нигу, Дж. Винер, Д. Робертсон, Ф. Хайек – заявили о своем несогласии с выводами автора "Общей теории", подвергли его доказательства острой кри-

* Американский экономист Л. Клейн в книге "Кейнсианская революция" (*Klein L. The Keynesian Revolution. N.Y., 1947*) назвал теорию Кейнса "революционной доктриной", совершившей переворот в экономическом мышлении. Д. Диллард писал: "По любым меркам Кейнс является одним из крупнейших экономистов всех времен и наиболее влиятельным мыслителем, которых подготовил двадцатый век" (*Dillard D. The Economics of John Maynard Keynes. N.Y., 1948. P. VI1*). Р. Харрод в биографической книге о Кейнсе ставит Кейнса в один ряд с А. Смитом и Д. Рикардо (*Harrod R. The Life of John Maynard Keynes. N.Y., 1951. P. 466*). Самуэльсон сравнивает Кейнса с А. Смитом и Л. Вальрасом, а У. Элтис включает "Общую теорию" Кейнса в число трех наиболее выдающихся экономических трудов всех времен наряду с "Богатством народов" А. Смита и "Капиталом" К. Маркса (*Eltis W. The Failure of Keynesian Conventional Wisdom // Lloyds Bank Review. 1976. P. 17*).

** Первым документом такого рода была "Белая книга", изданная в Англии в 1945 г. и предписывавшая правительству обеспечить полную занятость. За этим последовало принятие Закона о занятости 1946 г. в США, аналогичных законов в Швеции и ряде других стран. В конце 40-х годов комитет экспертов ООН, куда входили такие видные экономисты, как Н. Калдор (Англия), Д. М. Кларк (США) и другие, выпустил меморандум "Национальные и международные меры для обеспечения полной занятости", где рекомендовал правительственным органам проводить политику, направленную на обеспечение высокоеффективной работы хозяйства.

тике. Для поколения теоретиков, воспитанных в духе неоклассической доктрины общего экономического равновесия, был совершенно неприемлемым вывод Кейнса, что экономика капитализма "может оказаться в состоянии устойчивого равновесия при N (занятости. – В. У.) ниже уровня полной занятости"⁶. Он нарушал привычные представления о работе рыночного механизма, ставил под сомнение его эффективность. Что же касается призывов к широкому использованию финансовых возможностей государства для преодоления кризисных тенденций и ускорения экономического роста, то они воспринимались консервативно настроенными экономистами из неоклассического лагеря как "замаскированный социализм", подрывающий священные устои свободного предпринимательства и ведущий к разрушению общества, основанного на частной собственности.

Особенно большим нападкам подвергся тезис Кейнса об угасании внутренних стимулов капитализма к развитию и о неизбежности кризисных явлений в экономике. Чтобы опровергнуть вывод о хронической нехватке платежеспособного спроса, особенно инвестиционного, необходимо было выявить скрытые механизмы самопроизвольного увеличения спроса, которые способствовали бы выводу хозяйства из состояния кризиса. Для этого вновь был привлечен механизм цен. В литературе возникла продолжительная дискуссия о так называемом эффекте богатства, являющемся результатом стихийной переоценки финансовых активов (денег, ценных бумаг и т. д.) при падении общего уровня цен на товарных и финансовых рынках. Подобная переоценка тормозит накапливание экономическими агентами финансовых активов и способствует расходованию денег на потребление.

Еще до второй мировой войны Г. Хаберлер указал на потенциальный спросообразующий эффект падающих товарных цен в период развития кризиса перепроизводства⁷. А в начале 40-х годов виднейший представитель неоклассической школы А. Пигу использовал это явление "удорожания" денег по отношению к товарам в периоды экономических кризисов как свидетельство логической несостоятельности кейнсовой модели. По его мнению, снижение товарных цен и заработной платы в условиях кризисного спада служит тем автоматическим рычагом, который стихийно ведет к расширению потребительского спроса и рассасыванию товарных запасов. "Накачивание" же спроса за счет бюджетных средств, рекомендуемое Кейнсом, было объявлено ненужным и даже вредным⁸.

Еще одна линия подрыва пессимистических выводов Кейнса заключалась в тактике "тroyянского коня" – постепенной теоретической переработке его модели с целью "встроить" ее в систему общего экономического равновесия в качестве ее особого и достаточно редкого случая. Начало этому длительному процессу теоретической трансформации кейнсианства положила статья известного английского экономиста Дж. Хикса "Кейнс и "классики""⁹, опубликованная через год после выхода "Общей теории". Хикс предложил простейшую равновесную модель в виде системы двух кривых, отображающих условия равновесия на рынке товаров и на денежном рынке. Эта система – диаграмма кривых IS – LM , или "крест Хикса", – приводила (в зависимости от изменения исходных допущений) либо к "классическому", либо к "кейнсианскому" варианту

функционирования хозяйства. Процесс соединения элементов кейнсианской и неоклассической моделей получил название неоклассического синтеза (точнее, кейнсианско-неоклассического синтеза). Большой вклад в него внесли А. Хансен, Ф. Модильяни, П. Самуэльсон, Д. Патинкин. Возникшая в 60-х годах школа "новых интерпретаторов" Кейнса – Р. Клаузэр, А. Лейонхувуд, П. Дэвидсон – отвергла "синтетические" модели на том основании, что они искажают истинные намерения автора "Общей теории". Попытка представить теорию Кейнса как "частный случай" неовальрасовской системы общего экономического равновесия приводит, по мнению "новых кейнсианцев", к выхолащиванию "революционного содержания" кейнсианской доктрины. Кейнс сосредоточил свое внимание на кризисах как типичной черте капитализма, тогда как "ортодоксальная (неоклассическая. – В. У.) теория представляет собой теорию равновесных ситуаций"¹⁰.

П. Дэвидсон указывает на бесплодность идеализированных неоклассических моделей в качестве инструмента познания реального мира: "Любая теоретическая модель, которая логически применима к хозяйству, находящемуся в состоянии долговременного равновесия или стабильного роста, может служить хорошей разминкой для теоретических умов, но никогда не должна применяться всерьез, как форма описания действительных ситуаций"¹¹. Кстати, "новая консервативная волна" 70-х годов (и монетаристская доктрина как ее составная часть) в полной мере отразила эту сторону неоклассического учения, поставив во главу угла положение о гармоническом характере и базисной устойчивости капиталистической экономики.

Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что настойчивые попытки "подправить" теорию Кейнса, оснастить ее неоклассическим аппаратом и устраниТЬ из нее черты "депрессионной" модели были связаны не только с развитием апологетической струи в буржуазной политэкономии. "Переформулирование" Кейнса явилось отражением того факта, что многие объективные процессы и тенденции, свойственные капитализму послевоенного периода, не укладывались в кейнсианские схемы, не могли быть объяснены в рамках этого учения. Сторонники Кейнса стремились не замечать несоответствий между теорией и реальными явлениями или же истолковывали их в выгодном для себя свете. Критики же, напротив, тщательно коллекционировали ошибки и промахи своих противников, видя в этом свидетельство несостоятельности кейнсианского подхода. Уже в середине 50-х годов американский экономист С. Сличтер в статье под характерным названием "Кончина кейнсианской теории" писал, что теория "оказалась ошибочной во всех своих важнейших моментах"¹².

Так, основываясь на выводах Кейнса о хронической склонности капиталистической экономики к депрессии, большинство экономистов и политических деятелей предсказывали наступление по окончании войны глубочайшего экономического кризиса, аналогичного по масштабам и последствиям кризису 1929 – 1933 гг.* Этого, как известно, не произошло.

* Некоторые тогдашние прогнозы утверждали, что уровень безработицы в США в первые послевоенные годы превысит 11 млн человек (*Rousseau S. The Political Economy of Reaganomics. P. 7*).

зшло, что подорвало веру в догматы кейнсианского учения.

Далее, несмотря на чувствительные кризисные спады в капиталистической экономике 50 – 60-х годов, наступил длительный период оживления конъюнктуры, для которого был типичен относительный избыток спроса, а отнюдь не его нехватка. Перегрев конъюнктуры привел к инфляционному буму. Более того, уже в 60-х годах рост цен приобрел устойчивый характер и превратился в хроническое явление, поразившее все без исключения страны капитализма. Хотя инфляция поставила перед правительствами острые социальные и экономические проблемы, последователи Кейнса продолжали игнорировать рост цен, считая инфляцию неизбежным спутником быстрого экономического подъема.

И тем не менее 60-е годы явились периодом господства кейнсианских взглядов. Отсутствие глубоких кризисных спадов и относительно высокие темпы роста ВНП сторонники кейнсианского направления зачиляли в свой актив, видя в этом неоспоримое свидетельство благотворного влияния правительственные мероприятий по стимулированию спроса. В некоторых ведущих странах капитализма, и в первую очередь в США, вошел в моду активизм, т. е. программа энергичных государственных акций, направленных не просто на нейтрализацию цикла и смягчение колебаний конъюнктуры, а на использование всех потенциальных возможностей хозяйства для достижения максимального уровня производства и занятости.

Энтузиазм по поводу подобной стратегии подогревался оптимистическими заявлениями влиятельных американских экономистов, которые занимали в те годы важные посты в администрации президентов-демократов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. В качестве примера можно привести выступления А. Оукена, который восторженно прославлял политику активизма, основанную на кейнсианских рецептах управления спросом с помощью фискальных (налоговых) и денежно-кредитных рычагов. Правительственная политика, утверждал Оукен, должна делать ставку не на временное улучшение конъюнктуры, а на устранение имеющегося разрыва между потенциальными возможностями экономики (с учетом полной занятости) и фактически достигнутым уровнем производства. Наличие подобного разрыва, который получил название "разрыв Оукена" (Okun Gap), требует немедленных и целенаправленных действий для стимулирования производства, причем не только в условиях экономического спада, но даже в фазе подъема, если не достигнута точка полной занятости. Благодаря активистской стратегии, утверждали кейнсианцы, промышленные циклы отходят в область предания. "Кризисы в принципе предотвратимы... – писал Оукен. – Лишь немногие исследователи считают ныне промышленный цикл полезной организационной схемой для анализа текущей хозяйственной ситуации..."¹³

Дальнейший ход событий грубо нарушил эти предсказания. Экономическое положение капиталистических стран в 70-х годах резко ухудшилось. Наступило отрезвление по поводу возможностей массированного вливания средств из государственного бюджета. Эта политика практически исчерпала свои стимулирующие возможности и начала оказывать серьезное дестабилизирующее воздействие на экономику. Сильный удар по кейнсианским концепциям нанесло резкое обострение инфляционно-

го процесса. Если в 1952 – 1967 гг. пределы колебаний среднегодовых темпов роста потребительских цен в 11 странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) составляли всего 1,6 – 3,9%, то в 1967 – 1972 гг. – уже 3,5 – 6,7%, а в 1972 – 1980 гг. – 4,6 – 21,3%¹⁴. Из безобидного "спутника экономического роста", как привыкли изображать инфляцию сторонники Кейнса, она превратилась в грозный дезорганизующий фактор, источник острых социальных и экономических противоречий.

Особенностью повышения цен в 70-х годах было то, что ему сопутствовали сокращение производства и рост безработицы. Такое беспрецедентное в хозяйственной жизни Запада явление потребовало даже специального термина, который не замедлил появиться на страницах западной печати . "Стагфляция" – своеобразный гибрид "стагнации" и "инфляции" – не только указывала на ложность утверждений, будто рост цен является неотъемлемым спутником экономического подъема, но и развенчивала миф об исчезновении промышленного цикла.

Ошибочность многих кейнсианских утверждений выявила теперь в полной мере. Неудивительно, что эта теория стала объектом остройшей критики. Если в 60-х годах с легкой руки президента Никсона стала ходячей фраза "Все мы теперь кейнсианцы", свидетельствующая о популярности политики активизма, то теперь, напротив, открылся простор для быстрого подъема консервативных течений. Мысль, что кейнсианской доктрине свойственны глубокие внутренние противоречия и что она нуждается в пересмотре, перестала быть уделом отдельных критиков; ее признали и многие видные сторонники этого учения¹⁵. Дж. Стейн писал о кризисе кейнсианства: "Более не существовало консенсуса, что кейнсианская модель является надежным ориентиром при формулировании политики, направленной на устранение разрыва между потенциальным и фактическим уровнем производства"¹⁶.

Противники Кейнса из неоклассического лагеря активизировались и повели массированное наступление по всем важнейшим разделам экономической теории (экономический рост и накопление капитала, распределение доходов, занятость, инфляция, деньги, государственный бюджет и т. д.). Эта критическая волна, получившая в западной литературе название "неоклассического возрождения", является весьма аморфным течением. Оно объединяет экономистов, стоящих на различных позициях, но имеющих явно выраженную консервативную основу. Общая цель сводится к тому, чтобы опровергнуть кейнсианскую идею о внутренней неустойчивости капиталистического производства, обосновать тезис о неэффективности и, более того, об опасных и вредных последствиях вмешательства государства в хозяйственные процессы.

Подводя итог кейнсианским экспериментам в области политики, следует подчеркнуть, что важная сторона Кейнсовой доктрины, обуславившая ее исключительное влияние и популярность, заключалась в признании неизбежности серьезных нарушений, возникающих в процессе функционирования капиталистического хозяйства и в разработке программ по смягчению или преодолению кризисных явлений. Но претензии кейнсианцев на создание "общей", всеобъемлющей модели капиталистического воспроизводства оказались в конечном счете несостоительными.

Как показал опыт послевоенных лет, борьба с цикличностью, основанная на политике управления спросом, может способствовать временной активизации производства на отдельных этапах экономического развития. Но эти мероприятия ведут к новым диспропорциям, к нарушению сбалансированности в других хозяйственных звеньях. Таков закономерный итог попыток создать теоретическую модель экономики, абстрагируясь от важных черт социально-политического устройства капиталистической системы.

Монетаризм: рождение доктрины и ее эволюция

Анализируя исторические корни монетаризма, А. Нобэй и Г. Джонсон писали: "Под именем "монетаризма" возродилась давняя историческая традиция в области денежной теории, которая, казалось, была разгромлена и подверглась интеллектуальной изоляции в ходе "кейнсианской революции". Новое течение вновь акцентировало внимание на роли денег в объяснениях колебаний экономической активности и инфляции"¹⁷. "Давняя историческая традиция" – это количественная теория денег, которая прошла долгий путь и была важной составной частью неоклассических взглядов.

Монетаристы поставили целью оживить и модернизировать количественную теорию, которая потерпела чувствительное фиаско в 30-х годах и в последующем находилась в состоянии глубокого застоя. Они попытались придать ей большую гибкость, снять наиболее сомнительные ее утверждения и выводы, перестроить структуру, систему доказательств, аналитический аппарат. В таком обновленном виде эта теория стала стержнем учения, которое, говоря словами Фридмена, утверждало, что "деньги имеют значение и что любая оценка краткосрочных колебаний хозяйственной активности будет, по-видимому, чревата серьезными ошибками, если при этом не учитывается изменение денежных показателей"¹⁸.

В момент своего зарождения в 50-х годах монетаризм выступал под вывеской чикагской школы. Это интересная страница в истории доктрины. В статье 1956 г. "Количественная теория денег: новая формулировка", явившейся своеобразным манифестом монетаризма, Фридмен заявил, что его учение восходит своими корнями к работам экономистов, преподававших в разные годы в Чикагском университете. Среди них – Г. Саймонс, Л. Минтс, Ф. Найт, Дж. Винер. Идеи этой школы, утверждал Фридмен, не были, как правило, выражены в опубликованных работах, а существовали преимущественно в виде "устной традиции", высказывавшиеся в беседах, на лекциях и т. д. Именно здесь родилась, по его словам, та "более уточненная и соответствующая реальности" версия количественной теории, которая составила фундамент современного монетаризма¹⁹.

Предпринятые впоследствии различными авторами попытки идентифицировать "чикагскую традицию", выявить ее главные особенности и признаки не были, как правило, удачными. Выяснилось, что взгляды экономистов, которых Фридмен назвал духовными отцами, отличались

эклектизмом. Их трудно привести к общему знаменателю, который присущ любой крупной политэкономической школе.

Американский экономист Г. Миллер попытался нарисовать портрет "чикагца", т. е. представителя чикагской школы, выявить его отличия от "не-чикагца". Он отметил, что практикуемое обычно отождествление школы с Чикагским университетом до некоторой степени обманчиво, так как не все сотрудники экономического факультета и не все экономисты, обучавшиеся ранее в Чикаго, являются "чикагцами". Тем не менее Миллер признал существование чикагской школы, утверждая, что для ее исторических традиций характерны следующие черты: защита частнопредпринимательского хозяйства и ограничение функций правительства, проповедь идей свободного рынка, признание догматов неоклассической доктрины, поддержка количественной теории и оппозиция учению Кейнса, акцент на "проверке гипотез" (hypothesis testing) как основном принципе позитивистской методологии и т. д.²⁰

Известный экономист Дж. Стиглер, которого печать поспешила зачислить в последователи чикагской школы, назвал этот перечень "озадачивающим". Увлечение неоклассической теорией, или эмпирическая "проверка гипотез", присущее очень многим экономистам, которые отнюдь не разделяют взглядов Фридмена по вопросам денег и их влияния на экономику. По мнению Стиглера, Миллер не смог выявить отличительные черты чикагской школы²¹.

Чувствительный удар по фридменовским претензиям нанес известный теоретик и историк экономической мысли Д. Патинкин. Он подверг тщательному рассмотрению взгляды тех чикагских экономистов, которых упоминает Фридмен в статье 1956 г., проанализировал печатные труды этих ученых, их лекции, записи которых сохранились у Патинкина со времен учебы в Чикагском университете, защищенные под их руководством диссертации и т. д. Патинкин показывает, что в 30 – 40-х годах в Чикаго господствовал банальный вариант количественной теории, основанный на уравнении обмена И. Фишера и провозглашавший наличие прямой и непосредственной связи между количеством денег в обращении и уровнем цен. Теория же Фридмена развивает другое ответвление количественной теории – кембриджскую версию, преобразованную затем Кейнсом в теорию предпочтения ликвидности и изучавшую спрос на кассовые остатки со стороны хозяйственных агентов. По мнению Патинкина, концепция Фридмена представляет собой одно из звеньев в длительной эволюции кембриджской версии и представляет "элегантный и усложненный вариант современной кейнсианской теории денег"²². Патинкин, следовательно, не только отвергает существование особой – "чикагской" – традиции в политэкономии, но и подчеркивает родственную связь и преемственность портфельного анализа Фридмена с теорией денег Кейнса.

Соображения Патинкина нашли поддержку у других видных теоретиков. Анализируя истоки "монетаристской контрреволюции", Г. Джонсон высказал убеждение, что "устная традиция" Чикагского университета явилаась "изобретением Фридмена" в его попытках установить "правдоподобную связь" своего учения с докейнсианской количественной теорией и тем придать ему необходимый вес и академическую репспектабельность²³.

В ряде своих публикаций конца 60-х годов Фридмен умерил притязания на руководство особой экономической школой. В его статье о количественной теории, написанной для "Международной энциклопедии социальных наук" (1968), и в "Теоретических основах монетарного анализа" (1970) нет упоминаний о чикагской школе. Кроме того, он признал, что его концепция находится "под сильным влиянием кейнсианского анализа предпочтения ликвидности"²⁴. Однако в другой работе того же периода Фридмен вновь поднимает вопрос об исторической преемственности своей доктрины, о ее связи с работами чикагских экономистов 30 – 40-х годов. При этом он отвергает мысль, что его теория является продолжением и развитием идей Кейнса²⁵.

Спор о чикагской школе так и остался незавершенным. Ряд авторов (Д. Моггридж, С. Хаусон и др.) присоединились к мнению, что чикагские экономисты не оставили "монолитного наследия" в области денежной теории. Другие, например Дж. Тавлас, утверждают, что в работах чикагских экономистов (особенно Ф. Найта, Л. Минтса и Г. Саймонса) им удалось обнаружить особый подход к количественной теории, "основанный на изменяющейся скорости обращения денег", и оригинальную концепцию денежно-кредитной политики, где мероприятия центрального банка тесно связаны с регулированием государственного бюджета. Тавлас на этом основании полагает, что "фридменовская теория денег перебрасывает мостик к взглядам его чикагских учителей в области количественной теории"²⁶. Тем не менее после критики Патинкина и других авторов ссылки на чикагскую школу пошли на убыль и ее место прочно занял монетаризм, введенный К. Бруннером в 1968 г.

Монетаристы выдвинули лозунг "Деньги имеют значение" (Money matters), ставший своеобразным символом их учения. На первый взгляд здесь высказана здравая и разумная мысль о важной роли денежного обращения в процессах хозяйственного развития. На деле же сторонники нового варианта количественной теории вкладывают в эту фразу особый, потайной смысл. Они, как правило, трактуют деньги не просто как значимый экономический фактор, а как главный, центральный элемент хозяйственной системы, определяющий по существу состояние экономической конъюнктуры и весь ход воспроизводственного процесса.

Эту черту монетаристского подхода обрисовал Дж. Тобин. Он приводит три фразы, содержащие альтернативные оценки роли денежных факторов:

Деньги не имеют значения (Money does not matter).

Деньги также имеют значение (Money does too matter).

Только деньги имеют значение (Money is all that matters).

Тобин пишет, что "очень легко соскользнуть от второго положения к третьему". Монетаристы, полагает Тобин, убедительно доказали, что деньги "имеют значение". Но часто вопреки собственной логике и статистическим фактам они переходят "к другой крайности, где количество денег становится необходимым и достаточным условием, определяющим величину денежного дохода"²⁷.

Монетаристы выступили с активной пропагандой теории "устойчивых денег" (stable money), которая имеет давние традиции в истории немарксистской экономической мысли. "Значение стабильности денег, – пишут

М. Бордо и А. Шварц, – связано с важным независимым воздействием денежных сдвигов на последующий ход экономической активности. Если бы деньги не имели значения или оказывали второстепенное влияние на изменение потока расходов, доходов и цен, стабильность денег не привлекала бы столь пристального внимания”²⁸. Монетаристы исходят из тесной причинной зависимости между ”денежной стабильностью” и общехозяйственной конъюнктурой, видя в денежных нарушениях главную причину возникновения экономических кризисов.

Непосредственным предшественником монетаристов в постановке ряда ключевых вопросов функционирования денежной сферы был американский экономист К. Уорбертон, долгое время работавший в федеральной корпорации по страхованию депозитов США. В 40 – 50-х годах он выступил с теорией ”денежных неравновесий”, которая связывала корни циклического развития конъюнктуры с денежными ”шоками”, дисбалансом спроса и предложения в денежном обороте. Уорбертон, разумеется, не был первооткрывателем монетарной теории цикла. ”Исторический факт, – писал он, – заключается в том, что классической теории равновесия сопутствовала в ее развитии теория неравновесия, применяемая к тем случаям, когда не удовлетворяются условия поддержания сбалансированности денежной сферы”. Элементы этой теории он находит в работах Д. Юма, Г. Эттвуда, Т. Джоплина, Г. Торнтона и других экономистов XVIII – XX вв.

Уорбертон попытался подкрепить теорию денежных неравновесий новыми статистическими данными и посвятил этой теме ряд работ²⁹. Задолго до Фридмена, в 1946 г., он сформулировал одно из главных положений монетаристов, гласящее, что ”нехватка денег – это главная причина возникновения экономических депрессий и превращения небольших спадов в глубокие кризисы...”³⁰. При этом вина за ”нехватку денег” возлагалась на политику центрального банка.

В условиях господства кейнсианских взглядов идеи Уорбертона не могли привлечь внимание. И лишь позднее, в 60-х годах, когда монетаристы развернули мощное наступление против кейнсианской доктрины, они использовали работы Уорбертона и его теорию денежных неравновесий. Американский экономист Дж. Дорн пишет: ”Как движущая сила монетаристской школы, Фридмен воспринял многие положения теории денежных неравновесий. Он одобрил идею доминирующей роли беспорядочных изменений денег в возникновении колебаний экономической активности и признал важность заторможенности ценовых корректировок как фактора отсрочки перехода к новому равновесию цен”³¹.

Против монетаризма как экстремистского учения, преувеличивающего роль денег, выступили многие видные экономисты. П. Самуэльсон пишет, что для монетаристов ”деньги, М1 или М2, и, возможно, различные темпы их роста являются главными факторами, определяющими состояние совокупного спроса... Все остальное – это шум, помехи”. Он заключает: ”Деньги – да, монетаризм – нет”³².

Некоторые авторы склонны расценивать крайнюю позицию Фридмена в оценке роли денег как своего рода полемический прием, используемый в борьбе против кейнсианства. Шведский экономист Й. Мирман признает, например, что многие заявления Фридмена действительно соответст-

вуют тезису "только деньги имеют значение". Но при этом он призывает учесть, "какая потребовалась выдержка, смелость, интеллектуальная мощь, чтобы разрушить ту господствующую систему взглядов, которую породила кейнсианская революция к началу 50-х годов"³³. Отсюда и экстремизм взглядов Фридмена. Выполнив задачу по подрыву кейнсианства, монетаризм, по словам Мирмана, занял более умеренные позиции.

Вряд ли можно согласиться с такой интерпретацией. Выдвижение денег на роль главного причинного фактора в системе хозяйственных отношений капитализма – это не полемический перехлест, не временное, преходящее явление. Это суть монетаризма как теоретической доктрины, одна из главных его черт. Выбор количественной теории как центрально-го ядра нового учения позволил его сторонникам решить ряд стратегически важных задач. Прежде всего создавался теоретический плацдарм для наступления на позиции кейнсианцев, которые, по утверждению монетаристов, игнорировали важную роль денег в хозяйственном процессе.

Для доказательства этого монетаристы часто ссылаются на тот вариант доктрины "без денег", который Г. Джонсон назвал "вульгарным кейнсианством". Так, в отчете комиссии Рэдклиффа (1959 г.), авторами которого были некоторые видные последователи Кейнса, денежная масса расценивалась как малозначимый фактор в экономике, а денежно-кредитная политика по существу объявлялась неэффективным средством регулирования конъюнктуры³⁴. Многие экономисты кейнсианского направления поспешили отмежеваться от излишне прямолинейных выводов комиссии Рэдклиффа. Самуэльсон, например, назвал отчет "самой бесплодной операцией всех времен"³⁵. Однако для кейнсианства всех видов и оттенков типична недооценка роли денежных факторов, что было умело использовано монетаристами.

Монетаристская школа выдвинула своего вождя и бессменного лидера – М. Фридмена. Его влияние на современную экономическую мысль столь велико, что многие авторы называют новое учение "контрреволюцией Фридмена". Н. Калдор писал, например, что монетаризм – это "плод усилий преимущественно одного экономиста, обладающего исключительной силой убеждения, – профессора Милтона Фридмена"³⁶. Путь М. Фридмена от бывшего к широкой популярности и признанию совершился очень быстро. "В начале 50-х годов, – пишет И. Батлер, – он еще был лишь одним из экономистов академического толка, написавшим несколько небольших работ по вопросам денежной теории. К концу же 60-х годов он стал ведущим представителем чикагской школы и прославился на весь мир своими неустанными напоминаниями о важности денежных факторов в процессах инфляции"³⁷.

Родился Фридмен в 1912 г. в бедной семье еврейских иммигрантов в нью-йоркском районе Бруклин. Во время учебы проявил хорошие математические способности, затем увлекся экономической наукой. Окончив в 1932 г. Рутгерский университет, он переехал в Чикаго для углубленного изучения экономической теории. Там встретился с крупными учеными (Ф. Найтом, Дж. Винером, Г. Саймонсом), придерживавшимися неоклассических взглядов на роль рыночных факторов в экономике капитализма. Из-за плохого финансового положения Фридмен оставил Чикагский университет и перешел в Колумбийский, где ему была предо-

ставлена стипендия. Одним из его наставников был известный исследователь деловых циклов У. Митчелл, прививший ему вкус к эмпирико-статистической работе. В 1937 г. Фридмен принял участие в разработке исследовательского проекта Национального бюро экономических исследований под руководством С. Кузнецова. Результатом явилась его работа "Доходы от независимой профессиональной практики" (1945).

В годы второй мировой войны Фридмен работал в казначействе США и в отделе военных исследований Колумбийского университета. В 1948 г. он вернулся в качестве преподавателя в Чикагский университет, где занялся изучением проблем денег и ценообразования, а также методологическими вопросами общественных наук. Эти темы развиты в сборнике его статей "Очерки позитивной экономики" (1953). Книга "Исследования в области количественной теории денег", вступительная статья к которой Фридмена стала "классическим образом современной интерпретации... количественной теории денег"³⁸, знаменовала выход монетаризма на широкую арену. В последующие годы доктрина стала объектом острых дискуссий и ожесточенной критики, в ходе которых научный авторитет Фридмена неуклонно возрастал. В 1967 г. он был избран президентом Американской экономической ассоциации, а в 1976 г. ему была присуждена Нобелевская премия по экономике.

М. Фридмен сыграл ведущую роль в формировании и утверждении монетаристской доктрины. Он сформулировал основные теоретические положения монетаризма, разработал их аргументацию. По сравнению с его вкладом участие других крупных представителей направления – Ф. Кейгена, Д. Мейзельмана, К. Бруннера, А. Мельцера, Д. Лейдлера, А. Шварца – выглядит гораздо более скромным. Они часто выступали в роли интерпретаторов и популяризаторов идей своего вождя. Вместе с тем "персонификация" истоков монетаризма, изображение его "детищем одного человека" являются значительным упрощением. Монетаризм – продукт определенной эпохи, специфическая реакция на важные изменения в экономике капитализма. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в течение первых полутора десятилетий с момента своего появления это течение не получило признания. В те годы капиталистический мир переживал полосу экономического подъема. Это способствовало укреплению авторитета кейнсианской теории, сторонники которой изображали высокую конъюнктуру как результат энергичной политики государства, его усилий по стимулированию спроса. Лишь после того, как эскалация военных действий США во Вьетнаме во второй половине 60-х годов привела к резкому росту бюджетных дефицитов и ускорила повышение товарных цен, позиции монетаристов укрепились и их популярность возросла.

Монетаристская доктрина прошла ряд этапов, на каждом из которых главное внимание было обращено на разработку определенного круга проблем. Так, на начальном этапе, занявшем вторую половину 50-х и начало 60-х годов, основные усилия были сосредоточены на разработке нового варианта количественной теории денег, выраженного в форме стабильной функции спроса на деньги. Эта функция была в построениях монетаристов аналогом устойчивой и надежно прогнозируемой скорости обращения денег, служащей звеном связи между денежной массой и но-

минальным (денежным) доходом. В последующие годы было проведено множество эконометрических расчетов функции спроса на деньги³⁹. Большинство исследователей стремились выявить справедливость монетаристского тезиса, что указанная функция отражает устойчивые законы поведения хозяйственных субъектов, четко прослеживаемые в различных исторических ситуациях.

Параллельная линия развития монетаристской доктрины в эти годы связана с сопоставлением монетаристской и кейнсианской моделей хозяйственного механизма, оценкой их "предсказательных" свойств*. Монетаристы утверждали, что их модель капиталистической экономики более надежна и служит лучшей основой для прогнозирования конъюнктуры. Большой резонанс вызвала вышедшая в 1963 г. работа М. Фридмена и Д. Мейзельмана, где в качестве главного объекта критики был избран мультиликатор инвестиций, служащий ключевым элементом кейнсианских моделей. Авторы связывали теорию инвестиционного мультиликатора со взглядом, что "деньги не имеют значения". Этот вывод, подчеркивали они, не обязательно следует из учения Кейнса, но "на практике многие кейнсианцы были склонны считать, что инвестиции не реагируют на изменения процентных ставок, и сосредоточивали внимание на простейшей версии теории, где запас денег игнорировался и рассматривался как осколок прошлых заблуждений".

Фридмен и Мейзельман провели своеобразный тест, чтобы установить, какой из двух показателей более надежен для прогнозов динамики национального дохода — мультиликатор инвестиций (в их формулировке — "отношение потока дохода или потребительских расходов к потоку инвестиций") или скорость обращения денег ("отношение потока дохода или потребительских расходов к денежному запасу"). С этой целью были использованы два типа уравнений регрессии: в одном потребительские расходы рассматривались как функция "автономных расходов" (инвестиции в основной капитал плюс дефицит государственного бюджета в системе национальных счетов плюс сальдо расчетов с заграницей); в другом — как функция денежной массы (наличные деньги в обращении плюс вклады до востребования плюс срочные вклады в коммерческих банках). Первая группа уравнений, по мысли авторов, представляет кейнсианский подход, вторая — монетаристский.

Расчеты, проведенные на основе американской статистики за период с 1898 по 1957 г., выявили более высокую степень корреляции между потребительскими расходами и "объясняющими" переменными в уравнениях, содержащих денежную массу. Из этого был сделан вывод, что "при объяснении изменений национального дохода запас денег несомненно является гораздо более важным, чем автономные расходы" (т. е. инвестиции. — В. У.), что "простая версия доходно-расходной (кейнсианской. — В. У.) теории... почти совершенно неприменима для описания стабильных эмпирических связей" и что "подход количественной теории к изучению изменений дохода, по-видимому, более плодотворен, чем подход доходно-расходной теории". Что касается экономической политики,

* В соответствии с позитивистским методом Фридмена именно прогнозные свойства служат главным критерием правильности доктрины.

то и здесь, по мнению авторов, "контроль над запасом денег служит гораздо более полезным орудием воздействия на уровень совокупного денежного спроса, чем контроль над автономными расходами"⁴⁰.

Еще одна фаза противостояния монетаристской и кейнсианской доктрин касалась вопроса о характере и причинах промышленных циклов. В 1963 г. М. Фридмен и А. Шварц выпустили под эгидой Национального бюро экономических исследований США объемистую книгу "Монетарная история Соединенных Штатов, 1867 – 1960"⁴¹, где на огромном статистическом материале они пытались доказать, что все крупные циклические колебания хозяйственной активности в новейшей истории Соединенных Штатов определялись хаотическими колебаниями денежной массы. Этот шаг в развитии монетаризма тесно связан с предшествующей фазой – преобразованием традиционной количественной теории из теории общего уровня цен в теорию номинального дохода. В центре монетаристского исследования цикла как раз и находится предполагаемая причинная зависимость между изменениями денежного запаса и колебаниями валового национального продукта (дохода) в денежном выражении.

Важную роль в эволюции монетаризма сыграла дискуссия о природе инфляции. Фридмен и другие монетаристы трактуют инфляцию как "чисто денежное" явление, порождаемое ускоренной эмиссией платежных средств. Здесь отчетливо выступают неоклассические корни доктрины, ее связь с количественной теорией, провозглашающей наличие прямой и непосредственной связи между количеством денег и общим уровнем цен. И хотя монетаристская модель номинального дохода допускает изменения его физического компонента под влиянием денежных сдвигов, основной эффект всегда проявляется в области цен. Деньги в этой схеме нейтральны, их эффект выражен в изменениях "ценовой оболочки".

Кейнсианская позиция по этим вопросам существенно отличалась от монетаристской. Согласно взглядам автора "Общей теории", "подлинная" инфляция возникает лишь тогда, когда экономика страны достигает уровня полной занятости; до этого момента, при наличии в хозяйстве незагруженных мощностей и большой армии безработных, рост денежной массы в обращении будет оказывать преимущественное влияние не на уровень цен, а на физический объем производства через изменения нормы процента. Небольшая ("ползучая") инфляция имеет, с точки зрения кейнсианцев, полезный, "взбадривающий" эффект, она сопутствует процессу экономического развития, росту производства и дохода. Но в целом теория цены была ахиллесовой пятой кейнсианского учения. Обычно принималась предпосылка неэластичности ценового уровня в краткосрочном периоде, что устраяло из поля зрения анализ инфляции и ее отрицательных последствий для экономики.

В 60-х годах сторонники кейнсианского подхода предприняли попытку восполнить этот пробел, использовав аппарат кривой Филлипса. Английский экономист А. Филлипс выявил статистическую корреляцию между темпами изменения заработной платы и уровнем (темпами изменения) безработицы в Англии за период 1861 – 1957 гг.⁴² Позднее П. Самуэльсон и Р. Солоу заменили в диаграмме Филлипса темп изменения заработной платы на темп изменения уровня цен и получили "модифицированную" кривую Филлипса, где динамика цен связана обратной зависи-

мостью с уровнем безработицы⁴³. Из этого были сделаны важные выводы в отношении экономической политики.

Тезис о том, что, чем выше темпы инфляции, тем меньше безработица и, наоборот, чем медленнее растут цены, тем больше людей теряет работу, соответствовал кейнсианским рецептам управления конъюнктурой. Практикам экономического регулирования рекомендовалось "скользить" вдоль кривой и выбирать такую комбинацию темпов инфляции и безработицы, которая соответствует текущим целям и приоритетам политики. Если, например, желательно существенно повысить уровень производства с помощью экспансионистских мероприятий, то следует пожертвовать ценовой стабильностью, допустив при этом ускорение инфляции. Если же возникает необходимость "охладить" экономику и затормозить рост цен, то этого можно достигнуть, сократив производство и занятость. Расчеты на основе кривой Филлипса обещали, казалось, простое и доступное решение проблемы "конфликта целей" экономической политики. Филлипс, например, полагал в начале 60-х годов, что стабильность цен в Англии может быть обеспечена при норме безработицы 2,5%, а в США – 7 – 8%⁴⁴. В свою очередь, основываясь на расчетах параметров кривой Филлипса, Совет экономических консультантов при президенте США принял в 1962 г. решение ориентироваться на 4%-ный уровень безработицы, который, по его мнению, соответствовал "приемлемому темпу инфляции в 4% в год"⁴⁵.

Монетаристы выступили против кейнсианского истолкования кривой Филлипса и изображения инфляции как "неизбежной платы" за достижение высокого уровня производства и занятости. Они отвергли идею "постоянного компромисса" целей равно как и возможность бесконечного балансирования между умеренной инфляцией и полной занятостью.

Эта полемика знаменовала собой новую, пожалуй, наиболее важную стадию монетаристского наступления. На заседании Американской экономической ассоциации в декабре 1967 г. Фридмен высказал мысль о существовании "естественного уровня безработицы", который жестко определен условиями рынка рабочей силы и не может быть изменен мерами правительственной политики⁴⁶. Если правительство прилагает усилия для поддержания занятости выше ее "естественного" уровня с помощью традиционных бюджетных и кредитных методов нагнетания спроса, то эти меры будут иметь сугубо кратковременный эффект и в конечном счете приведут лишь к росту цен.

Важное место в рассуждениях Фридмена отводилось инфляционным ожиданиям – предположениям по поводу будущего роста цен, формирующимся в сознании участников экономического оборота. Кейнсианцы в своих построениях не придавали значения реакции хозяйственных агентов на обесценение денег. У монетаристов же эти процессы заняли центральное место. Они выдвинули идею адаптивного характера ожиданий, которые, по их мнению, базируются на прошлом опыте и целиком зависят от темпов изменения цен в предшествующем периоде. Согласно этой версии, чем выше темпы инфляции, тем в большей степени участники воспроизводственного процесса учитывают в своих прогнозах и действиях предстоящий рост цен и стараются нейтрализовать его последствия с помощью специальных оговорок в трудовых соглашениях, дело-

вых контрактах и т.д. Поэтому с течением времени перераспределительные и стимулирующие эффекты инфляции, на которые рассчитывает правительство, ослабевают. Чтобы активизировать их, правительственные органы вынуждены прибегать к новым, "внезапным", не учтенным в хозяйственных договорах и контрактах о найме рабочей силы инфляционным "встряскам". Это ведет ко все более крупным дозам дефицитного финансирования из бюджета, вызывая нескончаемый рост инфляционной спирали. Теория Фридмена получила в этой связи название "акселерационной доктрины", т.е. доктрины постоянно ускоряющихся темпов инфляции. Чтобы разорвать порочный круг, Фридмен рекомендовал прекратить "бессмысленную" политику стимулирования спроса и снять с повестки дня лозунг достижения высокого уровня занятости.

Спор по поводу кривой Филлипса тесно связан с монетаристскими рекомендациями в области экономической политики. Первые заявления по этим вопросам Фридмен сделал еще в статье "Денежные и фискальные основы экономической стабильности" (1948), а затем – в серии лекций, прочитанных в Фордхэмском университете в 1959 г.⁴⁷ В качестве основополагающего принципа политики в денежной сфере там была сформулирована идея так называемого денежного правила, т.е. увеличения денежной массы постоянным темпом независимо от состояния конъюнктуры и фазы цикла.

Война, которую монетаристы в течение многих лет вели против "фискализма", как они именовали кейнсианскую политику, делающую упор на бюджетные методы, также имела свои этапы. Сначала среди аргументов монетаристов по поводу несостоенности этой политики делался упор на непредсказуемость результатов государственных мероприятий из-за наличия задержек (лагов) в проявлении эффекта этих мер, а также ссылка на неэффективность налоговых и других бюджетных методов регулирования. Позднее же на первое место в системе доказательств вышел эффект вытеснения (the crowding out effect) частных (негосударственных) инвестиций вследствие отвлечения крупных материальных и денежных ресурсов в сферу правительственные операций. Суть этого довода заключалась в следующем: то, что выигрывает хозяйство от увеличения государственных инвестиций, оно теряет из-за одновременного сокращения расходов частнокапиталистического сектора.

В середине 70-х годов противоборство кейнсианской и монетаристской школ уже непосредственно проявилось в области практических мероприятий хозяйственной политики. Как писал Г. Джонсон, "новые идеи завоевывают публику и профессионалов не своими научными достоинствами, а ответом на вопрос, обещают ли они решение проблем, которые устоявшаяся ортодоксия не способна решить"⁴⁸. В конце 70-х и начале 80-х годов показателем резко возросшей популярности монетаризма стало использование его предписаний при формулировании экономической политики. Широкое распространение в практике центральных банков получили различные варианты денежного правила. Это привело к существенным изменениям в стратегии экономического регулирования в капиталистических странах. Тактика активизма, энергичного управления спросом для исправления конъюнктурных "перекосов" и ускорения темпов хозяйственного роста утратила свою привлекательность. Произо-

шел поворот к "постепенности" и "сдержанности" в проведении политики, сопровождающийся "зажимом" денежной массы и ограничением кредита.

Характеризуя хозяйственную ситуацию в Англии в 70-х годах, М. Десаи указывает на исключительную быстроту и решительность изменений в политике правительства этой страны. "Очень редко можно наблюдать, — писал он, — чтобы теоретические аргументы одержали столь быструю и внушительную победу, по крайней мере в области политики, как это было в результате разгрома, нанесенного монетаристами кейнсианской политике управления спросом..."⁴⁹ Решающую роль, как считает Десаи, сыграла острая инфляция.

Ускорившийся рост цен, несомненно, способствовал изменению настроений и преференций различных слоев капиталистического общества, благоприятствовал распространению монетаристских идей, тогда как упорное игнорирование кейнсианцами отрицательных последствий инфляции подорвало их позиции в глазах общественного мнения. Но причины быстрого роста популярности монетаризма, на наш взгляд, значительно глубже. Их корни следует искать в ухудшении общих условий капиталистического воспроизводства, что привело к изменению стратегической линии правящих кругов капиталистических стран, их резкому сдвигу вправо.

Темпы экономического роста в 70-х годах значительно упали. Вывился ряд неблагоприятных факторов — нехватка важных видов сырья, дефицит энергоресурсов, некоторых продовольственных товаров. Обострилась конкуренция, и возросли трудности сбыта на внутренних и мировых рынках. Значительно возрос накал классовой борьбы, увеличилось количество банкротств. Одновременно снизилась эффективность производства, производительность труда. Под угрозой оказалась святая святых капиталистического предпринимательства — норма прибыли.

В этих условиях на смену кейнсианскому лозунгу полной занятости была выдвинута цель обеспечения стабильности покупательной силы денежной единицы. Руководители монополий взяли курс на развязывание стихии рынка, свертывание правительственные социальных программ, прекращение политики стимулирования экономического роста. Получили популярность теоретические схемы, призывающие к возрождению неоклассических принципов, резко ограничивающих вмешательство правительственные органов в хозяйственный процесс. Монетаризм стал важной частью "нового консерватизма".

Характерные признаки монетаризма

В обширной литературе по проблемам монетаризма большое место занимают споры о главных чертах и конституирующих свойствах этого учения, о той разграничительной линии, которая отделяет его от других течений в экономической мысли Запада. Теоретики монетаризма, равно как и экономисты, не принадлежащие к этому течению, неоднократно пытались "определить" монетаризм, дать типовой набор его отличительных черт и особенностей.

О значительных расхождениях в понимании сущности и целей монетаризма свидетельствуют, например, ответы на анкету объединенной экономической комиссии конгресса США, распространенную в начале 80-х годов. На вопрос: "Что такое монетаризм?" – давались такие определения.

Председатель ФРС П. Волкер: "...это взгляд, что денежно-кредитная политика должна целиком или в первую очередь формулироваться в терминах роста показателей денежной массы, причем предполагается, что имеется достаточно устойчивая связь между деньгами и другими ключевыми переменными".

Дж. Барт из Университета Джорджа Вашингтона: "...это точка зрения, что хозяйство в своей основе более устойчиво при отсутствии интервенционистской политики государства, чем при проведении таких мероприятий..."

Г. Хаберлер (Американский предпринимательский институт по изучению правительенной политики): "...теория о том, что необходимым и достаточным условием сдерживания инфляции является постепенное и устойчивое замедление роста денег..."

Дж. Джордан из Университета Нью-Мехико: "...теория, которая утверждает, что темп инфляции является функцией темпов создания денег".

Р. Ауэрбах (президент исследовательской фирмы): "Все мы теперь монетаристы, если критерием служит внимание к росту денежной массы как к ключевому фактору здоровой экономики" и т.д. и т.п.⁵⁰

В чем же причины подобных разнотечений? Прежде всего, конечно, в том, что, как и всякое другое крупное течение экономической мысли, монетаризм многомерен. Он объединяет экономистов, которые по-разному трактуют его отдельные постулаты и выдвигают на первый план те или иные его черты и практические рекомендации. Но есть и другие особенности доктрины, которые затрудняют восприятие монетаристских идей и четкую их идентификацию. Во-первых, это специфическая форма изложения монетаристских взглядов. Работы сторонников этого направления изобилуют нарочито туманными формулировками, оговорками и условностями, допускающими различные толкования позиций авторов. Фридмен и его коллеги, как правило, сопровождают свои выводы словами "предположительно", "возможно", "скорее всего", что позволяет им при случае утверждать, что в действительности имелось в виду нечто совершенно иное и что их "неправильно поняли".

Во-вторых, использование так называемой позитивистской методологии, которая сводит процесс научного поиска к "эмпирическим проверкам" альтернативных гипотез. В "Методологии позитивной экономической науки" (1953) Фридмен проводит границу между позитивной и нормативной науками. "Позитивная экономическая теория, – утверждает он, – в принципе независима от этических установок или нормативных суждений". Ее функция – "служить архивом (filing system) для организации эмпирического материала и облегчения нашего понимания его". Конечная цель позитивной науки – построение теории или гипотезы, которая дает правильные и содержательные предсказания о еще ненаблюдаемых явлениях. Обоснованность гипотезы определяется ее "предска-

зательной силой для того класса явлений, которые она стремится объяснить...”⁵¹

По Фридмену, процесс научного познания сводится к сопоставлению динамики различных статистических показателей, выявлению совпадений и аналогий между ними и построению на этой основе “гипотез” для “причинного” истолкования наблюдаемых явлений. Монетаристов не очень заботит возможность ошибочных заключений на основе ложной корреляции: в их работах статистическая связь часто трактуется не только как необходимое, но и как достаточное условие для вывода о существовании причинно-следственной связи. Так, обнаружив определенные совпадения в колебаниях статистических рядов денежной массы и ВНП в текущих ценах в США за длительный период времени, они выдвигают гипотезу о “чисто монетарном” происхождении циклических подъемов и спадов в воспроизводственном процессе. Слабая аргументированность подобного вывода очевидна, так как вне поля зрения остаются десятки других важных факторов, влияющих на процессы производства и обращения общественного продукта. Но монетаристы считают, что уже сам факт наличия высокой корреляции “доказывает” правильность денежных объяснений природы циклических изменений.

Подобный метод анализа открывает большие возможности для разного рода спекуляций, поверхностных и необоснованных суждений; теоретирования по принципу *ad hoc* (в связи с конкретным случаем) и т. д. Ознакомившись со сборником статей Фридмена “Оптимальное количество денег и другие очерки”, английский экономист Ф. Хан приходит к такому выводу: “Наиболее очевидный факт... состоит в том, что у Фридмена нет теории денежных процессов и он не претендует на то, что она у него есть. Его категоричные и влиятельные взгляды покоятся не на понимании того, “как функционируют деньги”, а на том толковании истории денежного обращения, к которому приводят его эмпирические исследования”⁵².

Монетаристы стремятся создать впечатление, что их концепция непосредственно вытекает из “фактов”, базируется на реально наблюдаемых процессах. Ведь, согласно их методологии, теория – это не более чем “гипотеза”, соответствующая сумме эмпирических наблюдений. Однако в действительности монетаристская концепция с самого начала подчиняется априорным суждениям и доктринерским установкам. Подбор, обработка, истолкование фактов заранее обусловлены задачей утверждения догматов количественной теории и общих выводов неоклассического учения. Достаточно ознакомиться с философской концепцией Фридмена, чтобы убедиться, что его идеи по узкопрофессиональным вопросам денежной теории органически вытекают из его идеологических и политических пристрастий.

Выдвигая тезис об определяющем влиянии денег в хозяйственной системе, монетаристы долгое время отказывались объяснить экономический механизм, посредством которого реализуется это влияние, что, естественно, тоже не способствовало уяснению их истинных взглядов. Монетаристские модели, как правило, строились по принципу “черного ящика”, где известны лишь входные и выходные данные, а внутренняя структура не определена. Эта особенность анализа обусловлена поиском

чисто внешних статистических ассоциаций и аналогий, не претендующим на выявление глубинных, качественных связей между элементами хозяйственной системы.

Монетаристы отрицают полезность больших структурных макроэкономических моделей типа Брукингской или Уортоновской, содержащих сотни уравнений и предназначенных для возможно более полной характеристики хозяйственных процессов. Как писал Г. Джонсон, монетаристы не стремятся к "описательному реализму", а ставят целью выявление "критически важных" зависимостей, позволяющих предсказать "что-то большое из чего-то малого"⁵³. Отсюда их тяга к моделям приведенной формы, состоящим из небольшого числа уравнений.

Американский экономист У. Феллнер связывает построение крупных, "многоэтажных" эконометрических моделей хозяйственного механизма с ростом государственного вмешательства в экономику, усилением бюрократизации и использованием методов программирования и планирования. "Наше понимание очень сложных реакций неконтролируемых хозяйственных субъектов на изменение экономической ситуации слишком ограниченно, чтобы мы могли создать достаточно устойчивые аналитические модели..." – пишет Феллнер. Он одобряет монетаристский подход, который не стремится к детальной характеристике экономических процессов и основан на поиске "упрощенных аналитических конструкций" или "short-cuts" (спрятленных, укороченных путей. – В. У.)⁵⁴.

Известные трудности для идентификации монетаризма порождают эволюция взглядов этой школы, изменение ее позиций по отдельным вопросам, перемещение акцентов, отказ от прежних категоричных заявлений и т.д. Так, в первых своих работах монетаристы резко критиковали доходно-расходную теорию Кейнса, указывали на непригодность кейнсовой модели в качестве основы прогнозирования хозяйственных процессов, на дефекты кейнсианского подхода к оценке влияния денег в экономике и т.д.* Позднее, однако, обнаружилась явная склонность монетаристов к компромиссу, к поиску гибридных вариантов. Они начали подчеркивать общность своей теоретической платформы с позицией представителей "магистрального течения" в буржуазной политэкономии, сводя разногласия к чисто техническим вопросам. Центр спора переместился в область эмпирических расчетов, оценки числовых параметров в уравнениях регрессии, где монетаристы надеялись продемонстрировать надежность и "предсказательную силу" своей теории.

Тема "теоретического примирения" получила впоследствии большое распространение в монетаристской литературе. В начале 70-х годов Фридмен привлек для демонстрации каналов влияния денег равновесную модель Дж. Хикса (аппарат кривых IS – LM), которая по традиции считалась важным атрибутом школы кейнсианско-неоклассического синтеза⁵⁵. Это вызвало негативную реакцию со стороны других видных монетари-

* В статье Фридмена и Мейзельмана говорилось, например, об "острых разногласиях" по вопросам влияния денег, когда сторонники одного взгляда считают, что "количество денег играет незначительную роль, а другого – что это ключевой фактор для понимания и, более того, контроля над экономическими сдвигами" (Friedman M., Meiselman D. Op. cit. P. 166).

стов, которые увидели в этом шаге измену самому духу учения⁵⁶. Тем не менее Фридмен использовал модель IS – LM, как основу для построения "простейшей общей модели", которая, по его словам, одинаково приемлема и для сторонников количественной теории, и для кейнсианцев. "На этом уровне абстракции, – заявил Фридмен, – между нами нет расхождений"⁵⁷.

Не все монетаристы поддержали идею "технического" характера разногласий между школами. К. Бруннер писал в 1986 г.: "Различия между кейнсианским и монетаристским анализом выходят за пределы "узкотехнических" вопросов. Эти два интеллектуальных течения разделяют совершенно разное видение экономических процессов и разные подходы к политэкономической сущности хозяйственных институтов и хозяйственной политики. Они также предлагают принципиально различные решения многих макроэкономических проблем"⁵⁸.

Идея "синтеза" и "чисто технического" характера расхождений была поддержана и многими представителями кейнсианства. Они, однако, предсновали иную цель – доказать, что монетаризм не внес ничего существенно нового в теоретический анализ по сравнению с кейнсианским учением. Так, профессор Гарвардского университета Бенджамен Фридмен пишет: "Отличия большинства "монетаристских" положений от того, во что, по-видимому, верят "кейнсианцы", связаны с трактовкой величины одного или нескольких параметров общей теоретической схемы, которая одинаково приемлема как для монетаристов, так и для кейнсианцев"⁵⁹. Р. Тейген также считает, что по сравнению с кейнсианским учением монетаристская теория "содержит очень мало нового" и что различия между этими двумя школами "являются по сути своей не теоретическими, а эмпирическими..."⁶⁰.

Такой подход сводит на нет неоднородность классовых интересов в сложном социальном организме, каким является современное капиталистическое общество. Выступая с позиций защиты и укрепления буржуазного строя, кейнсианцы и монетаристы отстаивают разные пути и методы достижения этой цели. Они олицетворяют различные подходы, имеющие давние исторические традиции. Кейнсианцы воплощают либерально-реформистскую линию, для которой характерны учет изменяющихся экономических условий, частичные и ограниченные реформы, активное использование финансовых рычагов государства, выдвижение лозунга "общества всеобщего благосостояния" для привлечения средних и низших слоев. Монетаристы же, напротив, следуют консервативной традиции в общественно-политическом сознании, возрождая прямолинейную стратегию силового давления, отказа от стимулирующих функций государства и всемерного поощрения стихии рынка. Эти расхождения идейных позиций объясняют противоречия представителей обоих лагерей по ряду ключевых теоретических вопросов, которые отнюдь не сводятся к техническим деталям или числовым значениям расчетных коэффициентов.

Перейдем теперь к вопросу об отличительных чертах и особенностях монетаристской доктрины. Начнем с работ М. Фридмена. В статье 1956 г. он впервые назвал ряд моментов, выражавших, по его мнению, ключевые особенности монетаристского подхода. К ним относятся: "1) стабильность и важность функции спроса на деньги; 2) независимость фак-

торов спроса и предложения денег; 3) форма функции спроса или сопутствующих функций⁶¹. Акцент на этих положениях типичен для первого этапа развития доктрины, когда ее структура не была еще достаточно осмыслена, а главное внимание обращалось на разработку нового варианта количественной теории.

Более развернутый перечень мы находим в лекции Фридмена "Контрреволюция в денежной теории", где он перечисляет уже 11 положений, характерных для этого учения⁶². Если объединить идентичные и взаимосвязанные положения, то получим следующий "монетаристский коктейль": 1) Существует "последовательная, хотя и не абсолютно точная связь" между темпом роста количества денег и темпом роста номинального дохода; 2) Изменения номинального дохода следуют за изменениями денежной массы с отсрочкой в 6–9 месяцев. В краткосрочном периоде сдвиги оказывают влияние главным образом на производство, а в долговременном – на цены; 3) Инфляция "всегда и везде представляет собой денежное явление", будучи связана с опережающим ростом денег по сравнению с производством. При этом рост государственных расходов может иметь или не иметь инфляционных последствий в зависимости от того, покрываются ли они за счет дополнительного выпуска денег; 4) "Передаточный механизм" влияния денежных сдвигов на величину номинального дохода связан с изменением относительных цен общирного круга активов, а не только с изменениями нормы процента; эти изменения (на которых, как мы помним, делали акцент кейнсианцы) служат "обманчивым и ненадежным" ориентиром денежно-кредитной политики.

В списке Фридмена среди 11 положений названы важные элементы "зрелого" монетаризма: денежная теория номинального дохода; положение о задержках (лагах) между изменениями количества денег и сдвигами в хозяйственной конъюнктуре; признание деления эффекта денежных импульсов между физическим и ценовым компонентами национального дохода; "чисто денежная" теория инфляции; гипотеза о каналах влияния денег, развенчивающая ключевую роль процента, и т. д. Все эти положения преподносятся Фридменом как конечный итог интенсивного статистического анализа, хотя, как мы увидим позднее, многие результаты расчетов получены благодаря применению специфической методологии и весьма спорных исходных предпосылок.

Один из видных представителей монетаризма, К. Бруннер, на первое место среди существенных черт монетаризма ставит вопрос о "передаточном механизме" денежных импульсов⁶³. В ортодоксальной кейнсианской модели действовал лишь один потенциальный канал влияния денег – через норму процента и изменение цен на некоторые финансовые активы. Роль денег соответственно определялась величиной показателей "эластичности по проценту", характеризующих реакцию спроса на деньги и инвестиций в основной капитал на изменения нормы процента. Если оба этих эффекта незначительны – а именно таким был вывод последователей Кейнса, – то влияние денег несущественно, и главное внимание следует уделить бюджетным методам. Бруннер считает, что изменение денежной массы затрагивает не только инвестиции, но и другие компоненты расходов (например, расходы на потребление). Поэтому любой денежный импульс, нарушающий исходную равновесную структуру порт-

феля активов, будет иметь мощный и долговременный эффект.

Вторая важнейшая черта монетаристского подхода в списке Бруннера – "устойчивость частного сектора". Этот пункт не фигурирует в перечне Фридмена, поскольку последний сводит разногласия к чисто техническим моментам. Между тем именно в этом вопросе отражен важный пункт идейных разногласий монетаристов и кейнсианцев. Частнокапиталистический (негосударственный) сектор в кейнсианской теории рассматривается как "в высшей степени неустойчивый". Он служит источником экономических диспропорций. Монетаристы полагают, что такой подход "увековечивает колебания конъюнктуры". По мнению Бруннера, цикл "не связан систематическим образом с внутренней динамикой реального сектора экономики". Напротив, "частный сектор очень устойчив в своей основе... (Он) поглощает внешние шоки и трансформирует их в стабилизирующий процесс". Что же касается причин неустойчивости капиталистической экономики, то они связаны с действиями государства, его денежно-кредитной и фискальной политикой.

Третий пункт Бруннера гласит, что "деньги занимают главное место среди всех импульсов, действующих на хозяйство". Тем самым отвергается кейнсианский тезис о "немонетарном характере импульсов, основанных на неустойчивости предельной эффективности капитала". Главная пружина, определяющая ход капиталистического производства, лежит в области денежного обращения, а отнюдь не в сфере производства вообще и производственных инвестиций в частности.

Наконец, в четвертом пункте схемы Бруннера оба подхода противопоставляются по линии разграничения "агрегатных и частичных" (на уровне отдельных секторов) хозяйственных процессов. Монетаристы не рассматривают сдвиги на низших этажах хозяйственной иерархии и сосредоточивают внимание на главном макроэкономическом параметре – денежной массе.

Американский ученый Т. Майер предпринял попытку "инвентаризировать" взгляды разных экономистов на природу монетаризма. К четырем пунктам Бруннера он добавил еще ряд положений, составляющих, по его мнению, "взаимосвязанное целое" (coherent whole). В его перечне: "акцент на общем уровне цен, а не на индивидуальных ценах", "использование малых, а не больших моделей", "применение резервной базы... как индикатора денежно-кредитной политики", "применение показателя денежной массы в качестве целевого ориентира политики", "принятие правила роста денежной массы" и ряд других. Общее число типических признаков доктрины достигает в списке Майера 12⁶⁴.

Еще две попытки выявить важнейшие черты монетаризма были предприняты в начале 80-х годов Д. Первисом и Д. Лейблером. В основе классификации Первиса лежит хронологический принцип рассмотрения отдельных положений монетаризма по мере их разработки и появления в печати. Он перечисляет восемь пунктов (помимо количественной теории, которую считает теоретическим фундаментом всей концепции). Первые два пункта касаются особенностей монетаристской функции спроса на деньги (ее стабильности и степени эластичности по проценту). Они связаны с начальным этапом развития монетаризма – разработкой особого варианта количественной теории (конец 50-х – начало 60-х го-

дов). Далее в перечне Первиса – пункт о длительных лагах в проявлении эффекта регулирующих мероприятий, который широко обсуждался в 60-х годах, вопрос о "трансмиссионном механизме" денежных импульсов, неоклассическое положение о гибкости цен и постоянстве реальной нормы процента, заявление, что фискальная политика малоэффективна, ставшее предметом ожесточенных споров в 70-х годах, и, наконец, тезис, что "частный сектор более устойчив при отсутствии дискреционной политики, чем при ее применении", и что величина реального ВНП "не зависит от изменения номинального количества денег"⁶⁵. Последний пункт Первис связывает с теорией рациональных ожиданий, в которой он видит дальнейшее развитие принципов монетаризма.

Д. Лейдлер в своем обзоре выделяет следующие компоненты доктрины: 1) количественную теорию денег (в двух вариантах – как теорию спроса на деньги и как "главную причину колебаний денежного дохода"); 2) скорректированную кривую Филлипса, учитывающую ожидания хозяйственных агентов и позволяющую разделить влияние денег на ценовой и физический компоненты ВНП; 3) монетаристскую теорию платежного баланса; 4) отрицание "активистской стабилизационной политики" (включая рекомендации по введению контроля над ценами и заработной платой) и поддержку "правил" или "целевых ориентиров" изменения денежных агрегатов⁶⁶. Лейдлер пишет, что первый компонент – это теоретический фундамент монетаризма, заложенный в 50-х – начале 60-х годов; второй и третий – положения, разработанные позднее, с середины 60-х годов; четвертый – суммарное выражение подхода монетаристов к проблемам экономической политики.

Приведенные определения монетаризма и классификации его признаков страдают рядом существенных изъянов. Один из самых важных состоит в том, что большинство авторов уклоняются от рассмотрения идейно-философских и классовых аспектов монетаризма. Они трактуют монетаризм как "чистую экономическую теорию", как систему абстрактно-теоретических гипотез, приемлемых для представителей разных политических направлений. Тем самым утрачивается ключ к правильной оценке монетаризма, как социально и исторически обусловленной доктрины, порожденной определенными условиями развития капитализма и имеющей четкую идеологическую направленность.

Наиболее явно указанный подход представлен в работах американского экономиста Т. Майера. В статье "Монетаризм: экономический анализ или мировоззрение?" автор ставит вопрос о соотношении "чисто научных" и идеологических компонентов в системе монетаристских взглядов. Интересно, что он заменяет слово "идеология" более нейтральным немецким термином *Weltanschauung* (мировоззрение, взгляды), ссылаясь на "крайне негативную эмоциональную окраску", которая, по его мнению, сопутствует идеологическим спорам. Автор пытается "рассортировать" основные положения монетаризма по следующим "отсекам": 1) "узкий экономический анализ", куда он включает проблемы, служащие предметом спора между монетаристами и кейнсианцами; 2) "гипотезы" (suppositions) – более широкая категория вопросов, выходящих за пределы указанного спора, и, наконец, 3) "мировоззрение". Первые два раздела образуют "собственно экономический анализ", третий призван

отразить "идеологию". В поисках критериев отделения "чистого анализа" от мировоззренческих проблем Майер формулирует следующие признаки мировоззренческого анализа: 1) наличие "контрастных оценочных суждений"; 2) "споры в открытой или скрытой форме по социальным или политическим проблемам"; 3) наличие вопросов, "о которых известно очень мало" из-за отсутствия эмпирического анализа⁶⁷.

Несостоятельность отбора по указанным признакам кроется уже в самой попытке разделить политическую экономию и систему идеологических оценок. Отражая самые общие черты общественных отношений, идеология представляет неотъемлемый элемент общественного сознания. Она теснейшим образом переплетается с общественными науками, составляя их обязательную и неустранимую сторону. Идеологическая позиция определяет исходные установки исследователя, его политические пристрастия, социальную ориентацию, конечные выводы и рекомендации. Кстати, на существование такой глубокой и неразрывной связи указывал крупный экономист и историк И. Шумпетер. Он писал, что "внутреннее видение", интуиция ученого, необходимые для научного поиска, неразрывно связаны с его идейными позициями, с идеологией⁶⁸.

Попытка Майера "разложить" монетаризм на отдельные элементы и выявить степень "идеологической заряженности" каждого из них заведомо обречена на неудачу. Вряд ли могут быть плодотворными поиски идейно-философского смысла монетаристских заявлений, что "инфляция всегда определяется ростом денежной массы" или что "малые модели предпочтительнее крупных структурных моделей". Эти положения приобретают идеологический смысл лишь в общем контексте доктрины, от чего пытается отмежеваться Майер. "Собственно научный" аспект доктрины уже заранее предопределен общей трактовкой роли экономических и политических институтов, классов, позиции государства и т.д. Еще до начала анализа монетаристы исходят из общей предпосылки "устойчивости" капитализма, ориентации на свободу проявлений рыночной стихии, осуждения любых форм государственного вмешательства в экономику, выдвижения стабильности цен в качестве важнейшей цели политики и т. д. Эти подходы во многом предвосхищают и конечные результаты эмпирических исследований, которые призваны подкрепить их общие теоретические постановки и выводы.

О неадекватности "поэтапной" оценки отдельных положений монетаризма свидетельствуют и результаты, полученные Майером. По его заключению, лишь четыре монетаристских положения преимущественно технического характера несут на себе печать идеологии (например, проблема "передаточного" механизма денежных импульсов, "правило к-процентов" и т. д.). В то же время один из главных мировоззренческих тезисов монетаристов – об устойчивости частного сектора капиталистической экономики – Майер относит в разряд "чисто экономических" проблем.

Научная объективность требует оценивать положения монетаризма в комплексе, принимая во внимание его основополагающие идейные установки. Такой подход не оставляет сомнений, что это течение по своему духу и содержанию занимает правый фланг в буржуазной политической экономии, отражает взгляды консервативных кругов современного капиталистического общества. Идеологическая сущность монетаризма не

лежит на поверхности. Она скрыта благодаря выбору в качестве главного объекта исследования сугубо специальных и сложных в научном отношении проблем. Но результаты, полученные сторонниками доктрины, органически связаны с их исходными идеологическими установками и несут на себе их явный отпечаток.

В чем же заключается "социальная миссия" монетаризма, его идея-ная "сверхзадача"? Если ограничиться краткой характеристикой, то речь идет об особой форме апологии капитализма, заключающейся в выдвижении на первый план саморегулирующих свойств экономической системы при одновременном отрицании необходимости корректирующей политики государства. Тем самым создается идеализированный и заведомо ложный образ капитализма, не нуждающийся, в изображении монетаристов, в каких-либо изменениях или социальных реформах. Как следствие такого подхода возникает представление, что периодически возникающие кризисные нарушения производства не свойственны капиталистической системе как таковой, а порождаются внешними по отношению к этой системе факторами, например государственным вмешательством в экономику, нарушающим действие спонтанных рыночных механизмов.

"Лучшее – враг хорошего", – неоднократно заявлял М. Фридмен, отрицая необходимость изменений в экономической и политической структуре буржуазного общества. Подобная философия имеет целью развенчать политику буржуазного реформизма и социального маневрирования, которую проводили в послевоенный период правительства большинства промышленно развитых стран. Еще в период "нового курса" правящие круги США, опасаясь усиления классовой конфронтации, взяли линию на смягчение социальных конфликтов, проведение ряда экономических реформ, определенных уступок рабочему классу. Этому курсу соответствовали и установки кейнсианской экономической теории, выдвинувшей задачу обеспечения высокой занятости и программу стимулирования экономического роста посредством расширения платежеспособного спроса.

Монетаристы же, напротив, выступили с идеей резкой активизации рыночных сил как "дисциплинирующего" средства, обеспечивающего рост эффективности производства. В условиях современного капитализма этот лозунг объективно направлен на устранение социального консенсуса и усиление давления на рабочий класс с целью повысить степень эксплуатации и расширить возможности получения дополнительной прибыли.

Союз консервативных экономических доктрин

К началу 80-х годов в политэкономии Запада сложился целый комплекс экономических доктрин, объединяемых под общим лозунгом экономического неоконсерватизма. Это весьма разнородное образование не имеет четко очерченных границ. К нему обычно относят монетаризм, сплай-сайд экономикс и новую классическую школу. Представители указанных школ по-разному диагностируют болевые точки капитализма и дают различные, подчас противоречащие друг другу рекомендации правя-

шим кругом капиталистических стран. Но их внутреннее единство определяется совпадением коренных идеологических установок. Все консервативные течения тяготеют к неоклассическим постулатам "докейнсовой" политэкономии; все они видят в кейнсианских рецептах экономической политики "замаскированный социализм"; все они открыто выступают с защитой интересов высших слоев буржуазного общества.

Монетаризм и сэплай-сайд экономикс как два составных элемента экономического неоконсерватизма сближают не только общие неоклассические позиции, но и практическая ориентация их выводов, стремление противопоставить кейнсианскому активизму альтернативные схемы экономической политики. Что касается новых классиков, то эта теория имеет более абстрактный характер. Их модели малопригодны для анализа конкретных хозяйственных ситуаций, а вывод о полной неэффективности государственных регулирующих мероприятий из-за ответной нейтрализующей реакции "rationally thinking" хозяйственных субъектов ставит политику буржуазного государства "вне закона".

Термин "сэплай-сайд экономикс" был впервые предложен в 1976 г. Г. Стейном, известным американским специалистом по вопросам бюджетной политики. Стейн хотел обозначить им возрождение интереса к "классической" теории государственных финансов, которая была раскритикована и предана забвению в ходе кейнсианской революции 30-40-х годов. Докейнсианская теория финансов анализировала влияние правительственного бюджета на долговременные факторы экономического роста — накопление и инвестирование капитала, вовлечение трудовых ресурсов в процесс производства и т.д. Кейнсианцы же перевели исследование в плоскость краткосрочного анализа и поставили на первый план проблему воздействия бюджетных рычагов на совокупный спрос.

Современные сэплай-сайдеры подчеркивают первоочередную роль товарного предложения как основы экономического развития и анализируют воздействие различных бюджетных рычагов (в частности, налогов) на народнохозяйственную эффективность. "Кейнсианцы, — говорится в сборнике трудов конференции, посвященной сэплай-сайд экономикс, — сосредоточивали внимание на вопросе о влиянии мер экономической политики на спрос. Новое же учение подчеркивает отклик производства на предложение отдельных факторов. Решения, оказывающие влияние на запас капитала и занятости, и в частности на решения о сбережении и инвестировании... вот те проблемы, которые находятся в центре анализа сэплай-сайдеров" ⁶⁹.

Сэплай-сайдеры широко пропагандируют доктрину Ж. Б. Сэя, где товарное предложение лидирует, автоматически и беспрепятственно порождая адекватный спрос на произведенную продукцию. Один из идеологов теории предложения, Дж. Гилдер, утверждает: "Закон Сэя, гласящий, что предложение рождает спрос на товары, полностью сохраняет свою силу. Поэтому общий избыток товаров не может возникнуть" ⁷⁰. Сэплай-сайдеры любят цитировать следующее высказывание Сэя: "Простое потребление не дает выгод торговле. Ибо основная трудность состоит в снабжении средствами производства, а не в поощрении желания потреблять, и мы видели, что только производство предоставляет эти средства. Цели хорошего правительства состоят, следовательно, в стимулиро-

вании производства, а плохого — в стимулировании потребления”⁷¹. Здесь изначально отвергается какая-либо позитивная роль конечного потребления и потребительского спроса в механизме капиталистического производства.

В модели сэплай-сайдеров хозяйствственные агенты руководствуются в своих действиях исключительно экономическими, денежными стимулами. Рынки постоянно находятся в равновесии, и перепроизводство товаров невозможно. Что же касается периодически возникающих кризисных спадов и хронической безработицы, то эти явления в рамках рассматриваемой теории объясняются главным образом неправильной политической государства.

Сэплай-сайд экономикс в ряде важных аспектов смыкается с позицией монетаристов. Так, глубочайший кризис 1929 — 1930 гг. объявляется “в основном денежной проблемой”. Этот вывод аргументируется ссылкой на выдвинутую М. Фридменом и А. Шварц версию о резком сокращении денежной массы в результате ошибочной политики Федеральной резервной системы США⁷². Теоретики предложения видят главное зло в кейнсианском “соединении денежной политики с политикой занятости”: “Вместо того чтобы ограничиваться исключительно проблемой обеспечения стоимости денег, денежные власти стали главным контролером макроэкономической политики”⁷³.

Вслед за монетаристами сэплай-сайдеры утверждают, что кейнсианская политика поощрения спроса с помощью кредитно-денежных и финансовых рычагов не ведет в конечном счете к реальному выигрышу, а лишь взвинчивает цены. Реальное ускорение экономического роста может быть достигнуто только за счет вовлечения в производство дополнительных ресурсов (“факторов производства”). Чтобы ускорить темпы роста, требуется система поощрительных стимулов, рассчитанных на соответствующую реакцию хозяйственных агентов.

В центре теоретических схем сэплай-сайд экономикс находитсяrationально мыслящий “гомо экономикус”, поведение которого определяется исключительно сопоставлением выгод и затрат “на пределе”. Один из видных популяризаторов доктрины, журналист Дж. Ваннински (сделавший газету монополистических кругов США “Уолл-стрит джорнэл” рупором своих взглядов), характеризует людей как “расчетливых максимизаторов” полезности. Критикуя такой подход, Р. Риндер пишет, что в изображении Ваннински “даже дети максимизируют родительскую заботливость с помощью тщательно рассчитанных доз плача, а такие важные факторы, определяющие человеческое поведение, как привязанность, привычки и обычаи, служат замаскированным проявлением желания максимизировать полезность, как правило доход”⁷⁴.

На таких примитивных рассуждениях, отождествляющих психологию людей с расчетливостью биржевого маклера, строятся все важнейшие выводы теории. Главная функция государства, согласно ее логике, должна заключаться в создании стимулов, поощряющих производительные усилия. Сэплай-сайдеры считают, что резкое ухудшение экономического положения капиталистических стран в 70—80-х годах, сопровождавшееся падением эффективности производства и усилением инфляции, было обусловлено в первую очередь подрывом инициативы и предпринимательства.

чивости экономических агентов. К числу явлений, негативно повлияющих на хозяйственную ситуацию, они относят в первую очередь разбухание государственного сектора, и особенно федерального бюджета, где концентрируется возрастающая доля доходов населения, а также расширение масштабов бюрократического контроля, рогаток и препонов, ограничивающих свободу предпринимательской деятельности (антитрестовское законодательство, законы об охране окружающей среды и т. д.).

Смысль этих рассуждений предельно прост: развяжите руки крупному капиталу, устраните все ограничения его деятельности, сократите изъятие части прибылей на общегосударственные нужды — и частнокапиталистический сектор тут же проявит свой динамизм, увеличит производство и повысит его эффективность.

Один из активных пропагандистов сэплай-сайд экономикс, А. Лаффер, выдвинул теорию "налогового клина" (tax wedge), который государство "вбивает" между экономическими агентами и процессом производства. "Предельные ставки (налогообложения. — В. У.) сидят, как клин, между тем, что наниматель уплачивает факторам производства, и тем, что они в конечном счете получают в виде дохода после вычета налогов... — пишет он. — Чтобы увеличить производство продукта, следует осуществить такие меры политики, которые одновременно повышали бы и спрос компаний на факторы производства, и желание этих факторов быть занятыми. С этой целью необходимо снизить все виды налогов. Но сокращения эти будут эффективными, если в наибольшей степени снижаются предельные ставки налогов" ⁷⁵.

Лаффер считает, что снижение налоговых ставок само по себе не вызовет сокращения общей суммы налоговых поступлений в бюджет. Поскольку снижение налоговых ставок приведет к увеличению производства и росту доходов, расширится общая "база" налогообложения и доходы бюджета не пострадают. Но для полного сбалансирования доходов и расходов бюджета следует, по мнению Лаффера, пойти на резкое сокращение "неэффективных" социальных программ, которые составляют крупную часть государственных затрат.

Таким образом, выводы сэплай-сайдеров сводятся к требованию ограничить государственный сектор и снизить налоги на богачей, что создаст, по их мнению, благоприятный климат для расширения инвестиций и поощрения трудовой активности населения. При этом настойчиво внедряется мысль, что благосостояние капиталистического общества всецело зависит от воли и действий высшего слоя буржуазной plutokратии.

Так, Дж. Гилдер, который даже в консервативной среде выделяется особой демагогией и цинизмом, пишет, что динамизм капиталистического хозяйства "зависит... от созидаательных способностей и руководящей роли капиталистов". Именно буржуа, владея капиталом и средствами производства, олицетворяют в схеме Гилдера производительную мощь общества, беднейшие же слои лишь потребляют товары, предъявляя на них спрос. "Руководящее начало — это предложение товаров!" — восклицает автор. Отсюда логически следует вывод: "успешно функционирующее хозяйство зависит от роста числа богачей". Усвоив догму Сэя об определяющей роли товарного предложения, Гилдер без тени смущения объявляет капиталистов главной производительной силой, ни словом не

упоминая о том, что в действительности все богатства общества, все многообразие товаров созданы трудом рабочих, тогда как капитал обуславливает лишь специфическую, исторически преходящую форму товарного производства и присвоения прибавочного продукта.

Как обеспечить наилучшие условия для процветания капиталистической элиты? Во-первых, как уже говорилось, следует снизить ставки налогов для лиц, получающих высокие доходы. "Когда снижаются налоги на плательщиков высших категорий, то богатые люди меньше потребляют и больше инвестируют... Чтобы помочь беднякам и представителям средних слоев, необходимо снизить налоговые ставки на богатых". Далее Гилдер, как и другие представители консервативной волны, требует решительного сокращения ассигнований на помощь малоимущим, представителям национальных меньшинств и т. д. Освобождение государственного бюджета от этих расходов принесет двойную пользу: нужно будет не только снизить налоги на богатых, но и заставить бедняков более активно искать работу, повысить производительность труда. Ведь бедняки не хотят работать "потому, что им платят, чтобы они не работали", утверждает Гилдер, имея в виду такие формы социальных выплат, как пособия безработным, помощь беднейшим семьям, выдача продовольственных талонов и т. д.⁷⁶

Трудно сказать, чего больше в этих рассуждениях: заискивания перед капиталистической элитой или презрения к трудовым классам. Прикрываясь "высшими интересами" общества, необходимостью повысить эффективность производства и т. д., сэплай-сайдеры фактически призывают большой бизнес к решительному наступлению против большей части населения с целью осуществить массированное перераспределение национального дохода в пользу руководящей капиталистической верхушки. Антидемократическую суть этой позиции и ее полную абсурдность показал Дж. К. Гэлбрейт, который писал, что в изображении сэплай-сайдеров основное противоречие капитализма сводится к тому, что "бедняки не желают работать потому, что у них слишком много денег, а богачи – потому, что у них денег слишком мало"⁷⁷.

Одно из самых злонамеренных утверждений сэплай-сайдеров состоит в том, что безработица в современных условиях носит будто бы добровольный характер, что рабочие-де стали слишком "разборчивыми" и предпочитают воздерживаться от работы в поисках лучших условий. Власти же, выплачивая различные виды пособий, дают им возможность отсрочить момент включения в трудовой процесс. Подобные рассуждения далеки от истины. Миллионы людей в капиталистических странах отлучены от производственной деятельности не потому, что им "нравится" жить на пособие по безработице, а потому, что не существует нужного количества вакантных рабочих мест. Американские экономисты У. Петерсон и П. Эстенсон отмечают: "...люди не способны реагировать на побудительные мотивы к труду так, как об этом говорят сэплай-сайдеры... Если предприниматель не нанимает больше рабочих или не удлиняет продолжительность рабочего дня, то снижение выплат по социальным программам не приведет к увеличению занятости, а лишь сократит доход бедняков или безработных"⁷⁸.

Несмотря на общность некоторых исходных предпосылок, монетари-

сты и сэплай-сайдеры расходятся по ряду важных теоретических и практических вопросов. Так, монетаристы во главу угла своих воспроизводственных схем ставят денежную массу и спрос, сэплай-сайдеры – товарное предложение. Монетаристы возлагают надежды на денежные рычаги регулирования, сэплай-сайдеры – на бюджетные. В системе монетаризма деньги могут оказывать воздействие на реальные показатели производства и занятости (по крайней мере в краткосрочном периоде), у сэплай-сайдеров – нет. Монетаристы являются сторонниками фиксации темпов роста денежной массы, многие сэплай-сайдеры же предлагают вернуться к золотому стандарту. Особенно ярко выступает различие позиций в области денежно-кредитной политики и методов контроля над ценами. В отличие от монетаристов, которые возлагают надежды на поддержание фиксированных темпов роста денежной массы, большинство сэплай-сайдеров не верит в эффективность этой меры.

Примером критики монетаристских рекомендаций с позиций сэплай-сайд экономикс может служить книга М. Майлза "За витриной монетаризма. В поисках дороги к стабильным деньгам". Майлз заявляет, что "монетаризм никогда не сможет обеспечить устойчивость цен"⁷⁹. Принцип жесткого контроля над денежной массой, пропагандируемый монетаристами, практически неосуществим, полагает Майлз, из-за наличия многих альтернативных форм финансовых активов, выполняющих отдельные денежные функции: финансовых нововведений, позволяющих повышать эффективность денежного обращения, колеблемости спроса на различные компоненты денежной массы и т. д. и т. п. Взамен фридменовского денежного правила Майлз выдвигает в качестве ориентира денежной политики ценовое правило – обеспечение стабильных цен и устойчивой покупательной способности денег. Восхваляя опыт эры золотого стандарта, Майлз, однако, не считает восстановление обратимости доллара в золото достаточной мерой: подобную обратимость в золото или корзину товаров, активно обращающихся на мировых товарных биржах, следует дополнить обязательством центрального банка обеспечить "поддержку" уровня долгосрочных процентных ставок, а также цен товаров по сделкам на срок⁸⁰.

Несмотря на все эти споры, в главных, основополагающих чертах идеино-философская платформа двух указанных течений совпадает. Это становится особенно ясным, если сравнить идеологические пассажи Гильдера, Ваннински и других теоретиков предложения с программными установками М. Фридмена, выраженными в его книге "Капитализм и свобода". Здесь Фридмен оставляет в стороне образ объективного и непредвзятого "позитивиста" и излагает свои истинные взгляды о наилучшем устройстве современного общества. Приняв на вооружение идеи индивидуализма и "личной свободы", почерпнутые из арсенала буржуазного либерализма XVIII – XIX вв., Фридмен решительно осуждает политику социального маневрирования и частичных уступок трудовым классам в попытках уменьшить классовую напряженность и тем самым укрепить основы капитализма. Расширение масштабов деятельности государства, его вмешательство в процессы производства товаров и распределения доходов автор расценивает как величайшую угрозу для капитализма. В этих тенденциях ему видится сползание к социализму, введение "кол-

лективистского экономического планирования", которое, по его словам, узурпирует свободу принятия решений отдельными индивидуумами.

Фридмен, конечно, понимает абсурдность идеи "абсолютной свободы" и соглашается, что институт государственной власти должен быть сохранен. Но рамки правительственнои деятельности следует жестко ограничить "установлением, оценкой и применением правил игры", т. е. законодательными и военно-полицейскими функциями, направленными на охрану капиталистической собственности. Те же виды государственных мероприятий, которые не подпадают под эту рубрику, подлежат решительной ликвидации. Главное острое критики направлено против социальных программ. Среди "кандидатов на уничтожение" в проскрипционный список Фридмена попадают: программы поддержания гарантированных минимальных цен на продукцию фермеров; ограничения верхнего предела квартирной платы и любые другие виды контроля над ценами и заработной платой; установление гарантированных ставок заработной платы и т. д. и т. п. Речь идет о ликвидации многих важнейших реформ "нового курса" Рузвельта и завоеваний трудящихся, добытых ими в ходе острых классовых битв.

Но наиболее отчетливо классовые симпатии Фридмена проявляются при рассмотрении вопроса о распределении доходов. Он обрушивается на Марксову теорию прибавочной стоимости, голословно утверждая, что рабочий получает полный продукт своего труда. Его концепция распределения покоятся на теории факторов производства, которую он формулирует так: "Каждому в соответствии с тем, что производит он сам и принадлежащие ему средства производства". Поскольку средства производства принадлежат капиталистам, то они имеют законное право присваивать часть созданной стоимости в виде прибавочного продукта. Фридмен игнорирует такие понятия, как неоплаченный труд, прибавочная стоимость, эксплуатация, без которых невозможно понять существо и особенности капиталистического способа производства. Чтобы обеспечить справедливое распределение дохода, утверждает автор книги, необходимо предоставить эту функцию "рыночной площади", где она будет осуществляться "беспристрастно, без вмешательства властей". Такая система приводит, конечно, к "значительному неравенству" различных социальных групп и классов, но это в порядке вещей. Фридмен выступает против прогрессивной системы налогообложения, требует полной отмены налогов на корпорации⁸¹.

Перейдем теперь к рассмотрению еще одного важного течения современного консервативного альянса – новой классической школы. В литературе это течение называют также теорией макрорациональных ожиданий (Ф. Модильяни), новой классической макроэкономикой (Дж. Тобин), ответвлением монетаризма с рациональными ожиданиями (Б. Маккаллум), школой Лукаса – Сарджента – Уоллеса (К. Хувер) и т. д. Все названия связаны с разными чертами этой школы – от ее персонального состава (Р. Лукас, Т. Сарджент и Н. Уоллес – виднейшие представители указанного течения) до гипотезы о рациональном характере ожиданий хозяйственных агентов.

Д. Лейдлер рисует такую последовательность сдвигов в буржуазной политэкономии: "На протяжении последних 50 лет "кейнсианская рево-

люция" поглотила так называемую "классическую теорию". За ней последовала "монетаристская революция", которая, как тогда казалось, свергла кейнсианскую теорию. За последние 15 лет "монетаризм" уступил место "революции новых классиков", которые... стремятся восстановить экономическую теорию на фундаменте, имеющем близкое сходство с течениями докейнсианского периода"⁸².

Глава новых классиков Р.Лукас объясняет появление своей школы "реакцией на... неспособность кейнсианских моделей дать объяснение событий 70-х годов"⁸³. А авторы книги о рациональных ожиданиях М.Картер и Р.Мэддок пишут: "...рост теорий, основанных на рациональных ожиданиях, можно рассматривать как новый раунд борьбы между активистами и сторонниками пассивной политики. Момент же их появления объясняется внезапно обнаружившейся неспособностью прежних методов активистской политики покончить со стагфляцией"⁸⁴.

Как и сэплай-сайд экономикс, новая классическая школа имеет тесные связи с монетаризмом. Она выросла из попыток ответить на ряд вопросов, поставленных монетаристами в конце 60-х годов, и в частности из их критики кейнсианской интерпретации кривой Филлипса за игнорирование роли инфляционных ожиданий. "...В своих ранних проявлениях,— пишет Лейдлер,— эта теория (т.е. теория рациональных ожиданий.— В.У.) казалась не чем иным, как попыткой изложить монетаристский анализ с большей четкостью, чем того достигли его первооткрыватели, особенно Милтон Фридмен". Однако использование монетаристами адаптивной схемы ожиданий не означало еще решительного разрыва с представлениями кейнсианско-неоклассического синтеза: "С точки зрения рекомендаций политики и эмпирических выводов о степени надежности определенных функциональных отношений в хозяйстве монетаризм представляет собой явную альтернативу кейнсианской ортодоксии. Однако он не бросил ей радикального теоретического вызова". Подобный вызов, по мнению Лейдлера, содержит "неоклассическая революция, основанная на двух аналитических приемах — совокупной кривой предложения и гипотезе рациональных ожиданий"⁸⁵.

Является ли новая классическая школа особым течением в буржуазной экономической мысли, или же она просто развивает идеи монетаризма, служит одной из его разновидностей? Мнения экономистов на этот счет разделились. Лейдлер и некоторые другие авторы видят в новой классической школе самостоятельное течение со специфическими целями и своеобразным методологическим аппаратом. Они проводят параллель между учением новых классиков и австрийской школой, особенно ее теорией о промышленных циклах⁸⁶. Другая же часть теоретиков, среди них такие столпы западной экономической науки, как Дж. Тобин, Ф.Хан, Н.Калдор, А.Лейонхувуд, считает учение новых классиков особой версией или ответвлением монетаризма. Тобин, например, предложил деление на монетаризм типа I и II, где под типом II фигурируют новые классики⁸⁷. Граница между этими двумя разновидностями монетаризма определяется условиями формирования ожиданий. Австрийский экономист Г.Фриш, например, пишет: "Переход от монетаризма типа I к монетаризму типа II можно легко осуществить в рамках монетаристской модели. Следует заменить механизмы адаптивных ожиданий на раци-

ональные ожидания. Во второй модели роль денежно-кредитной политики иная. Изменения темпов роста денежной массы, если они антиципируются агентами, влияют только на инфляцию, а не на реальный продукт или на занятость... Короче говоря, различия монетаризма I и II заключаются в нейтральности денег. Согласно монетаризму I, деньги нейтральны только в долговременном аспекте, а монетаризму II – также и в кратковременном периоде⁸⁸.

Интересна позиция А. Лейонхувуда. Он кладет в основу своего анализа историю развития конфликта между кейнсианской школой и монетаризмом, выделяя три стадии "монетаристскойicontроревзы". Первая стадия – до середины 60-х годов – была связана с анализом спроса на деньги и влияния денег на хозяйственный цикл (или, говоря словами Лейонхувуда, "с причинным истолкованием корреляции денег и дохода"). Вторая стадия спора возникла в связи с критикой кейнсианской версии кривой Филлипса. Наконец, третья стадия отмечена выходом в 1972 г. "необычно влиятельной" статьи Р. Лукаса "Ожидания и нейтральность денег", которая "с самого начала соединила подход рациональных ожиданий с монетаризмом второй стадии". Именно эта третья стадия развития монетаризма получила, по мнению Лейонхувуда, название новой классической школы⁸⁹.

Тесная генетическая связь новой классической школы с монетаризмом не вызывает сомнений. Кстати, это признают и сами основатели указанной школы. Они подчеркивают, что на формирование их взглядов большое влияние оказали работы Фридмена и Феллса конца 60-х годов, где вводилось понятие естественной нормы безработицы как точки равновесия, достигаемой в результате оптимизирующего поведения хозяйственных агентов. С этим понятием связаны ключевые для новых классиков термины естественного уровня цен и естественного уровня производства. Р. Гордон считает поэтому, что "функцию предложения Лукаса", которая поконится на представлении об естественном уровне продукта, было бы правильнее назвать "функцией предложения Фридмена"⁹⁰. По мнению же К. Хувера, "работы Фридмена служат основой для большей части новой классической доктрины"⁹¹.

О преемственности и общности многих исходных предпосылок с монетаризмом свидетельствует статья Лукаса "Ожидания и нейтральность денег", где впервые были изложены идеи новых классиков. В статье представлена модель хозяйственного поведения, основанная на следующих допущениях: исключаются все формы "денежной иллюзии" (т.е. агенты ориентируются только на реальные, а не на номинальные значения переменных – главный тезис монетаристов); вся информация передается агентам только через цены на рынке; все цены обеспечивают "расчистку" рынков от товаров; агенты действуют оптимальным образом; источником нарушений в системе служат случайные изменения денежной массы, которые сами по себе порождают колебания номинального уровня цен; существует "долговременная нейтральность денег (или независимость реальных и номинальных величин) в том смысле, что изменение количества денег изменяет ценовую вуаль, но не отражается на физической величине переменных". Лукас особо подчеркивает общность этих предпосылок с позицией монетаристов: "Указанные черты совокупного

поведения хозяйственных агентов... имеют отнюдь не поверхностное сходство со многими характеристиками, которые приписывает американскому хозяйству Фридмен⁹². Новые классики одобряют также monetaristское правило устойчивого роста денежной массы как наиболее приемлемую форму экономической политики⁹³.

Вместе с тем школа новых классиков имеет ряд специфических черт. Их теория основывается на трех китах, трех важных исходных предпосылках. Это прежде всего гипотеза о рациональном характере формирования ожиданий хозяйственных агентов, согласно которой капиталистические фирмы и отдельные субъекты, выступающие на рынке, эффективно перерабатывают всю имеющуюся у них информацию для прогнозирования будущего развития конъюнктуры (и в первую очередь товарных цен) и основывают на этих ожиданиях свои хозяйствственные решения. Вторая предпосылка гласит, что цены в современном капиталистическом хозяйстве (в том числе цена рабочей силы) обладают совершенной гибкостью и чрезвычайно быстро (практически мгновенно) реагируют на возникновение рыночных неравновесий. Наконец, в-третьих, все индивидуальные рынки, включая рынок рабочей силы, быстро и полностью "очищаются" от излишних товаров, вследствие чего для системы характерно состояние постоянного равновесия.

Гипотеза рациональных ожиданий утверждает, что хозяйственные агенты могут правильно предугадывать будущие действия правительства в ответ на возникающие "шоки" – и своевременно реагировать на них. Они знают, например, что в случае кризисного спада производства правительство принимает меры для искусственного расширения спроса, за чем, как правило, следует повышение уровня цен. В отличие от принятой monetaristами схемы адаптивных ожиданий "рациональные" агенты не выводят механически свои решения из прошлых наблюдений, а стремятся заранее предвосхитить будущие тенденции развития экономики и отразить их в хозяйственных контрактах. Это существенно ограничивает возможности государства по перераспределению доходов и ослабляет стимулирующий эффект его экономической политики.

Согласно гипотезе рациональных ожиданий, деловые фирмы и отдельные лица не делают систематических ошибок при прогнозировании будущего хода событий. Это не значит, что они вообще не могут ошибаться при отсутствии достаточной информации. Но все отклонения их оценок от подлинного значения ключевых экономических переменных будут взаимно погашаться, так что в среднем прогнозы окажутся достоверными. Подход новых классиков воспроизводит логику вальрасовских моделей равновесия, где капиталистическое хозяйство действует как хорошо сбалансированная система, обладающая эффективным механизмом автоматического "гашения" неравновесий. Важную роль играет здесь предпосылка абсолютной гибкости цен, что позволяет полностью "очищать" рынки от избыточной продукции*. Рано или поздно, однако, авторы равновесных моделей оказываются перед необходимостью ответа на сакраментальный вопрос: если система столь оперативно реагирует на внешние "шоки" и располагает механизмом их моментальной ликвида-

* См. гл. III, § 1.

ции, почему капиталистическая экономика периодически подвержена смене подъемов и спадов конъюнктуры, переживает тяжелые кризисы перепроизводства?

Лукас сводит проблему делового цикла к построению "искусственной хозяйственной системы, изменение которой во времени создавало бы близкую имитацию... поведения реальной экономики"⁹⁴. Этот подход соответствует позитивистскому пониманию целей экономического анализа. "Теория, — пишет Лукас, — это не собрание выводов о реальном функционировании хозяйства, а скорее эксплицитно выраженный набор инструкций для построения параллельной или аналогичной системы — механической или имитационной экономики. С этой точки зрения "хорошая" модель не будет более "реалистичной", чем плохая, но она даст возможность лучшей имитации"⁹⁵. Теория цикла в представлении новых классиков не предназначена для характеристики объективных законов развития капиталистического хозяйства; она должна предложить модель, имитирующую колебательные процессы в экономике. Основа цикличности, по Лукасу, кроется в особенностях поведения "рационально мыслящих" агентов. Он стремится вскрыть причины "совместных колебаний цен и физических объемов, которые возникли бы при условии, что агенты действуют в собственных интересах и эффективно используют неполную информацию".

Главный и по существу единственный вид информации в модели Лукаса — ценовые сигналы. На первой стадии анализа он вводит условие постоянства общего уровня цен и покупательной силы денег. В этом случае хозяйственые агенты в его модели реагируют лишь на изменения относительных цен, отражающие меновые пропорции между товарами на рынке. Далее рассматривается ситуация, возникающая перед товаропроизводителем в случае внезапного роста цен на его товар. Это послужит сигналом возросшего спроса на товар и приведет к увеличению товарного предложения. При стабильном общем уровне цен эти сдвиги носят локальный характер и не могут стать источником общих циклических изменений конъюнктуры.

Иная ситуация возникает, когда устраняется предпосылка неизменности общего уровня цен. В этом случае, по мнению Лукаса, агенты не смогут отличить изменений общего уровня цен от повышения (или понижения) относительных цен на отдельные товары. Они сочтут общий рост цен показателем повышения спроса на "свой" товар и начнут увеличивать выпуск продукции независимо от реальной потребности в ней. "Результатом этого процесса, — пишет Лукас, — будут совместные колебания цен, продукта и инвестиций на агрегатном уровне, как это происходит в реально наблюдаемом цикле"⁹⁶. Он особо выделяет инфляцию как фактор, влияющий на скорость переработки информации и принятие решений. Если инфляция носит устойчивый характер, рациональные агенты быстро приспособятся к ней и смогут скорректировать свои расчеты. Внезапные же изменения цен могут иметь "реальные" последствия, т.е. могут повлиять на объем производства и занятости и вызвать кризисные явления в экономике.

Таким образом, непредсказуемые колебания общего уровня цен порождают в модели Лукаса "информационные разрывы". Не располагая

достаточно полной информацией, агенты получают ценовые сигналы, принимая их за свидетельство действительного изменения спроса на конкретный товар. Результатом служат "совместные упорядоченные колебания" переменных, которые Лукас называет "деловым циклом".

В чем же причина неупорядоченных колебаний самого уровня цен? Лукас отвечает – изменения количества денег. Именно здесь его теория теснее всего смыкается с монетаризмом. Он считает, в полном согласии с количественной теорией денег, что "вековые" изменения цен хорошо объясняются вековыми изменениями количества денег. Что касается более коротких периодов времени, где гораздо сложнее выявить и объяснить корреляцию между статистическими рядами денег, реального продукта и цен, Лукас прибегает к спасительному приему – ссылке на длительные и непредсказуемые лаги. По его словам, учет этих лагов дает "обнадеживающие результаты" при формулировании денежной теории делового цикла, к разряду которых он относит и свою модель⁹⁷.

За последние 10 лет теория новых классиков подвергалась в западной печати как неумеренному восхвалению, так и серьезной критике. Отдавая должное "гениальным находкам" Лукаса, многие экономисты делают, однако, вывод, что "способность его новой макроэкономической теории объяснять наблюдаемые факты, не прибегая при этом к сомнительным допущениям... весьма ограничена"⁹⁸. Чаще всего подвергаются критике нереалистические предпосылки моделей новых классиков и их крайний пессимизм по поводу возможностей экономической политики государства. Большие споры возникли вокруг допущения о рациональном характере поведения хозяйственных агентов. "Человеку с улицы", замечают критики, приписывается способность хорошо разбираться в сложнейшей механике финансовых рынков, представлять внутренний механизм и связи между отдельными элементами капиталистического производства, правильно угадывать будущее развитие конъюнктуры.

Вызывает серьезные возражения и тезис новых классиков о "постоянном очищении рынков" от излишних товаров за счет быстрой корректировки цен. Эти идеи, возрождающие образ вальрасовского аукционщика, Тобин называет "великим мифом"⁹⁹. М. Картер и Р. Мэддок пишут: "Даже при самом беглом ознакомлении с действительностью образ мгновенно очищающихся рынков аукционного типа явно не согласуется с ней. Запасы товаров, очереди, портфель заказов – все это опровергает представление о существовании подобных рынков. Первой реакцией покупателей и продавцов на большинстве рынков будет корректировка не цен, а физических объемов предложения..."¹⁰⁰

В основе денежной модели делового цикла, предложенной Лукасом, лежат чисто психологические факторы, например ошибки участников экономического оборота, ведущие к переизвестству (или недопроизводству) товаров. Тем самым устраняется связь промышленного цикла с социально-экономической средой, с распределением продукта и классовыми противоречиями в обществе. Все, что не входит в схему колебательных процессов, порождаемых нехваткой информации, устраняется из поля зрения. "Теории такого рода... - писал Тобин, – описывают цикл не как экономический механизм, а как отражение экзогенных шоков в структуре, которой внутренне присуща стабильность"¹⁰¹.

Главным стабилизирующим фактором в моделях новых классиков являются, как мы видели, беспорядочные колебания денежной массы. Отсюда их поддержка монетаристского курса на пассивность в экономической политике, на обеспечение "плавного характера" изменения денег. Лукас пишет, например: "Большая часть приведенных выше аргументов – это просто попытка понять и более ясно изложить ту подспудную схему, которая лежит в основе предложений Генри Саймонса, Милтона Фридмена и других критиков активистской макроэкономической политики... Повышение стабильности денежной массы порождает надежду на снижение общей нестабильности реальных показателей конъюнктуры..."¹⁰²

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что все современные течения консервативного альянса независимо от особенностей их методологии и специфических позиций по отдельным теоретическим вопросам выступают против общего врага – активной макроэкономической политики государства. Экономика капитализма, утверждают они, устойчива в самой своей основе, а государственное вмешательство нарушает естественные механизмы приспособления хозяйства к меняющимся условиям. Главным источником динамизма служит капиталистическая элита. Отсюда апология мероприятий по перераспределению национального дохода в пользу имущих классов и игнорирование законных требований трудящихся. За фасадом "политической индифферентности" теоретических течений кроется защита вполне определенных классовых интересов.

Все это вызывает тревогу у трезвомыслящих экономистов и политических деятелей. В упорном нежелании участников консервативного альянса считаться с расстановкой классовых сил в современном мире, в их фанатическом стремлении во что бы то ни стало подорвать возросшее политическое влияние пролетариата и изменить сложившееся соотношение сил в пользу монополистической верхушки скрывается предвестник новых острых социальных конфликтов и потрясений. Недоучет этого фактора может иметь самые серьезные последствия для всей экономической и политической структуры капитализма.

ТЕОРИЯ ФРИДМЕНА И НЕОКЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ДЕНЕЖНОГО АНАЛИЗА

Количественная теория денег в исторической ретроспективе

Для монетаристов деньги – это главная ось, вокруг которой вращается все современное хозяйство. Ключевой тезис их доктрины гласит, что величина валового национального продукта, выраженная в текущих ценах и отражающая уровень хозяйственной активности, повторяет (с определенными задержками) взлеты и падения денежной массы. Неудивительно, что эта позиция прочно ассоциируется со взглядом, что "только деньги имеют значение".

Внимательный читатель, однако, обнаружит в монетаристских работах и другую оценку роли денег, явно не согласующуюся с первой. Рассуждая об "исключительной важности" денег, они вместе с тем отводят им роль фактора, фиксирующего общий уровень товарных цен, но не оказывающего существенного влияния на другие стороны воспроизводственного процесса. Назначение денег сводится к установлению "ценовой вуали". Фридмен пишет: "Главный источник заблуждений (оппонентов монетаризма. – В. У.) заключается в неспособности уяснить, для чего важны деньги... Количество денег имеет исключительно большое значение для номинальных величин, для номинального дохода, для определения уровня дохода в долларах, т. е. для того, что происходит с ценами. Оно совсем не важно или, если это выглядит преувеличением, не очень важно для того, что происходит с реальным продуктом на протяжении длительных периодов времени" ¹.

Таким образом, "важность денег" истолковывается здесь особым, специфическим образом, на что, естественно, не могли не обратить внимание как противники, так и сторонники монетаризма.

Один из верных последователей Фридмена, Д. Фэнд, пишет, например, о двойственности позиции монетаристов по вопросу о роли денег: "Монетаристы на первый взгляд одновременно отстаивают два противоположных тезиса. С одной стороны, их теоретический анализ приводит к трактовке номинального денежного запаса как своего рода вуали (в духе классических представлений). С другой стороны, из их исторических и прикладных исследований следует, что денежная масса является ключом к ограничению инфляции и предотвращению депрессий. Когда мы переходим от теории к анализу стабилизационной политики, денежный запас каким-то образом превращается из безобидной вуали в мощную силу, воздействующую на процесс определения дохода, занятости и цен. Монетаристы могут испытывать значительные трудности в достижении широкого признания своей модели... так как она, по-видимому, содержит денежную вуаль в теории и исключительно эффективные деньги в области стабилизационных мероприятий" ².

Дуализм в оценках роли денег органически вытекает из всей системы монетаристских взглядов, из их понимания природы воспроизводственного процесса. В своей основе подход монетаристов выражает идею "классической дицотомии" – жесткого разделения и изоляции друг от друга так называемых реальных и денежных факторов. Первые "отвечают" за создание и распределение продукта в его натурально-вещественной форме, вторые – за установление и изменение общего уровня денежных цен, за "ценовую оболочку". "Классическая дицотомия" – это особая форма выражения идеи нейтральности денег, отсутствия их влияния на производство. Необходимым элементом такого подхода была количественная теория денег.

Распространенный в XVIII – XIX вв. вариант количественной теории гласил, что при условии *ceteris paribus* (неизменности прочих условий) уровень товарных цен в среднем изменяется пропорционально изменению количества денег. Это положение сначала применялось к металлическим (золотым и серебряным) деньгам, а затем, после работ Д. Рикардо, и к бумажным (неразменным).

В период становления капиталистических отношений основные идеи количественной теории с наибольшей четкостью выразил английский философ Д. Юм, которого Маркс назвал самым выдающимся ее представителем в XVIII в.³ В очерке "О деньгах" (1750) Юм выдвинул и обосновал принцип, который в современной литературе именуется "постулатом однородности": удвоение количества денег приводит к удвоению абсолютного уровня цен, выраженных в деньгах, но не затрагивает относительных меновых соотношений между отдельными товарами.

Вместе с тем деньги в системе Юма не были совершенно нейтральными. Пропорциональность в изменении денег и цен достигается у него лишь в конечном счете, после длительного процесса хозяйственных корректировок и сдвигов. Вначале приток благородных металлов в страну оказывает положительное, активизирующее воздействие на хозяйство. Юм пишет: "...в каждом королевстве, куда деньги начинают притекать в большем обилии, чем прежде, все приобретает новый вид: труд и промышленность оживают, торговец становится более предприимчивым, и даже фермер идет за своим плугом с большей живостью и вниманием..." Рост спроса на рабочую силу приводит к повышению заработной платы, а увеличение потребительских расходов оказывает стимулирующее влияние на производство. Этот "реальный" эффект, однако, недолговечен. В долговременной перспективе произойдет общее повышение товарных цен. "Первоначально не происходит никаких изменений. Затем начнется рост цен сначала на один товар, затем на другой, пока в конце концов цены всех товаров не возрастут в такой же пропорции, что и количество металлических денег, имеющихся в королевстве"⁴.

В рамках классической буржуазной политической экономии принципы количественной теории были последовательно развиты выдающимся ее представителем Давидом Рикардо. Важный исторический вклад экономистов классической школы состоял, как известно, в развитии элементов трудовой теории стоимости и применении этой теории к исследованию разнообразных проблем капиталистического воспроизводства. Но в вопросах денег и их роли позиции классиков отличались непоследова-

тельностью. Так, выдвинув положение об определяющем влиянии трудовых затрат на стоимость металлических денег, Рикардо, по характеристике Маркса, "внезапно сворачивает с прямого пути... и переходит к противоположному взгляду..."⁵, а именно к определению меновой стоимости денег их количеством. При этом он отождествляет законы металлического и бумажно-денежного обращения (неразменных на золото банкнот). "Если бы в какой-нибудь из этих стран был открыт золотой рудник, то средства обращения ее понизились бы в своей стоимости, поскольку в обращение поступило бы возросшее количество драгоценных металлов, не могущих поэтому иметь такую же стоимость, как средства обращения в других странах... Если бы вместо открытия в стране рудника в ней был учрежден банк наподобие Английского банка с правом выпускать свои банкноты в качестве средств обращения, то выпуск... большого количества банкнот, а следовательно, значительное увеличение суммы средств обращения привело бы к такому же результату, как и открытие рудника... Таким образом, учреждение банка этого типа и сопровождающий его выпуск банкнот действует так же, как и открытие рудника..."⁶

В трудах экономистов классической эры и периода распада концепций этого в ремени количественная теория претерпела важные изменения, причем, как правило, в сторону ее упрощения и канонизации. В результате появился на свет "грубый", или "наивный", вариант количественной теории. Так, Юм относил тезис об экзогенном характере изменений денежной массы к случаям притока металлических денег из-за рубежа. Впоследствии принцип "навязывания денег извне" был распространен на все виды денежной эмиссии, в том числе и на все формы кредитных денег, которые были тесно связаны с ходом воспроизводства, с кругооборотом капитала. Здесь коренилась одна из наиболее серьезных ошибок сторонников количественной теории, пытавшихся свести более высокие – кредитные – формы обращения, свойственные развитому капиталистическому производству, к обращению металлических денег, адекватных простому товарному хозяйству. Они не признавали обоядной взаимозависимости денежного и товарного обращения. Несостоятельность этой позиции обнаруживается особенно явственно в эпоху господства крупных банков и появления развитых рынков ссудного капитала.

Для работ классического периода характерно также отрицание обратного воздействия денежной сферы на процесс капиталистического производства. Юм допускал кратковременное влияние притока денег на состояние конъюнктуры. Однако переключение внимания на долговременные аспекты и отдаленные результаты экономической динамики по существу устранило эти эффекты из сферы анализа. Тем самым безусловно и неограниченно утверждался принцип "классической дилемии". В трудах крупнейших экономистов того времени все важнейшие экономические проблемы анализировались в натурально-вещественных ("реальных") категориях. Деньги же лишь формально присутствовали в анализе. Они представлялись неким осложняющим обстоятельством, которое можно безболезненно отбросить без всякого ущерба для окончательных выводов. Не случайно в трактатах XVIII – XIX вв. деньги сравнивались с "дорогой", облегчающей продвижение товаров на рынок (А. Смит), со "смазкой" товарного обращения (Дж. Ст. Милль, А. Маршалл), "вуалью",

окутывающей экономические отношения (Ж. Б. Сэй), и т. п. Хозяйственная система во всех своих важнейших проявлениях сводилась к натуральному товарообмену, бартеру.

Джон Стюарт Милль с предельной четкостью выразил понимание роли денег в классической политэкономии. "Введение денег, — писал он, — не нарушает ни одного из законов стоимости, выведенных в предыдущих главах... Предметы, которые в условиях натурального обмена обменивались бы один на другой, будучи проданы за деньги, отдавались бы за равные их количества и, таким образом, по-прежнему обменивались бы один на другой, хотя процесс обмена состоял бы из двух операций вместо одной. Короче говоря, *вряд ли можно отыскать в общественном хозяйстве вещь более незначительную по своей важности, чем деньги*, если не касаться при этом способа, которым экономятся время и труд. Это лишь машина, которая быстро и удобно делает то, что в ее отсутствие делалось бы с меньшей быстротой и удобством"⁷. Здесь ясно сформулирована мысль, что появление денег не влечет никаких принципиальных изменений в работе хозяйственного механизма.

Еще одна черта того варианта количественной теории, который сложился в начале XIX в. и господствовал в течение столетия, заключалась в отсутствии интереса к раскрытию сложного процесса воздействия денег на систему цен. И вновь мы обнаруживаем сдвиг не в лучшую сторону по сравнению с анализом Юма. Последний, как мы помним, пытался проследить цепочку событий, отражающих реакцию хозяйственных агентов на появление в обороте избыточных денег. Последующие же авторы просто декларировали факт равнопропорционального роста цен при росте количества денег, не вскрывая механику процесса. Этому способствовал традиционный для классического анализа акцент на долговременной перспективе при игнорировании посредствующих звеньев и краткосрочных эффектов.

Наконец, классический подход утверждал идею автоматического функционирования денежной системы, призванной играть незаметную, служебную роль в хозяйстве. Это соответствовало принципу невмешательства государства в экономический процесс (*laisser – faire*), который господствовал в теоретическом мышлении и практике капиталистических отношений XVIII – XIX вв. В тот период особенно ценился автоматизм работы эмиссионного учреждения, его стихийная и безотказная реакция на изменение потребности оборота в платежных средствах без участия "сознательного" (или человеческого) элемента. История капиталистического денежного обращения изобиловала примерами выпуска огромных масс неразменных бумажных денег для покрытия государственных расходов. Это породило недоверие к любым попыткам централизованного управления деньгами. В итоге паническая боязнь инфляционного обесценения денег приводила к апологии неэластичной металлической системы денежного обращения, которая усиливала остроту циклических кризисов перепроизводства.

Количественная теория денег органически вписывалась в классическую модель воспроизводства, которая исходила из того, что в условиях совершенной конкуренции и полной эластичности цен на всех рынках система автоматически, без какого-либо вмешательства извне, приходит

к равновесию при полном использовании всех производственных ресурсов. Тем самым отрицалась возможность общего перепроизводства товаров, хронической безработицы и т. д.

Эти представления отразились в теории реализации Ж. Б. Сэя, который, как уже говорилось, стремился утвердить мысль о неограниченных возможностях развития капитализма. Сэй декларировал принцип полного совпадения предложения и спроса на товарных рынках. Уже самый факт выхода товара на рынок, утверждал он, ведет к появлению адекватного спроса, что делает невозможными общую несбалансированность производства, накопление непроданных товаров и другие явления, приводящие к кризисам перепроизводства*. Деньги в этой системе служат лишь мимолетным посредником товарного обмена, не обладающим самостоятельной полезностью.

Сегодня некоторые авторы на Западе пытаются по-новому истолковать позицию Сэя, придать ей более реалистические черты. Они проводят, например, различие между "жесткой" и "смягченной" версиями закона Сэя, а именно между так называемым тождеством Сэя (Say's Identity) и равенством Сэя (Say's Equality). Согласно первой версии, спрос на товары и их предложение совпадают в любой произвольно взятый момент времени. *Они равны всегда и безусловно*, что полностью исключает возможность проявления каких-либо диспропорций в хозяйстве. Во второй же версии закона Сэя спрос и предложение совпадают *лишь в конечном счете*. Это не перманентное состояние рынка, а лишь условие его окончательного равновесия. При такой трактовке возникает теоретическая возможность временных неравновесий, избытка товарного спроса или предложения. Но эти диспропорции имеют сугубо краткосрочный характер, так что хозяйство в конечном счете всегда находится в состоянии равновесия.

Главная ошибка Сэя состояла не в том, что он не допускал теоретической возможности кратковременных разрывов между спросом и предложением на товарных рынках. По-видимому, он понимал абсурдность такого утверждения и пытался его как-то смягчить. Основной дефект его рассуждений заключается в непонимании противоречивой природы товарного обмена, которая определяется двойственной природой товара и двойственным характером труда, заключенного в нем. В условиях развитого товарного производства и господства денежных отношений обмен товара на денежный эквивалент – это по существу единственный способ удостоверения общественной потребности в товаре, общественного характера заключенного в нем труда. Для Сэя же акт обмена – пустая фор-

* В "Трактате по политической экономии" (1803) Сэй писал: "Продукт не может быть создан без того, чтобы в тот же момент он не породил рынка для других продуктов на полную сумму своей стоимости. Когда производитель полностью завершает отделку своего продукта, он страстно желает продать его, чтобы стоимость продукта не уменьшилась, пока он находится в руках производителя. Не менее сильно желание освободиться от денег, которые могут быть выручены за товар, ибо стоимость денег тоже подвержена колебаниям. Но единственный способ отделаться от денег – это купить тот или иной продукт. Таким образом, уже самые обстоятельства создания одного продукта немедленно открывают дверь для другого" (цит. по: *Harris L. Monetary Theory*. L., 1981; см. также: *Hollander S. Classical Economics*. Oxford, 1987. P. 241 – 242).

мальность, техническая операция, лишенная глубокого социально-экономического смысла.

Прием, к которому прибегал Сэй, – отождествление денежного обмена и бартера – ведет к устраниению противоречий, в которых проявляются на поверхности коренные антагонизмы капиталистического производства. Аргументы для такой трактовки давала количественная теория, которая подчеркивала мимолетность присутствия денег в актах товарного обмена и приписывала им выполнение лишь функции средства обращения.

Итак, значение качественного сдвига, вызванного превращением натурального хозяйства в товарно-денежное, не было понято экономистами XIX в. Говоря словами К. Маркса, господствовало мнение, что "меновая торговля есть адекватная форма процесса обмена товаров, которая только сопряжена с известными техническими неудобствами, для устранения которых деньги служат хитро придуманным средством"⁸. Маркс первым в экономической литературе глубоко проанализировал противоположность товара и денег, служащую, по его словам, абстрактной и всеобщей формой всех противоположностей, заключенных в труде при капитализме⁹. Тем самым он указал на неустранимый источник противоречий в товарно-капиталистическом хозяйстве, приводящий к разрушительным кризисам перепроизводства. В классических же моделях благодаря предварительной скоординированности производства и мгновенному установлению равновесных цен такие диспропорции возникнуть не могут.

По мере развития капитализма накапливалось все больше свидетельств ошибочности ряда ключевых положений количественной теории. Тем не менее попытки опровергнуть эту теорию в течение долгого времени были неудачными. Один из видных представителей "банковской школы" в Англии, Т. Тук, подчеркивал многофакторную природу ценообразования. Но при этом он впадал в другую крайность, абсолютизируя обратную зависимость – от цен к деньгам. Знаменитый "12-й принцип" Тука гласил: "...цены товаров не зависят от количества денег... а, напротив, сумма средств обращения является следствием цен"¹⁰. Деньги в этой схеме пассивны и не участвуют в формировании цен, что в свою очередь искажало роль денег в хозяйстве.

Появление и широкое распространение теории предельной полезности в последней четверти XIX и начале XX в. не коснулось устоявшихся схем в области теории денег. Напротив, количественная теория получила новый импульс благодаря работам американского экономиста И. Фишера, где основные постулаты ее были облечены в строгую математическую форму, удобную для статистического анализа, и трудам экономистов кембриджской школы, где большое внимание уделялось факторам накапливания денег у хозяйственных субъектов.

Трансакционный вариант количественной теории И. Фишера основывался на двояком выражении суммы товарообменных сделок: как произведения массы платежных средств на скорость их обращения и как произведения уровня цен на количество реализованных товаров. Связь этих величин выражалась так называемым уравнением обмена:

$$MV = \Sigma pq, \quad (1. 2)$$

где M – сумма наличных денег, находящихся в обороте в течение известного периода (например, года); V – скорость обращения; p – цена индивидуального товара, реализованного за указанный период; q – количество товаров. Элементарное событие, которое лежит в основе формулы, – товарообменная сделка (transaction, с чем связано название фишеровской версии). В правой части уравнения фигурирует сумма цен всех товаров, участвовавших в сделках; в левой им противостоит сумма всех платежей наличными деньгами.

В дальнейшем Фишер усложняет уравнение, вводя в левой части еще один член – $M'V'$, где M' – сумма денежных средств на чековых счетах, V' – скорость обращения этих средств. В итоге формула приобретает следующий вид:

$$MV + M'V' = PT, \quad (2.2)$$

где P – средний взвешенный уровень цен, а T – сумма всех q .

Уравнение обмена тавтологично по самому определению. Это тождество, правая часть которого, безусловно, равна левой, поскольку это лишь различные способы выражения одной и той же величины – денежной суммы товарообменных сделок. Но Фишер, основываясь на ряде допущений, выводит из формулы причинно-следственные связи. "Уровень цен, – пишет он, – изменяется: 1) прямо пропорционально количеству денег в обращении, 2) прямо пропорционально скорости обращения денег, 3) обратно пропорционально объему торговли, осуществленному с помощью этих денег. Первое из этих отношений... выражает центральную идею количественной теории"¹¹. Пропорциональное воздействие изменения количества денег на цены обнаруживается, по мнению Фишера, лишь в долговременной перспективе. Что же касается краткосрочных периодов, то влияние денег может существенно искажаться под действием циклических изменений конъюнктуры. Во время этих "переходных периодов" закономерности количественной теории могут и не действовать.

Формулировки Фишера до сих пор дают пищу для споров. Одни критики обвиняют Фишера в создании весьма негибкой и механической версии количественной теории, декларирующей тезис о наличии строгой пропорциональной зависимости между изменением денег и цен. Другие, напротив, ссылаясь на идею "переходных периодов", трактуют уравнение обмена лишь как общее условие равновесия экономической системы*.

При анализе уравнения обмена Фишер уделял большое внимание "выключению" факторов T и V , предположив их постоянство в краткосрочном периоде. Он доказывал, что в долговременном плане объем производства определяется технико-экономическими условиями (разделение труда, технология, накопление капитала, география различных природных ресурсов), инфраструктурой, определяющей особенности связи производителей и потребителей (транспорт, связь, развитие кредитной системы), изменением характера потребностей и т.д.¹² Эти факторы

* Шумпетер считал, например, "что количественная теория верна только в условиях равновесия" (Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. L., 1954. P. 1102).

изменяются относительно медленно, на протяжении десятилетий, и поэтому, полагал Фишер, от их влияния можно абстрагироваться без больших погрешностей для анализа. Производство у Фишера всегда находится в точке максимума. Что же касается "переходных периодов", то они исключаются из рассмотрения как нетипичные. При таких искусственных предпосылках потенциальное влияние денег может, естественно, проявиться лишь в изменениях "ценовой оболочки". Производство же определяется "реальными" факторами, и состояние денежной сферы на него не влияет*. В итоге мы имеем типичную "классическую дилемму".

Важную роль играла также трактовка скорости обращения денег, которая у Фишера определяется медленно изменяющейся институциональной структурой оборота, платежными обычаями и т. п. Исходя из устойчивости платежных обычаяев, Фишер утверждает, что "среднее время пребывания денег в одних и тех же руках очень точно определено" и что удвоение количества денег "оставило бы скорость почти неизменной"!

Исследования этого вопроса в XX в. показали, что скорость обращения денег может существенно меняться, реагируя на резкие скачки денежной массы, особенно в периоды разрушительной инфляции. Но в момент выхода книги Фишера это не было очевидным. Более того, приведенные им статистические выкладки, казалось, подтверждали вывод о малой изменчивости скорости обращения денег. Так, по расчетам Фишера, в 1896 – 1909 гг. в США при изменении суммы наличных денег на 80% и индекса цен на 65% скорость обращения возросла в пределах 11 – 12%. Эти цифры были истолкованы им как подтверждение постулатов количественной теории.

Фишер исключал и какую-либо возможность обратного влияния общей суммы сделок (PT) на "денежную" часть уравнения обмена. Он пишет: "Уровень цен обычно служит единственным пассивным элементом уравнения обмена. Он контролируется исключительно другими элементами и порождающими их причинами, но сам не контролирует их" ¹³. Произвольность такого допущения очевидна: в реальных условиях капиталистического производства изменение уровня цен и соответственно суммы товарообменных сделок, несомненно, влияет на потребность в платежных средствах и соответственно на размеры денежной эмиссии. Фишер же абсолютизировал одностороннюю линию влияния "деньги – цены" и закреплял тем самым традиционный разрыв между денежной и общеэкономической теорией.

В начале XX в. в Западной Европе получила распространение другая версия количественной теории, отличная от трансакционного варианта Фишера. Она была названа теорией кассовых остатков (cash balance theory) или кембриджской версией. Ее активными пропагандистами были профессора Кембриджского университета А. Маршалл, А. Пигу, Д. Робертсон, Дж. М. Кейнс (в своих ранних работах). Как и Фишер, представители кембриджской школы пытались обосновать тезис об определяющем

* "Инфляция денег не может увеличить продукт ферм или заводов, равно как и скорость грузовых поездов или судов. Ход деловых операций покоятся на естественных ресурсах и технических условиях, а не на количестве денег" (Fisher I. The Purchasing Power of Money. P. 155).

влиянии изменений денежной массы на уровень цен. Они подчеркивали идентичность своих взглядов со взглядами Фишера, тогдашнего признанного авторитета по вопросам денежной теории. Различия же двух версий обычно переводились в плоскость методологии, аналитических приемов и т. д.

Парадокс заключался в том, что именно те особенности кембриджской версии, которые вначале представлялись ее сторонникам чисто техническими и второстепенными, сыграли исключительно важную роль в дальнейшем развитии денежного анализа. Различия фишеровского и кембриджского вариантов проявились прежде всего в общем подходе к исследованию денежных проблем. Концепция Фишера в основе своей была макроэкономической. Главным объектом исследования являлись агрегатные потоки денег в хозяйственном обороте, взятом как единое целое. Кембриджские же экономисты сосредоточили внимание на мотивах накапливания денег у индивидуальных участников производства. Их подход был микроэкономическим. Они пытались дать ответ на следующие вопросы. Почему люди хранят деньги? От каких факторов зависит спрос хозяйственных субъектов на кассовые остатки? Чем определяется пропорция, в которой лицо делит свой текущий доход между деньгами и альтернативными формами финансовых или материальных активов?

Важной особенностью кембриджской трактовки было то, что размеры накапливания денег не навязывались хозяйственным субъектам с "железной необходимостью" свыше, а увязывались с мотивами их поведения. Как отмечает Д. Лейблер, акцент делался на *желании хранить деньги, а не на обязанности их хранить*, в чем и состоит коренное отличие этого подхода от фишеровского¹⁴. Во главу угла ставились два мотива хранения денег – как фонда средств обращения и как резерва на покрытие непредвиденных нужд. Напомним, что в трансакционной версии Фишера учитывалась лишь функция обращения.

Вместе с тем принцип выбора между деньгами и другими формами хранения богатства не получил в теории кассовых остатков последовательного выражения. С помощью ряда упрощений анализ в конечном счете переводился на рельсы традиционной количественной теории с ее ключевым выводом о наличии жесткой причинной связи между количеством денег и общим уровнем цен. Это проявилось в формуле данного варианта – "кембриджском уравнении"

$$M = kRP, \quad (3.2)$$

где M – количество денежных единиц; R – общая величина производства в физическом выражении в единицу времени; P – цена произведенной продукции; k – часть RP , которую люди предпочитают хранить в виде денег. При постоянстве k и R возникает обратно пропорциональная связь между стоимостью (покупательной силой) денежной единицы и величиной имеющихся в хозяйстве кассовых остатков (количеством денег). А это и есть основной вывод количественной теории.

Необходимо подчеркнуть еще одну важную особенность кембриджского подхода: RP в приведенной формуле отражает денежную сумму доходов, эквивалентную конечному продукту, тогда как у Фишера PT –

общая сумма сделок, включающая промежуточные стадии производства и обращения, финансовые сделки и т. д. Наконец, стабильность коэффициента k равносильна принятию условия о неизменной скорости обращения денег. Этот коэффициент отражает "привычную" пропорцию между номинальной суммой денег и доходом. Нарушение пропорции из-за внезапного роста денежной массы ведет к обесценению денег, так что в конечном счете "привычный" уровень "реальных" кассовых остатков будет восстановлен.

Теория кассовых остатков наметила новые подходы к изучению денег, акцентировала внимание на психологических реакциях хозяйственных субъектов, в основе которых лежит универсальный принцип выбора "на пределе". Но эти идеи не получили последовательного развития в работах кембриджских теоретиков. Принятие неоклассической модели воспроизводства в сочетании с рассмотрением скорости обращения денег как числовых констант устранили применение мотивационного анализа в сфере денежных процессов и сводили сложный механизм взаимодействия денег и неденежных факторов к прямолинейной констатации связи между спросом на деньги и суммой товарообменных сделок. Таким образом, в конечном счете и кембриджский вариант количественной теории приводил к концепции "ценовой вуали".

В первой трети ХХ в. количественная теория денег обнаружила явные черты деградации и упадка. Это привело к почти полному уходу ее с арены западной экономической мысли в 30–40-х годах. Американский экономист Л. Кюрри писал: "Издать в настоящее время книгу, посвященную главным образом вопросам количества денег... значит навлечь на себя остройшую критику... Из-за повсеместного отхода от количественной теории существует, однако, опасность, что маятник может слишком сильно качнуться в другую сторону..."¹⁵

Закат количественной теории был следствием общего падения авторитета неоклассической школы, выводы которой о невозможности общего перепроизводства товаров все более противоречили фактам реальной действительности. Этот разрыв особенно явственно обнаружился с появлением регулярно повторяющихся циклов хозяйственной активности и усилением остроты кризисных падений производства в ХХ в. Становилась очевидной несостоятельность трактовки денег как "вуали". По мере развития и усложнения капиталистической экономики воздействие кредитно-финансовой системы на воспроизводство значительно возросло. Денежные и бюджетные рычаги начали активно использовать государство как орудие антициклического регулирования. Все это противоречило выводу о "нейтральности" денег, отсутствии их связи с реальными процессами в экономической системе.

Неоклассическая теория воспроизводства (и в особенности такие ее элементы, как закон Сэя и количественная теория денег) воздвигала непреодолимый заслон на пути теоретического объяснения кризисных явлений и других хозяйственных диспропорций, свойственных капитализму. В 30-х годах Дж. М. Кейнс подверг острой критике основы неоклассической модели, поставив в центр своего анализа причины хронической несбалансированности товарных рынков при капитализме. Однако критика Кейнсом классических постулатов не была последовательной,

носила поверхностный, формально-логический характер. На первый план выдвигались причины внесоциального порядка, не затрагивающие классовой структуры общества и особенностей его производственных отношений. Объявив нехватку платежеспособного спроса главной непосредственной причиной падения производства и занятости, Кейнс абстрагировался от законов распределения доходов при капитализме и свел дело к мотивациям хозяйственных субъектов и их реакции на изменения конъюнктуры.

В кейнсианской схеме причинно-следственных связей денежные факторы играли важную роль. Напомним, что в классической системе деньги были мимолетным посредником: их накапливание хозяйственными агентами считалось бессмысленным и нерациональным. Этим обосновывался тезис о немедленном расходовании доходов по мере их поступления, что в свою очередь приводило к выводу об автоматическом изменении цен вслед за изменением денежной массы.

В рамках кембриджской версии наметился отход от трактовки денег как мимолетного посредника. Внимание было привлечено к очевидному факту накапливания денег, их "оседания" в кассах капиталистических предприятий и населения. На первый план вышел анализ мотивов хранения денег и акцент на функции денег как средства сбережения (или "сохранения стоимости"). Тем не менее нейтральность денег в кембриджской схеме сохранялась.

Кейнс увидел в процессах тезаврации (накапливания) денег у хозяйственных агентов потенциальный фактор раскоординирования воспроизводственного механизма. Он попытался отойти от традиционной неоклассической трактовки денег как второстепенного, технического инструмента. Важность денег он связывал с наличием неопределенности в процессах принятия хозяйственных решений. "Наше желание хранить деньги... — пишет Кейнс, — это барометр нашего недоверия к собственным расчетам и к общему согласованному мнению относительно будущего"¹⁶.

Из факта тезаврации денег Кейнс прямолинейно выводил недостаток платежеспособного спроса в хозяйстве. Между тем, как показал Маркс в своем анализе простого товарного хозяйства, распадение акта купли-продажи на два самостоятельных акта в результате появления в обороте "всеобщего товара", денег, отнюдь не ведет автоматически к дефициту спроса на товары и соответственно к кризисам перепроизводства. Оно служит необходимым, но недостаточным условием "раскоординирования" системы. Отделение продаж от покупок создает лишь самую общую, формальную возможность разрыва платежной цепи. Для превращения этой возможности в действительность, для возникновения глубоких кризисов перепроизводства требуется определенная степень зрелости товарно-денежных отношений, развитие рынка, захват капиталистическим производством главенствующих позиций, развитие отношений капиталистической эксплуатации, обострение внутренних противоречий капитализма.

В своей модели капиталистической хозяйственной системы Кейнс стремился преодолеть "классическую дилемму", создававшую глубокую пропасть между "реальными" и денежными процессами. Главным каналом связи между этими двумя сферами служит у него норма процента, находящаяся под воздействием сил денежного рынка и одновре-

менно влияющая на принятие решений о будущих капиталовложениях. Подлинную важность, говорил Кейнс, деньги приобретают лишь в теории процента. Это, естественно, привело его к пересмотру взглядов на количественную теорию. В "Общей теории" он указал на нереалистические предпосылки, лежащие в основе этой теории (например, на предпосылку полной занятости, при которой весь эффект изменения денежной массы проявлялся в изменениях уровня цен).

Кейнс сформулировал особый вариант функции спроса на кассовые остатки. Связь между деньгами и уровнем цен здесь ослаблена благодаря введению особых резервных фондов – "праздных" или тезаврированных денег (idle cash, hoards). Утечка доходов в эти фонды порождает недостаток спроса на товары. В качестве основной причины накапливания "праздных" остатков приводится фактор "непредвидимого будущего", который конкретизируется как "неопределенность по поводу нормы процента"¹⁷. Чем сильнее неясность в отношении динамики процента, тем большие запасы денег создает хозяйствственный агент и тем больше сокращается предъявляемый им спрос на продукцию текущего производства.

В традициях кембриджской школы при объяснении механизма тезаврации важное место отводится анализу мотивов накапливания денег. У Кейнса их три: трансакционный (transactionary), предосторожности (precautionary) и спекулятивный (speculative). Первые два отражают традиционную роль денег как средства обращения и платежа. Они обычно объединяются под общей рубрикой трансакционного спроса, который зависит от суммы товарообменных сделок или дохода и идентичен спросу на деньги в кембриджском уравнении. Но главное новшество Кейнса заключалось в выделении другого самостоятельного элемента спроса на деньги – спроса на спекулятивные остатки. Кейнс связывал его с динамикой цены близкого субститута денег – финансовых активов или "облигаций" (bonds), вводя тем самым в анализ фактор распределения индивидуумом своего дохода проблему выбора. В качестве фактора, регулирующего этот элемент спроса на деньги, равно как и весь спрос, выступает норма процента.

Таким образом, совокупный спрос на деньги (M) складывается из двух частей – трансакционного (M_1), являющегося функцией дохода, и спекулятивного (M_2), являющегося функцией нормы процента: $M = M_1 + M_2 = L_1(Y) + L_2(i)$, где Y – совокупный доход, а i – норма процента*.

Исследуя процессы формирования спроса на кассовые остатки ("склонность к тезаврации" или "предпочтение ликвидности"), Кейнс стремился обобщить факт теснейшего переплетения денежной эмиссии и банковского кредитования в эпоху современного монополистического капитализма. Идет активный процесс сближения и взаимопроникнове-

* Исходя из кейнсианской гипотезы, было бы более правильно связывать спекулятивный спрос не с абсолютным уровнем нормы процента, а со степенью его отклонения от некоего "нормального" уровня. Но в работах Кейнса и в ортодоксальной версии его учения была распространена именно такая форма записи спекулятивного (и общего) спроса на кассовые остатки.

ния чисто денежных явлений и огромной надстройки кредитных отношений, формирующейся в ходе развития капиталистической банковской системы, сберегательного дела и т. д. Через каналы кредита тезаврированные суммы мобилизуются банковской системой и вновь поступают в обращение. И напротив, суммы, находящиеся в кредитном обороте и созданные банками в процессе кредитования, широко используются в качестве платежных средств в сфере товарно-денежного обращения.

В этих условиях участник хозяйственного оборота, с одной стороны, стремится максимизировать прибыль и с этой целью инвестирует временно свободные денежные средства в различные виды финансовых активов, а с другой – создать ликвидный резерв, необходимый для хозяйственного маневра при изменениях конъюнктуры. Учет противоположных факторов приводит его к точке равновесия, определяющей соотношение денег и "облигаций" в его балансе.

В своем анализе предпочтения ликвидности Кейнс сосредоточивает внимание преимущественно лишь на внешних проявлениях глубинной связи денежного обращения и сферы кредитных отношений, на том, как эта связь проявляется в поведении участников экономического оборота. Но процессы эти имеют свою объективную основу, заложенную в двойственной природе современных денег, функционирующих как орудие обмена и одновременно служащих важным элементом ссудного фонда. Кейнс игнорирует ключевое понятие ссудного капитала. В итоге теория предпочтения ликвидности, предполагающая замещаемость денег и финансовых активов (долговых обязательств, приносящих доход), приводит к смешению и отождествлению этих экономических категорий.

Итак, Кейнс перестроил теорию денег, введя в нее норму процента. Он превратил деньги в один из важных факторов формирования инвестиционного спроса и отодвинул на второй план традиционную связь денег и цен. Именно это он имел в виду, говоря, что в его модели "деньги вступают на сцену важным и специфическим образом". Преобразование функции спроса на кассовые остатки в функцию предпочтения ликвидности имело далеко идущие последствия. Кейнсианская трактовка денег соответствовала его представлениям о капиталистическом хозяйстве как неустойчивой системе, легко выходящей из равновесия и подверженной глубоким кризисным спадам и депрессиям. Спрос на деньги, по Кейнсу, капризен и неустойчив. Связав его не только с платежным оборотом, но и с другими потребностями хозяйственных субъектов, Кейнс делает теоретически возможными разрывы кругооборота доходов и нехватку платежеспособного спроса. Деньги в кейнсианской системе влияют на хозяйство главным образом через динамику нормы процента. Но этот канал может не сработать в условиях глубокой депрессии, усугубляя нарушения в хозяйственном механизме.

Теория денег Кейнса оказала глубокое влияние на всю систему экономических представлений Запада. Как писал Г. Джонсон, "...влияние "Общей теории" Кейнса было столь велико, что подавляющую часть всех недавних теорий и исследований в области денег можно охарактеризовать как применение и развитие кейнсианских идей либо как контрреволюционные нападки на них"¹⁸. Однако преобразование теории Кейнса в 40 – 50-х годах имело неожиданный парадоксальный эффект. Оно при-

вело к закату денежного анализа. На первый взгляд подобный вывод кажется сомнительным: ведь, как мы видели, деньги у Кейнса служат неотъемлемым орудием подрыва закона Сэя, важным элементом его теоретической доктрины и повседневно используемым инструментом экономической политики. И тем не менее послекейнсианское развитие привело к резкому падению интереса к денежной проблематике. Более того, в работах последователей Кейнса получил распространение урезанный вариант кейнсианской схемы, где денежные факторы вообще не привлекались для объяснения процессов динамики национального дохода.

Как же произошло, что "теория, где деньги играли важную роль, превратилась в теорию, где они неважны"?¹⁹ Этот вопрос до сих пор является предметом дискуссий в западной печати. "Закат денег" в экономической литературе 40 – 50-х годов имел ряд причин. Дело в том, что кейнсианская доктрина родилась в разгар тяжелейшей экономической депрессии, когда денежно-кредитная политика была парализована и не могла обеспечить вывод капиталистической экономики из кризиса. В этих условиях взгляды экономистов и политиков были обращены к другому инструменту воздействия на конъюнктуру – к системе бюджетных мероприятий, что способствовало распространению взгляда о несущественности денежных факторов.

Анализ Кейнса переместил акцент с вопросов обеспечения покупательной силы денег, которым отдавался приоритет в неоклассической литературе, на проблемы роста производства и сокращения безработицы. Это опять-таки оставляло деньги за чертой наиболее актуальных проблем экономической динамики. Появились многочисленные учебные экспозиции кейнсианской модели "без денег", где суть хозяйственных корректировок иллюстрировалась с помощью упрощенной схемы уравнивания сбережений и инвестиций, а анализ денег игнорировался, как ненужное усложнение²⁰.

Кроме того, стремясь теоретически объяснить паралич денежно-кредитной политики в годы "великой депрессии", Кейнс высказал ряд соображений по поводу возможного заблокирования каналов воздействия на реальное производство. Речь шла, во-первых, о слабой реакции нормы процента на изменение количества денег в обращении и, во-вторых, о нечувствительности инвестиционных расходов к изменениям нормы процента. Денежно-кредитная политика в этой ситуации оказывается неспособной понизить норму процента до нужного уровня и стимулировать рост инвестиций, а у органов хозяйственного контроля остается лишь одно эффективное средство для активизации конъюнктуры – фискальная политика государства.

Важную роль сыграл и процесс кейнсианско-неоклассического синтеза, который "приглаживал" модель Кейнса, затушевывал ее акцент на противоречиях капиталистического производства. В подобном развитии событий в немалой степени был повинен и сам автор "Общей теории". Признав факт базисной неустойчивости капитализма и развенчав идею неоклассиков о его эффективном саморегулировании, Кейнс не выявил подлинных причин периодических нарушений хозяйственного процесса, коренящихся в экономическом базисе капитализма. Его рецепты лечения капитализма были паллиативом, не затрагивающим глубинных при-

чин нестабильности хозяйства. Способствуя смягчению одних дефектов, кейнсианские программы экономических мероприятий создавали почву для прорыва воспроизводственной цепи в других звеньях и тем способствовали падению авторитета учения Кейнса в целом.

Ярким примером может служить проблема инфляции. Ни в первые послевоенные годы, ни в последующий период экономического развития большинству стран Запада не удалось достигнуть устойчивой стабилизации цен. Инфляция стала одной из острейших и трудноразрешимых проблем послевоенной капиталистической экономики. Кейнсианская же модель оказалась не приспособленной для анализа хозяйственных ситуаций, характеризующихся устойчивым повышением общего уровня цен, что привело к критике кейнсианства в конце 60-х – начале 70-х годов и к разочарованию в этом учении. На первый план выдвинулась проблема инфляции и роли денежных факторов. Эта область анализа всегда была традиционной вотчиной количественной теории. Если за кейнсианством прочно укрепилась репутация "проинфляционной доктрины", игнорирующей ценовую динамику и приносящей покупательную способность денег в жертву задачам обеспечения высоких темпов экономического роста, то монетаристы смогли использовать сложившуюся ситуацию для успешной пропаганды своих взглядов.

Монетаристская версия количественной теории денег

Разработанная монетаристами версия количественной теории существенно отличалась от ее традиционных вариантов. Фридмен понимал, что после многих лет упадка и деградации неоклассическая теория денег не может быть восстановлена в прежнем виде. Требовалось "влить старое вино в новые мехи", изменить общий подход, методологию, отдельные выводы теории, придать ей большую гибкость.

Фридмен решает начать перестройку количественной теории с укрепления ее микрооснования. В отличие от прежних подходов он не стремится с самого начала формулировать макроэкономические выводы о наличии тесной причинной связи денег и цен. Главное внимание перемещается на проблему спроса на кассовые остатки, поиск закономерностей формирования потребности в деньгах отдельных участников экономического процесса. Затем поведение "типичного индивидуума" распространяется на все хозяйство и выводится агрегатная функция спроса на деньги, которая служит своего рода "несущей конструкцией" доктрины.

В качестве исходного пункта Фридмен заявляет, что в первом приближении количественная теория – это "не теория производства, денежного дохода или цен", а теория спроса на деньги. Поиск стабильной функции спроса на деньги знаменовал начало открытой конфронтации с Кейнсом, у которого спрос на ликвидные активы (благодаря наличию спекулятивного мотива) зависит от быстро меняющихся и непредсказуемых настроений хозяйственных агентов. Монетаристы же, напротив, выдвинули утверждение, что "спрос на деньги в высшей степени стабилен даже

при очень неблагоприятных условиях", рассматривая это как гарантию устойчивости хозяйственного механизма.

Важно подчеркнуть, что стабильная функция спроса на деньги служит лишь иным способом выражения идеи постоянства скорости обращения денег, которая, как мы указывали, всегда была ключевой предпосылкой количественной теории. Однако в монетаристском варианте жестко детерминированные формулы скорости заменяются вероятностной связью, допускающей значительные колебания числовых значений этого показателя. Ссылаясь на результаты, полученные Ф. Кейгеном, Фридмен утверждал, например, что многократно наблюдавшиеся скачки скорости обращения денег в периоды гиперинфляции не противоречат пониманию стабильности как устойчивого функционального отношения между спросом на деньги и рядом независимых переменных²¹.

Теория Фридмена близка к кембриджскому варианту количественной теории, где проблема спроса на деньги трактуется как частный случай общей теории потребительского выбора, т. е. оптимального распределения запаса ресурсов между альтернативными видами активов в соответствии с принципом предельной полезности. В отличие от теории трансакционного типа, где потребность в деньгах определяется суммой товарообменных сделок, теория Фридмена относится к классу "портфельных моделей" или теорий "предпочтения активов".

При построении модели спроса на деньги Фридмен анализирует поведение двух типов хозяйственных агентов – домашних хозяйств (или "конечных, владеющих богатством единиц" – ultimate wealth-owning units) и капиталистических фирм. В его трактовке для первых деньги являются одной из форм хранения богатства, для вторых – капитальным активом, "источником производственных услуг". В обоих случаях деньги в духе кембриджской традиции анализируются не в движении (не как "поток"), а как моментный показатель ("запас"), будучи компонентом портфеля накапливаемых и взаимозаменяемых активов.

У Кейнса процедура выбора предельно упрощена – деньги или "облигации" (т. е. долговые обязательства, приносящие процентный доход). У Фридмена же хозяйственный индивид имеет более широкий веер альтернатив. В его портфеле наряду с деньгами присутствуют облигации, акции, товарные запасы, "человеческий капитал"**. Каждый индивид распределяет доход в соответствии со своей системой приоритетов, своими вкусами и предпочтениями. При этом он руководствуется также соображениями перспективной доходности каждого вида активов, оценкой "потока услуг", которые он надеется от них получить.

Главный элемент портфеля в монетаристской модели – деньги. Они обеспечивают владельцу гарантию осуществления платежей, создают резерв ликвидности на случай непредвиденных обстоятельств и т. д. Ожидаемые поступления от этой формы богатства обозначаются в уравнении спроса r_m . Ценность денег, их покупательная сила, связана обратной зависимостью с уровнем цен (P). Монетаристы обычно учитывают влияние этого фактора, оперируя "реальными" величинами кассовых остатков

* Понятие "человеческий капитал" связано с "инвестициями в человека" – расходами на приобретение знаний, укрепление здоровья и т. д.

(M/P) и дохода (Y/P) , т. е. дефлируя их по индексу цен.

Доход от облигаций и акций имеет форму процентных платежей и дивидендов (r_b и r_e). Товары приносят "поток услуг" в натуре. Кроме того, они подвержены обесценению или повышению стоимости при изменении товарных цен. Поэтому в уравнение вводится темп изменения общего уровня цен ($\frac{1}{P} \cdot \frac{dP}{dt}$). Что касается "человеческого капитала", то Фридмен оперирует переменной w , призванной отобразить соотношение между "человеческим" и "физическими" элементами капитала. Сумма реальных (с учетом изменения цен) доходов, подлежащих распределению, обозначается через y , а переменная, представляющая неучтенные факторы, вкусы и предпочтения хозяйственных субъектов, — через u .

В итоге уравнение спроса на деньги для "индивидуальных владельцев богатства" принимает следующий вид:

$$M/P = f(y, w; r_m, r_b, r_e; \frac{1}{P} \cdot \frac{dP}{dt}; u), \quad (4.2)$$

где M/P — реальные денежные остатки; y — национальный доход в постоянных ценах; w — доля "физического" компонента национального богатства; r_m — ожидаемая номинальная норма доходности денежных остатков; r_b — ожидаемая номинальная норма доходности ценных бумаг с фиксированным доходом ("облигаций"); r_e — ожидаемая номинальная норма доходности акций; $\frac{1}{P} \cdot \frac{dP}{dt}$ — ожидаемый темп изменения уровня товарных цен; u — прочие факторы, воздействующие на спрос на деньги.

Уравнение может быть легко преобразовано в уравнение скорости обращения денег (V), рассчитываемой как скорость в кругообороте доходов (Y/M). Факторы, воздействующие на спрос на кассовые остатки, сохраняют силу и для скорости обращения денег, которая, как мы уже говорили, служит в модели монетаристов лишь иным способом выражения потребности в кассовых остатках.

Вторая категория агентов, накапливающих деньги, — капиталистические фирмы. Фридмен признает, что в кругообороте средств капиталистического предприятия деньги играют качественно иную роль, чем у потребителей. Однако с помощью ряда упрощений спрос предпринимательского сектора сводится к уравнению (4.2). При этом расширяется лишь охват неучтенных факторов (u).

Объединение спроса на кассовые остатки различных категорий хозяйственных агентов отвечает принципам монетаристского подхода, где предпочтение отдается укрупненным показателям. Однако даже на высоком уровне абстракции подобное агрегирование требует значительных оговорок. Не случайно при поиске уравнения спроса с хорошими прогнозными свойствами экономисты вынуждены идти по линии их дезагрегирования и учитывать специфику разных категорий хозяйственных субъектов.

В укрупненных моделях спроса на деньги, применяемых монетаристами, социальная структура капиталистического общества не принимается во внимание. Между тем динамика различных экономических факторов может оказать совершенно различное влияние на спрос на кассо-

вые остатки со стороны финансиста, играющего на бирже, или низкооплачиваемого служащего или фермера. Неодинакова реакция на изменение отдельных факторов и представителей различных социальных слоев внутри каждого класса. Эти моменты уравнения Фридмена не учитывают.

Игнорирует Фридмен и сложности, связанные с распространением индивидуальной функции спроса, выведенной для одного "типового" агента, на все хозяйство. Он признает, правда, что конечный результат агрегирования "зависит от распределения единиц по ряду переменных". Например, ожидание инфляции у разных участников оборота различно: "w и u явно и существенно различаются для отдельных единиц". Но и в этом случае Фридмен ссылается на высокий уровень абстракции своего анализа, что, как ему представляется, освобождает его от необходимости учета этих различий.

Одним из достоинств своего подхода Фридмен считает рассмотрение теории денег как "особой темы в теории капитала"²². В марксистской политической экономии, где дается глубокий научный анализ системы понятий капиталистического способа производства, показано, что капитал – это общественно-экономическая категория, свойственная определенному типу производственных отношений и получающая полное развитие в условиях капитализма. Под капиталом понимается самовозрастающая стоимость, т.е. стоимость, приносящая прибавочную стоимость на основе эксплуатации наемного труда. Фридмен же использует внеисторическую и натуралистическую трактовку капитала, идущую от работ Бем-Баверка и Фишера, где под капиталом понимается любая вещь, приносящая "поток дохода" в виде денег, товаров или специфических услуг. Соответственно деньги у него – "капитальный актив", часть накопленного капитального фонда, наряду с облигациями, акциями, недвижимостью, потребительскими товарами длительного пользования и т.д. Между тем деньги, не будучи капиталом, могут служить покупательным и платежным средством, опосредствуя обмен веществ в хозяйственной системе.

В статье 1956 г. Фридмен намечает путь для преобразования стабильной функции спроса на деньги в теорию "определения денежного дохода", где изменения денежной массы в обращении служат главной причиной циклических колебаний ВНП в текущих ценах. В обосновании такого перехода важное место занимает традиционное для количественников утверждение, что предложение денег (денежная эмиссия) носит экзогенный характер, иначе говоря, определяется автономно, за пределами экономической системы. Это важное условие в системе доказательств однонаправленной причинности: от денег – к ценам и доходу. Кроме того, Фридмен выдвигает гипотезу, что спрос на деньги неэластичен в отношении некоторых аргументов выведенной функции, что позволяет ему свести на нет влияние нормы процента.

В построениях подобного типа явственно проступают контуры старых догм количественной теории, хотя выражены они в более сложной и завуалированной форме. Прежние формулы заменяются "более современной" функциональной связью типа $M=f(Y, x)^*$, но суть от этого не

* M – спрос на деньги, Y – номинальный доход, x – все прочие факторы, влияющие на спрос.

меняется. Сложнейший механизм общественного производства монетаристы сводят к упрощенной схеме "деньги – денежный доход", которая включает в себя и старую формулу причинности "деньги – цены".

Ставя вопрос о делении эффекта изменений денежной массы между физическим и ценовым компонентами дохода, Фридмен стремится показать, что он не чужд духу времени и готов внести некоторые корректизы в количественную теорию. Это своего рода уступка кейнсианству, но уступка скорее формальная, чем действительная. Кейнс утверждал, что, пока в хозяйстве существует безработица, изменение количества денег будет влиять не на уровень, а на объем производства и занятости. В отличие от старых количественников Фридмен признает правомерность постановки этой проблемы, но считает, что современный аналитический аппарат не позволяет ее решить. Отсюда общая формулировка, что "доход в денежном выражении является зеркальным отображением изменений nominalного количества денег"²³.

С приходом монетаризма поиск стабильной функции спроса на деньги стал одной из самых популярных областей экономического анализа в капиталистическом мире. "Наличие стабильной функции спроса, – пишут Дж. Джадд и Дж. Скэддинг, – означает, что количество денег связано с небольшой группой ключевых переменных, которые в свою очередь связывают деньги с реальным сектором хозяйства"²⁴. Обнаружение такой связи укрепляет позиции тех, кто считает, что деньги служат важным и эффективным средством воздействия на состояние экономической конъюнктуры.

Авторы эмпирических работ по спросу на деньги обычно стремятся дать ответ на ряд вопросов, представляющих особый интерес для содер-жательной интерпретации полученных результатов. Сюда, в частности, относятся такие вопросы, как выбор "наилучшего" показателя денежной массы, обеспечивающего надежную связь параметров уравнения спроса; уяснение роли процентных ставок в формировании спроса на кассовые остатки и оценка величины эластичности спроса по проценту; определение адекватного показателя экономического оборота или запаса активов и т. д.²⁵

Результаты эмпирических расчетов важны для оценки теоретических гипотез. Так, получение "статистически надежных" уравнений спроса на деньги с применением узкого показателя денежной массы обычно истолковывается как свидетельство предпочтительности трансакционных моделей спроса. Если же лучшие результаты дают уравнения с широким показателем денег (включающим срочные и сберегательные вклады), то они более благоприятны для сторонников портфельного подхода. С другой стороны, выявление высокой эластичности спроса на деньги по проценту подкрепляет кейнсианскую позицию.

Примером монетаристской интерпретации функции спроса на деньги служит работа М. Фридмена 1958 г. В ней указывается на наличие странного и труднообъяснимого феномена – расхождения в долговременной и циклической динамике показателя скорости обращения денег в США в течение периода 1870 – 1954 гг. Автор указывает, что изменения скорости денег и реального (в постоянных ценах) ВНП совпадали в пределах конъюнктурного цикла, но шли в противоположных направлениях, если

брать весь период в целом. Пытаясь объяснить это противоречие, Фридмен сначала обращается к поиску факторов, которые, помимо реального дохода, могли бы повлиять на изменения скорости в пределах конъюнктурного цикла. Он отрицает важность процентных ставок, утверждая, что "характер их циклического движения делает маловероятной их ответственность за крупные, часто повторяющиеся и синхронные изменения скорости обращения денег в ходе цикла"²⁶.

Деньги в изображении Фридмена – наиболее инерционный элемент портфеля активов. В его модели кассовые остатки не являются "амортизатором" или "поглотителем шоков" при временных колебаниях дохода. Он предлагает гипотезу, что спрос на деньги определяется не обычным ("измеряемым") доходом, а устойчивой его частью – так называемым постоянным (регрессивным) доходом. Последний рассчитывается как взвешенная средняя из ряда уровней дохода за текущий и прошлые годы с убывающими по экспоненте весами по мере удаления от настоящего периода²⁷. Иначе говоря, предъявляя спрос на деньги, хозяйственые субъекты ориентируются не на сиюминутный, а на прошлый доход, что соответствует адаптивной модели формирования ожиданий. Такая гипотеза, по мнению автора, содержит разгадку наблюдаемых расхождений динамики скорости в долговременном и циклическом аспектах.

Гипотеза постоянного дохода лежит в основе фридменовского уравнения спроса на деньги, где реальный постоянный душевой доход "объясняет" подавляющую часть колебаний спроса на деньги:

$$-\frac{M}{NP_p} = \gamma \left(\frac{Y_p}{NP_p} \right)^\delta, \quad (5.2)$$

где M/NP_p – реальные кассовые остатки на душу населения (P_p – "постоянный" уровень цен, N – население); Y_p/NP_p – реальный постоянный доход на душу населения; γ и δ – числовые параметры функции²⁸.

При расчете числовых коэффициентов регрессии на основе годовых данных по США за период 1870 – 1954 гг. показатель эластичности спроса на деньги по доходу значительно превосходил единицу ($\delta = 1,81$). Это дало повод Фридмену характеризовать деньги как "предмет роскоши" по аналогии с потребительскими товарами, спрос на которые изменяется в большей степени, чем изменение дохода. Правда, в одной из последних работ Фридмен (в сотрудничестве с А. Шварц) получил при расчете функции спроса другое значение эластичности по доходу, более близкое к единице*. Но главный вывод работы 1958 г. заключался в демонстрации незначительности влияния процентных ставок на потребность в кассовых остатках (при полном господстве влияния постоянного дохода).

Методология Фридмена неоднократно подвергалась серьезной критике. Ряд авторов расценили высокую эластичность спроса по доходу и полную "нечувствительность" его к норме процента как результат применения сглаженных рядов постоянного дохода, "постоянных" цен и широкомасштабных

* Для США этот показатель, рассчитанный за длительный период, оказался равным 1,14, а для Англии – 0,89 (Friedman M., Schwartz A. J. Monetary Trends in the United States and the United Kingdom: Their Relation to Income, Prices and Interest Rates. 1867 – 1975. Chicago, 1982. P. 284).

го показателя денег. Указывалось, что в ходе эконометрических расчетов эффект влияния процентных ставок в значительной мере исчезает из-за включения в показатель денежной массы срочных вкладов, по которым уплачивается процент. В то же время, несмотря на выводы Фридмена, многие исследователи обнаружили статистически значимую связь спроса на деньги с изменениями процентных ставок. Так, А. Мельцер, применив при расчетах функции спроса на деньги в США за 1900 – 1958 гг. фридменовские оценки постоянного дохода и долгосрочные ставки, сделал вывод о важной роли процента²⁹. Этот вывод подтверждают и другие исследователи. Обобщая результаты многих эмпирических работ по спросу на деньги, Д. Лейдлер пишет: "Независимо от того, используются ли в качестве ограничения при расчетах функции спроса на деньги доход, богатство или постоянный доход, определена ли денежная масса широко или узко... применяются ли краткосрочные или долгосрочные процентные ставки, показатели ожидаемых темпов роста цен, доходности обязательств финансовых посредников, процентные ставки на заграничных рынках, доход от акций или даже индекс уровня и структуры процента в целом... имеются исчерпывающие свидетельства того, что спрос на деньги устойчиво связан обратной связью с альтернативными издержками хранения денег. Из всех проблем расчета спроса на деньги эта проблема, по-видимому, решена наиболее основательно"³⁰. Таким образом, "анти-кейнсианский" вывод Фридмена о незначительном влиянии процентных ставок на денежный спрос не получил подтверждения в ходе последующих исследований.

К началу 70-х годов вопрос о существовании стабильной функции спроса на деньги казался окончательно решенным. Профессор Принстонского университета С. Голдфельд провел в 1973 г. тщательное исследование спроса на деньги в США с использованием квартальных данных за период 1952 – 1972 гг. и получил хорошие статистические результаты для уравнений следующего вида:

$$\begin{aligned} \ln M1_t / P_t = a_0 + a_1 \ln GNP_t + a_2 \ln RMS_t + \\ + a_3 \ln RSAV_t + a_4 \ln M1_{(t-1)} / P_{(t-1)}, \end{aligned} \quad (6.2)$$

где $M1$ – узкий денежный агрегат; GNP – реальный ВНП; P – индекс цен; RMS – краткосрочная ставка процента; $RSAV$ – ставка по сберегательным вкладам; $M1_{(t-1)} / P_{(t-1)}$ – лаговый показатель денежной массы. Уравнения подобного типа (с применением реального ВНП, двух видов процентных ставок и денежной массы за прошлый период) стали очень популярными и получили даже статус "стандартных" уравнений спроса на деньги.

Вскоре, однако, возникли серьезные трудности. Уже в середине 70-х годов попытки прогнозировать динамику денежного спроса на основе "голдфельдовских" уравнений оказались неудачными: предсказанные величины в большинстве случаев существенно превышали фактическую денежную массу, причем ошибка прогноза кумулятивно нарастала. Так, в работе Дж. Энцлера, Л. Джонсона и Дж. Паулуса, где для имитации динамики депозитов до востребования в США в 1973 – 1976 гг. использова-

лось уравнение "голдфельдовского" типа, ошибка прогноза на I квартал 1976 г. составила 14,6% суммы депозитов³¹. Введение новых "объясняющих" переменных не привело к существенному уменьшению ошибки. Была выдвинута версия, что произошел "сдвиг" функции спроса на кассовые остатки, который вызван финансовыми нововведениями последних лет, приведшими к ускорению оборачиваемости денег и относительному сокращению потребности хозяйства в "активных" кассовых остатках*. Прежняя уверенность в существовании стабильной функции спроса на деньги была поколеблена. Лейблер вынужден был признать: "В течение последнего десятилетия... в ряде стран связь (между денежной массой и ВНП.—В. У.) изменялась непредсказуемым образом"³².

В начале 80-х годов обнаружились новые свидетельства неустойчивости функции спроса на кассовые остатки. В 1982 г. показатель скорости обращения денег, исчисляемый как отношение ВНП к узкому денежному агрегату M1, впервые за последние 35 лет снизился на 4,7%. Это было воспринято как еще один удар по монетаристской концепции. Новое "смещение" функции спроса совпало по времени с выходом в свет книги М. Фридмена и А. Шварц, посвященной тенденциям развития денежной сферы в США и Англии за более чем 100-летний период³³. Основные идеи этой книги базируются на положении об устойчивости показателя скорости. Как писали Д. Бэттен и К. Стоун, "было бы иронией и загадкой", если бы в момент выхода этой книги обнаружилось, что "фундаментальные связи вдруг распались". Авторы указывают на распространившийся взгляд, что "недавние финансовые нововведения и расширявшееся применение прежних новшеств подобного рода привели к такому искажению самого понятия денег и его показателей, что утверждения монетаризма... не имеют более силы"³⁴. В популярной прессе начало распространяться мнение о "подрыве позиций монетаризма"³⁵.

При оценке ситуации в денежной сфере спрос на деньги представляет собой лишь одно лезвие ножниц, другое — это предложение денег. В монетаристской доктрине наряду с тезисом о стабильной функции спроса на кассовые остатки чрезвычайно важным и необходимым компонентом служит положение об экзогенном (т. е. автономном, не связанном с функционированием хозяйства) характере формирования денежной массы. Как заметил Н. Калдор, "упорные попытки Фридмена обосновать количественную теорию с помощью стабильной функции спроса на деньги или стабильной скорости... находятся в критической зависимости от того, является ли количество денег экзогенной величиной, устанавливающей по усмотрению органов денежного контроля безотносительно к спросу на деньги"³⁶.

Монетаристы подчеркивают независимый характер изменений денежной массы, применяя условные аналитические приемы введения денег в каналы обращения. В работе "Оптимальное количество денег" Фридмен демонстрирует идею "навязывания" денег извне с помощью примера,

* Согласно данным американского экономиста Ч. Либермана, ускорение расчетов в хозяйстве США, вызванное применением новейшей техники, ЭВМ и т. п., сокращало потребность в "активных" кассовых остатках на 1,5—2,5% в год (Review of Economics and Statistics. 1977. VIII. P. 307).

когда они сбрасываются с вертолета и равномерно распределяются среди населения³⁷. Подобный способ эмиссии призван подчеркнуть первичность изменений денежной массы по отношению к последующим сдвигам в производстве или обращении общественного продукта. Интересно отметить, что аналогичные приемы демонстрации независимого характера денежной эмиссии были характерны для многих сторонников традиционной количественной теории (от Д. Юма до И. Фишера). Излюбленный пример, который можно встретить в их работах, – удвоение количества денег у населения "в течение одной ночи" с последующим рассмотрением реакции хозяйственных агентов на это событие.

Популярность "вертолетных денег", падающих на землю как манна небесная, объясняется просто. Навязывание денег хозяйству насилиственным путем делает их главным причинным фактором экономических сдвигов. И напротив, если деньги пассивно следуют за изменениями хозяйственной активности, автоматизм схемы количественников нарушается. Поэтому идея "денежных шоков" с последующей подстройкой к ним ценовой структуры неизменно присутствует во всех вариантах и модификациях неоклассической теории денег.

Фридмен неоднократно подчеркивал факт "независимости" предложения денег от факторов спроса на кассовые остатки. В статье 1956 г. он ссылается на разного рода технические условия выпуска денег, на "политические и психологические моменты", определяющие действия центрального банка³⁸. В другой работе критикуется подход кейнсианцев, где количество денег пассивно "приспособливается к потребностям торговли"³⁹.

Идея автономности денег последовательно проводится и в рамках более общей темы монетаристской парадигмы, а именно трактовки денег как причинного фактора циклических колебаний конъюнктуры. Ссылаясь на позицию И. Фишера, который в 30-х годах назвал экономический цикл "танцем доллара" ("dance of the dollar"), иначе говоря, отражением изменений покупательной силы денег, Фридмен задает вопрос: "Является ли цикл преимущественно отражением "танца доллара", или же, наоборот, доллар повторяет в основных чертах танец цикла?"⁴⁰ Если опустить словесный камуфляж и защитные оговорки, то вывод монетаристов сводится к утверждению, что именно сдвиги в денежной массе определяют все крупные изменения хозяйственной конъюнктуры, или, следуя терминологии Фишера, хозяйство "пляшет" под дудку денег! В основе этой схемы лежит принцип полной автономности денежной массы.

Неудивительно, что монетаристы встречают в штыки любые упоминания о кредитной природе современных денег, ибо именно с такими деньгами связано представление о пассивной реакции денежной массы на изменение товарооборота. А это противоречит экзогенному принципу эмиссии платежных средств в монетаристских схемах. Непонимание теснейшей взаимосвязи и взаимной обусловленности денежного и кредитного обращения ведет к теоретической путанице в таком важнейшем для монетаристов вопросе, как понятие денежной массы. В "Монетарной истории Соединенных Штатов"дается широкое и по существу бессодержательное определение денег как "временного вместилища покупательной силы (temporary abode of purchasing power), позволяющего отделить акт

покупки от акта продажи”⁴¹. Акцент авторов книги на ”резервной” функции денег ведет к утрате четких критериев отделения денег от не-денег, что предоставляет им полную свободу в выборе ”нужного” агрегата. ”Определение денег,— пишут Фридмен и Шварц в другой работе,— следует выбирать не на основе какого-то принципа, а исходя из соображений пользы в организации наших знаний об экономических связях.” ”Деньги”— это то, чему мы придаем численную величину с помощью обусловленной процедуры”⁴².

Чем следует руководствоваться при построении соответствующего статистического агрегата? Монетаристы отвечают на этот вопрос утилитарно, используя принцип ”наибольшего статистического соответствия”. ”Простейший метод заключается в том, чтобы... выбрать ту величину, которая дает наивысшее значение корреляции...” Анализируя проблему включения срочных вкладов коммерческих банков в состав денежной массы, авторы предлагают измерить корреляцию между показателем дохода и двумя денежными агрегатами: а) денежной массой без срочных вкладов и б) денежной массой с включением срочных вкладов. ”Если окажется, что б) более тесно коррелируется с доходом, то, согласно этому критерию, необходимо применять более широкий показатель денежной массы...”⁴³

В соответствии с указанным принципом монетаристы в большинстве своих эмпирических работ используют именно широкий денежный агрегат, включающий наличные деньги и все виды депозитов коммерческих банков⁴⁴. При этом они не могут удовлетворительно объяснить, почему в понятие ”временного вместилища покупательной силы” нужно включать срочные вклады банков, но не следует включать аналогичные обязательства других финансовых учреждений. Как остроумно заметил Тобин, создается впечатление, что монетаристы говорят: ”Мы не знаем, что такое деньги, но, чем бы они ни были, их запас должен устойчиво расти на 3 – 4% в год”⁴⁵.

К числу наиболее распространенных аргументов в защиту экзогенного характера денежной массы относится утверждение, что центральный банк может эффективно контролировать количество денег и обеспечивать ”нужный” уровень платежных средств в обращении. Д. Фэнд, например, считает тезис о способности центрального банка достаточно строго контролировать номинальный денежный запас одним из важнейших положений монетаристской доктрины⁴⁶. Это лишь иной способ выражения идеи, что количество денег определяется экзогенно, в соответствии с принципом дисcreции.

Для демонстрации способности центрального банка целенаправленно регулировать денежное обращение в монетаристской литературе широко применяется схема денежного мультиплексора, основанного на регулировании ”денежной базы” (monetary base) или ”денег повышенной мощности” (high-powered money). В их состав включается сумма выпущенных в обращение наличных денег, а также остатки на резервных счетах коммерческих банков в центральном банке. Именно эти компоненты являются по закону средством обеспечения банковских депозитов. Поскольку центральный банк может воздействовать на величину базы, а депозиты трактуются как производная величина от базы, то предполага-

ется, что денежные власти всегда в состоянии корректировать денежный запас в нужном направлении. Связь между денежной массой и резервной базой выражается формулой $M = mB$, где M – количество денег, B – база, а m – коэффициент (мультиликатор), отражающий количественные пропорции соотношения базы и общего количества денег в обращении.

Идея множительного эффекта при изменениях суммы банковских резервов была высказана еще в 20-х годах, в период становления Федеральной резервной системы США. Однако в отличие от прежних трактовок резервного мультиликатора современные monetаристы стремятся усилить экономическую интерпретацию этого показателя, связав его величину с рядом функциональных параметров, выражающих поведение различных типов хозяйственных агентов – банков, нефинансовых компаний, государства. К их числу относятся, в частности, коэффициент наличности C/D (отношение суммы наличных денег C к банковским депозитам до востребования D) и резервный коэффициент R/D (отношение суммы банковских резервов в центральном банке R к общей сумме депозитов D)*.

Модель "база – мультиликатор" играет важную роль в обосновании monetаристского тезиса об автономном характере денежной массы. Так, Ф. Кейген, анализируя изменения базы и двух "поведенческих" коэффициентов (наличности и резервов) в США за период 1875 – 1960 гг., пришел к выводу, что $9/10$ всех изменений денежной массы было обусловлено сдвигами базы и лишь $1/10$ изменений – другими причинами⁴⁷. Что касается самой резервной базы, то, по его оценкам, ее сдвиги до 1914 г. определялись преимущественно колебаниями золотого запаса, а с момента создания ФРС – портфелем государственных ценных бумаг у федеральных резервных банков. К таким же выводам приходят и другие авторы, использовавшие аналогичные методы анализа**. Доминирующее влияние базы интерпретируется как явное свидетельство способности центрального банка контролировать процесс денежной эмиссии, направлять его по своему усмотрению.

Монетаристская концепция эмиссионного механизма подверглась острой критике со стороны авторов посткейнсианской школы. Сам Кейнс не уделял особого внимания механизму выпуска денег. В его работах денежная масса рассматривалась как экзогенная величина. Посткейнсианцы изменили этот подход. Они сосредоточили огонь на самом уязвимом звене концепции – утверждении об отсутствии устойчивой линии причинности, идущей от хозяйства к величине денежного запаса. В одной из работ, подготовленной группой ученых Йельского университета во главе с Дж. Тобиным (Г. Джонсон назвал эти работы "запоздалым ответным залпом Йельской школы против "Очерков по количественной теории" Чикагской школы"), говорится: "Количество денег,

* Подстановка коэффициентов в формулу денежной массы $M = C + D$ с учетом равенства $B = R + C$ дает $M = B \frac{1 + C/D}{R/D + C/D}$. Второй член в правой части равенства – мультиликатор, выраженный через поведенческие параметры.

** Например, по расчетам Д. Шеппарда, 92% изменений денежной массы в Англии за период 1884 – 1962 гг. определялось изменениями "денег повышенной мощности" (Sheppard D. K. The Growth and Role of UK Financial Institutions, 1880 – 1962. L., 1971. P. 44).

как его обычно определяют, является не автономной величиной, контролируемой правительственными властями, а эндогенным, или "внутренним", параметром, отражающим поведение частных хозяйственных учреждений"⁴⁸.

Идея эндогенного характера денежной эмиссии подробно разработана Н. Калдором в его критической работе о монетаризме. Автор проводит жесткую грань между монетаристской схемой и кейнсианской моделью, представляющей "хозяйство, основанное на кредитных деньгах". "В хозяйстве с кредитными деньгами денежная масса не экзогенна, а эндогенна; она изменяется в прямой зависимости от "спроса" публики на наличные деньги и банковские депозиты, а не независимо от этого спроса". Калдор отвергает предположение монетаристов, что надстройка кредитных денег изменяется в прямом отношении к базисным деньгам, отождествляются ли последние с золотом в подвалах центрального банка или просто с суммой банкнот, вводимых в обращение путем учета векселей или с помощью операций на открытом рынке. Он считает, что центральный банк сам вынужден пассивно подстраиваться к спросу, так как, будучи кредитором в последней инстанции, он не может отказаться от переучета предъявляемых ему коммерческих векселей. Более того, по мнению Калдора, в хозяйстве с кредитными деньгами "нежелательные или избыточные суммы денег вообще не могли бы оставаться в обращении; увеличение денежной массы определяется ростом стоимости операций независимо от того, связан ли он с увеличением издержек или объема производства..."⁴⁹. Калдор не допускает мысли о "денежных корнях" инфляции. Как и другие кейнсианцы, он связывает рост цен исключительно с увеличением издержек производства.

Полемика монетаристов и кейнсианцев по вопросу о денежной эмиссии носит доктринерский, поверхностный характер. Представители каждой фракции в пылу спора намеренно упрощают картину, выхватывая и абсолютизируя отдельные черты денежного механизма. Современный процесс формирования денежной массы весьма сложен и находится под влиянием многообразных экономических сил, действующих в различных, подчас противоположных направлениях. Несомненно, что кредитный характер современного эмиссионного механизма обуславливает сильное, во многих случаях определяющее влияние со стороны капиталистического хозяйства. Потребность в кассовых остатках в конечном счете является определяющей при формировании запаса платежных средств. Но лишь в конечном счете! Кредитные каналы выпуска денег не гарантируют полного соответствия этого выпуска спросу хозяйства и не устраивают самостоятельности и автономности процессов в денежной сфере, их обратного влияния на конъюнктуру. Вопреки утверждениям Калдора несбалансированность денежного обращения является реальным фактом.

Следует учитывать при этом то обстоятельство (и на эту сторону дела обращают внимание монетаристы), что современный аппарат денежной эмиссии находится под сильным воздействием государства, являющегося одним из главных экономических субъектов капиталистического оборота. Государство использует кредитно-денежную и финансовую системы как источник финансовых ресурсов и как рычаг воздействия на состояние экономической активности. Это подрывает кредитную основу

денег, их ориентацию на удовлетворение экономически обоснованных потребностей в платежных средствах. Ухудшение кредитной основы денег особенно отчетливо видно на примере современных банкнот, обеспечение которых состоит в настоящее время преимущественно из государственных ценных бумаг, находящихся в портфеле центрального банка. В результате нарушается автоматизм возврата излишних денег в банковскую систему. Что касается депозитного компонента денежной массы, то его способность к саморегулированию под влиянием меняющихся потребностей оборота в условиях господства монополистических отношений также ослаблена вследствие таких явлений, как пролонгирование краткосрочных ссуд, практика спекулятивных финансовых операций, участие банков в финансировании государства и т. д. Все это препятствует оттоку излишних денег и дает основание характеризовать современные деньги как своеобразный гибрид кредитных и бумажных денег. Такая система требует особенно тщательного балансирования денежной эмиссии с потребностями оборота в платежных средствах. Подрыв кредитной основы денег ведет к нарушению оптимальных границ денежного обращения и служит важным фактором развития инфляционных процессов.

ВЛИЯНИЕ ДЕНЕГ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: МОНЕТАРИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

”Устойчивость” рыночного хозяйства

Когда заходит речь о ”сердцевине” монетаризма, обычно называют количественную теорию денег. В подобном утверждении есть большая доля истины, ибо, как мы видели, монетаризм является прямым наследником классических и неоклассических традиций денежного анализа. Вместе с тем ”переформулированная” версия количественной теории не исчерпывает содержания монетаристской доктрины, ее конечных целей. Да и сама по себе приверженность идеям количественной теории не может служить четким критерием для разграничения политэкономических школ. Несмотря на то что Кейнс подверг острой критике количественную теорию, он сохранил ее в своем арсенале, ограничив сферу ее действия ситуацией полной занятости ресурсов. На этом основании некоторые современные интерпретаторы упрекают Кейнса в непоследовательности и ”рабской приверженности” идеям Маршалла*.

При всей своей важности в качестве одной из основных посылок в системе монетаристских взглядов количественная теория денег, однако, не является его главной и определяющей отличительной чертой. Как правильно заметил Ф. Хан, спор между монетаристами и кейнсианцами не сводится к вопросу о роли денег в процессах ценообразования. ”Действительная проблема, — подчеркнул он, — связана с базисным описанием экономической системы”¹. В основе борьбы современных течений экономической мысли лежит разное ”видение” мира, ведущее к полярным оценкам природы капиталистического хозяйственного механизма, его возможностей и перспектив. ”Классический” подход поконится на убеждении, что в недрах капитализма действует мощная и безотказная ”пружина”, неизменно приводящая хозяйство в состояние равновесия при полном использовании всех ресурсов. Модель же Кейнса исходит из возможности длительного пребывания капиталистического хозяйства в состоянии экономической стагнации при бездействии внутренних механизмов, способных преодолеть подобное состояние.

Большинство западных авторов не склонны, однако, подчеркивать эти глубинные расхождения между школами экономической мысли. Их усилия направлены на выявление общности позиций, на синтез и консолидацию. Подобная тенденция, как уже говорилось, получила широкое распространение в послевоенной политэкономической литературе и нашла наиболее яркое воплощение в кейнсианско-неоклассическом синтезе.

* Н. Калдор пишет, например, что форма, в которой Кейнс представил свою теорию предпочтения ликвидности, была, ”к несчастью, лишь модификацией” количественной теории, ”а не полным отказом от нее” (Kaldor N. The Scourge of Monetarism. P. 21 – 22).

Тенденция совместить различные школы в рамках единой теоретической конструкции популярна и поныне. Так, Дж. Стейн предложил недавно "общую макродинамическую модель", которая, по его мнению, позволяет воспроизвести существенные черты теоретических схем monetaristov, keynsiancov и новых классиков путем соответствующей спецификации отдельных переменных. Он полагает, что для перехода от monetarizma к учению новых классиков достаточно изменить предпосылки о характере формирования ценовых ожиданий, а от monetarizma к keynsianству – дать иную акцентировку факторов, определяющих темп инфляции и некоторые другие экономические параметры².

Такой подход устраниет из поля зрения исходные теоретические установки, имеющие важное значение при оценке механизма функционирования капиталистической экономики. Позиция monetaristov, как уже говорилось, основана на представлениях эпохи домонополистического капитализма, где рынок считался идеальной формой организации хозяйства, обеспечивающей эффективное использование ресурсов и правильное распределение доходов. Напротив, последователи Кейнса считают капитализм несовершенной системой и исходят из того, что рынок при отсутствии корректирующих мер государства не обеспечивает народнохозяйственного оптимума. Оптимистическое "видение" капиталистической системы хозяйства отчетливо проявляется в monetaristском тезисе о "поразительной устойчивости" частного (негосударственного) сектора экономики, его непревзойденной способности поддерживать гомеостаз в системе воспроизводства. Отсюда их уверенность в случайном характере циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры, источник которых лежит вне экономической системы. Как писал американский экономист Л. Йэгер, "...инфляция, рецессия, циклическая безработица и кризис платежного баланса не характерны для капитализма как такового, а происходят от неправильной денежной политики; последняя же есть функция государства"³.

Monetaristы не только переносят источник возмущений экономической активности во внешнюю среду, но и подчеркивают способность капиталистической экономики эффективно амортизировать "внешние шоки", быстро устраниять последствия этих нарушений. Американский исследователь А. Хесс пишет: "...суть monetarизма заключается в том, что частное хозяйство в основе своей устойчиво и имеет тенденцию к установлению такого набора цен и объемов продукции, который соответствует оптимальному распределению ресурсов в духе правила Парето"⁴. А. Рэйбай, характеризуя monetarizm, пишет: "Рыночные силы гарантируют, что при отсутствии вмешательства извне хозяйство движется в направлении естественного равновесия спроса и предложения. Поэтому постоянная вынужденная безработица невозможна"⁵. Пределы экономического роста в этой системе взглядов определяются не спросом, а производственными возможностями; механизм же капиталистического рынка обеспечивает их полное использование*.

* Н. Калдор подчеркивает в этой связи, что для докейнсианского теоретического мышления были типичны представления, "что производство в целом ограничено лишь скучностью человеческих и материальных ресурсов, что благосостояние общества может быть улучшено только путем "экономного" использования этих дефицитных ресурсов..." "Поскольку при этом, – продолжает Калдор, – пред-

Этот радужный образ капитализма как высокоэффективной саморегулируемой системы часто связывают с "невидимой рукой" (Invisible Hand) А. Смита, олицетворяющей механизм рыночной конкуренции и соперничества⁶. Ф. Хан пишет, например, о поразительном феномене, когда "общество, состоящее из алчных и эгоистичных по своей натуре людей... способно обеспечить упорядоченное и последовательное использование ресурсов". Он продолжает: "Маркс назвал это общество анархичным, и таковым оно является. Но со времен А. Смита экономисты пытаются доказать, что анархия подобного рода совместима с порядком и получением определенных благоприятных результатов. Смит полагал, что рыночная система действует как направляющая и невидимая рука... Эта метафора оказалась весьма удачной"⁷.

Пока развитие капитализма шло по восходящей линии, вера в безграничные возможности рынка и безотказность "невидимой руки" не подвергалась сомнению. Положение, однако, существенно изменилось, когда противоречия капиталистического производства обострились и начали проявляться в катастрофических, разрушительных формах. Доверие к рынку оказалось в значительной мере подорванным. Говоря об экономическом кризисе 1929–1933 гг., вызвавшем глубокий упадок неоклассических концепций, Э. Соломон пишет: "Саморегулируемая рыночная экономика, описанная А. Смитом, более себя не регулировала. "Невидимая рука" превратилась в кулак... Когда начиналось падение производства, автоматический механизм, обеспечивающий его новое повышение, не срабатывал. Единственное доступное лекарство заключалось в государственном вмешательстве с целью искусственного стимулирования спроса"⁸.

Кейнс отверг представление о всесильном и неизменно благотворном влиянии рынка. В XX в. накапливалось все больше доказательств, что свобода конкуренции сама по себе не обеспечивает народнохозяйственного оптимума. Большинство рынков в развитых капиталистических странах приобрело олигополистическую структуру, принцип свободного ценообразования оказался нарушенным. С этих позиций "отказ децентрализованной сигнальной системы является вполне логичным и практически вероятным исходом"⁹.

Наиболее яркое воплощение тезис о капиталистическом хозяйстве как эффективной саморегулируемой системе нашел в неоклассических моделях общего экономического равновесия, ведущих свое происхождение от модели Л. Вальраса¹⁰. Хозяйство представлено здесь системой товарных рынков, состояние которых описывается уравнениями спроса и предложения. Существенные связи в этой системе регулируются относительными ценами товаров, которые по условиям модели содержат всю необходимую информацию о состоянии хозяйства. Денежный сектор в установлении относительных цен не участвует. Его назначение – опре-

полагалось, что запас благ, поступающих в распоряжение хозяйства, определяется экзогенно, то повысить благосостояние (или уменьшить бедность) можно только с помощью свободной игры рыночных сил в условиях свободного предпринимательства при минимальном вмешательстве и регулировании со стороны государства" (Kaldor N. Op. cit. P. 2).

делять "абсолютный" уровень цен, выраженный в деньгах. Тем самым в вальрасовских моделях четко проводится принцип "классической дилеммы". Ценообразование осуществляется на двух уровнях и имеет два различных основания — обращение товаров и обращение денег. Изменения в денежном секторе, ведущие к сдвигам общего уровня цен, не оказывают влияния на "реальные" процессы — накопление капитала, инвестирование, динамику трудовых ресурсов и т. д. Иначе говоря, деньги — это "вуаль", не имеющая самостоятельного значения.

Важная черта равновесных моделей — их постоянная сбалансированность. Это их свойство выражает так называемый закон Вальраса, который цементирует систему, жестко координирует действия отдельных фирм и т. д. Важно подчеркнуть, что закон Вальраса определяет условия равновесия в модели, где имеется денежный сектор. Закон гласит, что общая сумма избыточного спроса на всех рынках, включая и рынок денег, всегда равна нулю, ибо если при определенном наборе относительных цен на одних рынках обнаруживается избыточное предложение товаров, то на других рынках обязательно имеется избыточный спрос точно в таком же размере. Следовательно, заключает Вальрас, система в целом всегда находится в равновесии.

Нетрудно увидеть, что закон Вальраса является усложненной модификацией тождества Сэя. Одно из различий состоит в том, что построения Сэя относятся к условиям бартера (т. е. к хозяйству "без денег"), тогда как система Вальраса претендует на более общий подход и распространяет указанный принцип на хозяйство "с деньгами".

Принцип общей взаимозависимости рынков, положенный в основу моделей общего экономического равновесия, маскирует противоречия капиталистического производства. Он устраниет из поля зрения несостыкованность спроса и предложения, постоянно возникающую на товарных рынках, и создает иллюзию полной уравновешенности хозяйства. Согласно логике Вальраса, наличие непроданных товаров на рынках, свидетельствующее об их относительном избытке, уравновешивается равновеликим спросом на платежные средства на рынке денег. Это чисто формальное решение, так как при этом не учитываются важные особенности товарно-денежного обмена. Последний, как мы уже подчеркивали, представляет собой не просто техническую, посредническую операцию, а служит уникальным, присущим товарному хозяйству способом удостоверения полезности произведенного товара, его нужности обществу. Образование "избыточного спроса" на платежные средства не просто элемент балансирования системы, а свидетельство наличия диспропорций между производством и общественными потребностями, проявляющихся в перепроизводстве товаров и других диспропорциях.

Как достигается скоординированность рынков в равновесных моделях? Обязательным условием служит предпосылка совершенной гибкости цен, их быстрой реакции на изменения рыночного спроса. Чтобы обеспечить такое "гладкое" приспособление цен к меняющимся условиям рынка, модели вальрасовского типа предусматривают искусственный механизм получения равновесных цен еще до начала обмена товаров, что заранее гарантирует точное совпадение спроса и предложения на всех рынках. В модель вводится условная фигура верховного коорди-

натора (аукционщика, как назвал его Вальрас), который обозревает товарные рынки до начала обмена и объявляет набор относительных цен (меновых пропорций) для всех товаров, выбрасываемых на рынок. Участники обмена сообщают, какое количество товаров они хотели бы поставить на рынок или купить по объявленным ценам, и в соответствии с их заявками цены многократно пересматриваются центральным органом, пока не будет найден тот единственный набор относительных цен, который обеспечивает полную "расчистку" рынков. Лишь после этого производится фактический обмен товаров, который, естественно, проходит беспрепятственно, не нарушая общего баланса.

Мифический координатор Вальраса вносит в процесс капиталистического производства несвойственные ему черты порядка и организованности. Здесь не может быть нарушений и сбоев производства, избытка или недостатка товарного предложения. В реальном же мире дело обстоит как раз наоборот. Постоянно возникающие диспропорции представляют *modus vivendi* капиталистических хозяйственных отношений. Равновесие является исключением, мимолетной фазой. Процесс принятия ключевых хозяйственных решений не подвергается предварительному согласованию. Он децентрализован и изначально несет на себе печать рыночной стихии. Соответственно цены, складывающиеся на рынках, как правило, неоптимальны, а существование монополистических отношений затрудняет их корректировку и закрепляет диспропорции.

В противовес предпосылкам и выводам теоретиков общего равновесия процесс капиталистического производства изначально раскоординирован. Ценовой механизм лишь отчасти принимает на себя устранение возникших неравновесий, и вся тяжесть перестройки, как правило, падает на "реальный" сектор – сферу производства и товарного обращения. Это находит выражение в накапливании нереализуемых товаров, недогрузке мощностей, массовой безработице и других явлениях, которые представляют собой бич современной капиталистической системы.

Одной из существенных черт вальрасовских равновесных моделей является, как уже говорилось, "классическая дилемма", изолирующая денежный сектор от других секторов капиталистического хозяйства. Подобное раздвоение процесса ценообразования представляет надуманную абстракцию: в действительности процесс складывания рыночных цен не распадается на два этапа или две стадии. В нем с самого начала участвуют деньги, противостоящие миру обычных товаров.

На Западе предпринималось немало попыток устранить дилемму. Кейнс видел выход в преобразовании функции спроса на деньги в функцию предпочтения ликвидности, где денежная сфера воздействует на "реальное" производство через процентные ставки и процесс инвестирования капитала. Кейнс исходил при этом из неустойчивости хозяйственной конъюнктуры, связывая ее с капризным и нестабильным характером инвестиционного цикла, что в свою очередь обусловлено в его модели непредсказуемой динамикой рыночной нормы процента.

Принципиально иную схему преодоления дилеммы предложил Д. Патинкин, который в отличие от Кейнса стремился сохранить равновесную структуру модели, столь характерную для неоклассического подхода. В качестве "мостика" между товарным и денежным сектора-

ми хозяйства Патинкин использовал эффект Пигу, или эффект реальных кассовых остатков¹¹. Это явление отражает стихийную реакцию потребительского спроса на переоценку денежного запаса (кассовых остатков) под влиянием изменений общего уровня цен. Если цены растут, реальная покупательная способность кассовых остатков снижается и соответственно падает потребительский спрос на товарных рынках. Если же, напротив, цены снижаются, покупательная способность денег возрастает и население увеличивает спрос на товары и услуги. Таким образом, как утверждает Патинкин, сдвиги в денежном секторе через изменение общего уровня цен будут оказывать влияние на поведение хозяйственных агентов и на состояние товарных рынков в целом.

Подобный способ преодоления дихотомии обусловлен рядом искусственных, нереалистичных предпосылок, помогающих сохранить вывод о нейтральности денег. "Революция Патинкина" не смогла поэтому выявить специфические особенности денежного хозяйства по сравнению с системой прямого товарообмена. В соответствии с вальрасовскими традициями деньги в модели Патинкина служат лишь "еще одним" обычным товаром, обращающимся на рынке. Р. Клаузер справедливо замечает в этой связи: "Концептуальный мир Патинкина представляется нам сегодня лишь несколько более четкой и разработанной картиной бартерного хозяйства Милля, Вальраса и Маршалла, причем единственное новшество состоит в том, что среди обмениваемых товаров фигурируют деньги"¹².

Как соотносится мир равновесных вальрасовских моделей с теоретическими положениями монетаристов? Нет сомнений, что между ними существует духовная близость, которая определяется общностью идеино-мировоззренческих и философских подходов к анализу капиталистического производства. Монетаристам импонируют описываемые равновесными моделями гармония и слаженность хозяйственных отношений, отсутствие глубоких диспропорций, нарушающих устойчивость системы, заложенный в них автоматизм приведения хозяйства в состояние равновесия при полном использовании ресурсов, быстрая реакция ценового механизма на несбалансированность рыночного спроса и предложения. Не случайно поэтому многие авторы указывают, что вальрасовская система является интеллектуальной предтечей и теоретическим базисом монетаризма. Калдор подчеркивал, например, что современные монетаристы следуют за Вальрасом в ряде важных аспектов. В частности, они полагают, что, будучи предоставлена сама себе, экономика функционирует так, что обеспечивает полное использование ресурсов. Этот подход основан на предположении, что в реальном мире рынки ведут себя как "вальрасовские рынки"¹³.

В ряде случаев монетаристы прямо ссылаются на систему Вальраса. Предложенный М. Фридменом естественный уровень безработицы, по признанию автора, вытекает из вальрасовской системы общего равновесия¹⁴. В другой работе Фридмен пишет, что долговременное равновесие хозяйственной системы хорошо описывается с помощью модели количественной теории, дополненной вальрасовскими уравнениями¹⁵.

И тем не менее монетаристы Фридменовской школы отрицают свое заимствование вальрасовского метода на том основании, что примене-

ние широкой, всеохватывающей модели хозяйства для них не приемлемо. Фридмен писал, например, что вальрасовский подход рисует идеализированный образ экономической системы и не является инструментом для изучения конкретных ситуаций¹⁶. Главную роль в нем играет доказательство правильности "исходных предпосылок модели, а не точность предсказаний, которые могут быть получены с ее помощью"¹⁷. А как мы помним, "точность предсказаний" – главный критерий в системе Фридмена. Исходя из степени детализации анализа хозяйства, он полагает, например, что модель Дж. Тобина ближе к Вальрасу, чем его собственный подход¹⁸. Подобная трактовка некорректна. В основе различия экономических школ лежат не размеры или степень разработанности модели, а более общая теоретико-философская платформа. В этом смысле Тобина никак нельзя отнести к последователям Вальраса, который исходил из принципа постоянной сбалансированности системы, тогда как кейнсианцы его категорически отвергают.

Что же касается новой классической школы, продолжающей и развивающей в ряде аспектов "антикейнсианское наступление" Фридмена, то ее представители являются открытыми последователями вальрасовского равновесного анализа. Они отстаивают идею постоянного и полного "очищения" рынков от излишних товаров и отвергают подход Кейнса, который полагал, что "объяснение характерных особенностей делового цикла несовместимо с предпосылками неоклассического анализа"¹⁹. Р. Лукас солидаризируется, например, с мнением Ф. Хайека, что циклические колебания конъюнктуры и вся теория делового цикла должны включаться в систему общего экономического равновесия²⁰. Соответственно новая классическая школа предлагает равновесные модели, где колебания деловой активности являются следствием случайных и непрогнозируемых "шоков", возникающих за пределами системы, или ошибок хозяйственных агентов, связанных с неправильным восприятием рыночной информации²¹. Следовательно, принцип эффективного саморегулирования рынка, лежащий в основе моделей общего экономического равновесия, принят на вооружение всеми теориями экономического неоконсерватизма. Он является фундаментальным принципом, на котором базируются построения монетаристской школы.

Циклы и кризисы

Мы уже неоднократно обращали внимание на то, что одна из определяющих черт монетаристской доктрины заключается в приписывании деньгам роли главного причинного фактора, влияющего на состояние хозяйственной конъюнктуры. Речь идет по существу о возрождении монетарной теории цикла, которая занимала весьма почетное место в истории немарксистской экономической мысли и активно пропагандировалась в конце XIX и начале XX в. такими авторами, как Р. Хоутри, К. Виксель, Ф. Хайек, И. Фишер. Важное отличие состоит, однако, в том, что многие прежние сторонники монетарных объяснений цикла связывали колебания хозяйственной активности в первую очередь и преимущественно с операциями банковской системы, условиями выдачи кредитов и т. д., тогда как современные пропагандисты этого взгляда в лице М. Фридмена, А. Шварц, К. Бруннера настаивают на "чисто

денежной" трактовке, сосредоточив внимание на изменениях денежной массы и оставляя в стороне проблемы кредита*.

Исходным пунктом монетаристской концепции цикла является стабильная функция спроса на кассовые остатки. Рассуждения строятся по следующей схеме. Поскольку потребность в деньгах устойчива и не подвержена резким колебаниям в ответ на изменения конъюнктуры, то главным источником нарушений равновесия служат сдвиги в предложении денег, величина которого эффективно контролируется центральным банком. Тем самым с самого начала устраняется линия причинности, направленная от общекономических условий к денежной сфере. Циклические колебания производства, занятости и дохода представлены здесь как специфическая реакция хозяйства на хаотические изменения денежной массы. Как писал Дж. Тобин, "Милтон Фридмен уверяет, что изменения денежной массы $M...$ служат причиной изменений денежного дохода Y . В своих менее осторожных и рассчитанных на широкую публику заявлениях он приближается к утверждению, что деньги являются единственной причиной этих колебаний"22.

В монетаристском анализе циклов первостепенное внимание уделяется статистической корреляции между изменениями количества денег и других агрегатных экономических показателей (ВНП, потребительских расходов, товарных цен и т.д.). Наличие такой корреляции интерпретируется монетаристскими авторами как свидетельство причинной связи, идущей от денег к состоянию экономической активности. При этом следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. Монетаристы стремятся выявить статистическую связь между деньгами и "номинальными" показателями хозяйственной активности, выраженными в текущих ценах. Хотя они признают возможность воздействия денег на "реальные" элементы воспроизводства, эти эффекты считаются временными. В конечном счете деньги нейтральны, их конечный эффект выражается в изменениях уровня цен. Не случайно Фридмен и Шварц часто обращаются к популярной в классической литературе фразе, что "деньги — это вуаль", и ссылаются на известное высказывание Дж. Ст. Милля о "несущественности" денег для "реального" производства²³.

Н. Калдор даёт такую характеристику монетаристского подхода: "При определении "денежных показателей", таких, как выраженный в деньгах ВНП, уровень и темп изменения денежных цен и уровень и темп изменения ставок денежной заработной платы, только деньги имеют значение. Напротив, другие факторы, например фискальная политика, политика профсоюзов и т. д., не играют... никакой роли. Деньги не могут изменить "реальных" факторов за исключением коротких периодов времени... и ценой последующих болезненных корректировок..."²⁴

* В статье, посвященной влиянию денег в экономическом цикле, Фридмен и Шварц писали: "До начала Великой депрессии было широко признано, что деловой цикл представляет собой денежное явление... Имелось много различных версий монетарной теории цикла, хотя некоторые из них были в действительности лишь неправильно названными "кредитными" теориями, отводившими незначительную роль изменениям денежного запаса и изображавшими их как побочный результат изменениям условий кредитного рынка..." (Friedman M., Schwartz A. Money and Business Cycles. P. 189 — 190).

Монетаристская концепция цикла тесно связана с неоклассическими представлениями о существовании "железного" равновесия, определяющего "нормальные" значения переменных. Любые попытки изменить это равновесие с помощью государственного вмешательства обречены на неудачу.

В истории возрождения современной монетарной теории особое место занимает 1963 год, когда почти одновременно были опубликованы три работы, заложившие ее фундамент. Первая из них, принадлежащая М. Фридмену и Д. Мейзельману, представляет обширное эконометрическое исследование корреляционных связей между денежной массой и автономными расходами (монетаристским эквивалентом инвестиций), с одной стороны, и показателями хозяйственной конъюнктуры – с другой. Работа была задумана как своего рода "генеральный тест" приемлемости простейших вариантов монетарной и кейнсианской теорий, каждый из которых представлен одним уравнением регрессии. С помощью этих уравнений оценивалась теснота корреляции между динамикой потребительских расходов, служащих зависимой переменной, и соответственно между денежной массой и автономными расходами, выступающими в роли независимых переменных*.

Для расчетов использовались данные статистики США за 1897 – 1958 гг. Были получены следующие результаты. Для всего исследуемого периода коэффициент корреляции между годовыми значениями потребительских расходов и денежной массы равнялся 0,985, а между первыми разностями указанных показателей (где элиминировано влияние тренда) – 0,695. За этот же период показатели корреляции между потреблением и автономными расходами были заметно ниже – соответственно 0,756 и 0,095. Для послевоенного периода (1945 – 1958 гг.) рассчитывались также показатели корреляции с использованием квартальных данных. И здесь монетарный подход дает лучшую статистическую картину: коэффициент корреляции равнялся 0,985 (уровни) и 0,297 (первые разности) по сравнению с 0,511 и (–) 0,598 для автономных расходов. На основе этих цифр авторы сделали вывод, что "подход к объяснению изменений дохода с позиций количественной теории, по-видимому, более плодотворен, чем подход с точки зрения доходно-расходной (кейнсианской. – В. У.) теории".

Этим, однако, дело не ограничилось. На основе квартальных данных за 1945 – 1958 гг. были проведены расчеты с использованием лаговых показателей, которым авторы придавали особое значение. При использовании денег как "объясняющей" переменной наивысшие значения корреляционной связи достигались, когда показатель денег "опережал"

* В качестве зависимой переменной используется не вся сумма национального дохода (Y), а лишь его часть, представленная потребительскими расходами, так как в Y включаются и инвестиции, которые в ряде уравнений являются "объясняющими" переменными. "Простая кейнсианская модель" имеет вид уравнения $C = \alpha + KA$, где C – потребительские расходы, A – автономные инвестиции, α и K – числовые параметры, а "простая монетарная модель" – $C = a + VM$, где C – потребительские расходы, M – денежная масса, a и V – числовые параметры (Friedman M., Meiselman D. Op. cit. P. 175 – 176).

показатель потребительских расходов на 2 квартала, а в "кейнсианском" варианте – когда автономные и потребительские расходы относились к одному и тому же периоду. Фридмен и Мейзельман увидели в этом явное подтверждение своего тезиса, что "главная линия зависимости направлена от денег к потребительским расходам или доходу"²⁵. Что касается синхронной корреляции автономных и потребительских расходов, то это было расценено как свидетельство влияния денежной массы на оба показателя. В статье содержатся оговорки, что приведенные факты нельзя считать окончательным или "решающим" свидетельством пре-восходства монетарного подхода. Тем не менее общий вывод состоял в том, что деньги "лидируют", определяя колебания хозяйственной активности. Более развернутый анализ указанной проблемы дан в статье М. Фридмена и А. Шварц "Деньги и деловые циклы"²⁶.

Она начинается с изложения "некоторых фактов", демонстрирующих циклический характер изменений денежного запаса в США за почти столетний период (1867 – 1960 гг.). Указывая на наличие общей долговременной тенденции увеличения денежной массы, авторы выделяют периоды, когда рост прерывался и происходило абсолютное сокращение денежного запаса: 1873 – 1879 гг. (денежная масса уменьшалась на 4,9%), 1892 – 1894 гг. (на 5,8%), 1907 – 1908 гг. (на 3,7%), 1920 – 1921 гг. (на 5,1%), 1929 – 1933 гг. (на 35,2%) и 1937 – 1938 гг. (на 2,4%). Периоды, отмечается в статье, совпадают с кризисными падениями производства в США. Из этого делается вывод, что в периоды "глубоких депрессий" динамика денег имела явно циклический характер. Что же касается более "слабых депрессий", то здесь цикличность изменения денег не была выражена достаточно отчетливо. Соответственно авторы выдвигают два варианта роли денег в различных по амплитуде ("глубоких" и "слабых") циклах. В первом случае деньгам приписывается роль ведущего, определяющего фактора в цикле, во втором же может преобладать обратное влияние, идущее от общехозяйственных условий к деньгам.

В статье не приводится убедительного объяснения причин различного влияния денег в условиях неодинаковых по амплитуде циклов. Мы вновь сталкиваемся здесь с типичной чертой монетаристской стратегии – формулированием научных гипотез, так сказать, "на ходу", для "правдоподобного" объяснения противоречивых фактов. Монетаристы вынуждены признать, что "чисто денежное" объяснение цикла не может быть применимо ко всем наблюдавшимся циклическим изменениям хозяйственной активности. В ходе "более слабых" циклов, признают Фридмен и Шварц, нельзя исключить вероятность того, что изменение конъюнктуры оказывает определяющее влияние на денежную массу. Соединение "глубоких" и "слабых" циклов в одном "пакете" означало бы признание "неденежного" объяснения хозяйственных нарушений, а именно этого стремятся не допустить сторонники монетаристских взглядов. Отсюда двойная классификация циклов и разная трактовка роли денег в цикле.

Подход Фридмена и Шварц порождает много недоуменных вопросов. Почему, например, сокращение количества денег на 1,4% произошло на фоне "слабого" кризиса 1948–1949 гг., а практически идентич-

ное сокращение денежной массы на 2,4% привело к развитию "глубокого" кризиса 1937–1938 гг.? Авторы не объясняют эти противоречия.

Следует подчеркнуть еще один важный момент. В центр циклического механизма Фридмен и Шварц помещают не изменение объема денежной массы, а "ускорение" или "замедление" темпов роста этого показателя. Именно изменение темпов роста порождает те импульсы, которые распространяются затем на все хозяйство. Сопоставляя поворотные точки темпов роста денег с поворотными точками отдельных фаз промышленных циклов, авторы заключают, что пиковые значения первого показателя наблюдаются, как правило, на ранней стадии циклического подъема, а низшие точки – в начале циклического спада. С этим связывается идея "лидерства" денег. Согласно расчетам авторов, в периоды циклических подъемов поворотные точки денег опережают аналогичные точки изменения конъюнктуры (номинального дохода) в среднем на 18 месяцев, а в стадии спада – на 12 месяцев. Для отдельных циклов время опережения существенно меняется*.

Авторы, конечно, хорошо осведомлены о трудностях причинного истолкования статистических связей, о возможности ошибочной трактовки корреляции и т. д. Например, большой разрыв между поворотными точками денег и дохода (в среднем 1–1,5 года!) может свидетельствовать не об опережении, а об отсроченной реакции денежного обращения на изменения конъюнктуры. Да и вообще совпадение во времени колебаний различных показателей еще не свидетельствует о существовании причинной связи между ними. Как признают сами авторы, обнаружение систематической циклическости в производстве, скажем, булавок не является еще достаточным основанием для выдвижения "булавочной" теории экономических циклов. Но все эти сомнения забываются, когда речь заходит о деньгах. В статье решительно отвергаются немонетарные объяснения циклическости и говорится, что "существенные изменения темпов роста денежной массы являются необходимым и достаточным условием существенных изменений темпов роста денежного дохода" (подчеркнуто мной. – В. У.)²⁷.

Третья работа 1963 г. – книга Фридмена и Шварц "Монетарная история Соединенных Штатов. 1867–1960 гг.". Авторы многочисленных рецензий, появившихся после ее выхода, называли ее "монументальным трудом", который "оставит свой след на всех будущих исследованиях в этой области". В книге собран гигантский фактический материал, характеризующий развитие денежно-кредитной системы США за длительный и насыщенный важными событиями период – с момента окончания войны Севера с Югом до начала 60-х годов XX в. Причем это не историческое исследование в полном смысле этого слова. Авторы выбирают лишь определенные события и факты и дают им свое истолкование. Главная цель работы – продемонстрировать обоснованность идеи об определяющей роли денег в циклических колебаниях хозяйственной конъюнктуры.

* Показатель стандартного отклонения составляет 6,9 месяца для периодов подъема и 5,7 месяца для спадов (Friedman M., Schwartz A. Money and Business Cycles. P. 199).

Весь рассматриваемый период (1867–1960 гг.) разделен в книге на 9 “исторических эпизодов”, в рамках каждого из которых рассматривается динамика ряда экономических показателей (денежной массы, дохода, цен, скорости обращения денег) и делаются выводы об их взаимосвязи. Обращает внимание нарочитое игнорирование авторами процессов в сфере производства и обращения общественного продукта. Показатели состояния производственной сферы, лежащие в основе цикличности капиталистической экономики, “спрессованы” и представлены одним показателем – номинальным (денежным) доходом. Это вытекает из общей ориентации монетаристов на процессы в сфере обращения, где находится, по их мнению, центр всех экономических колебаний.

Уже первая фраза книги дает представление о целевой установке авторов: “Это книга о запасе денег в США. В ней прослеживаются изменения этого показателя с момента окончания гражданской войны до 1960 г., рассматриваются факторы, приводившие к этим изменениям, и анализируется влияние, которое запас денег оказывал на ход событий”²⁸. Таким образом, сразу задается “нужная” тональность и декларируется мысль об определяющем влиянии денег в хозяйственной системе.

В свете той основополагающей роли, которую авторы книги отводят деньгам, выбор ими “статистического двойника” этого показателя выглядит довольно неубедительно. Применяется туманное и расплывчатое определение денег как “временного вместилища покупательной силы”, разграничитывающего акты покупки и продажи, что позволяет использовать в анализе практически любые денежные агрегаты, руководствуясь соображениями “статистической целесообразности”*. Так, включение в указанный показатель срочных банковских вкладов обосновывается не чем иным, как ссылкой на более тесную корреляционную связь полученного денежного агрегата с ВНП в текущих ценах.

Важное место в “Монетарной истории” занимает вопрос о причинах и факторах изменения денежной массы. Так, последовательно проводится мысль, что определяющее влияние на формирование денежного запаса оказывает центральный банк. Для анализа этой проблемы применяется особая методология – денежная масса в обращении представлена как конечный итог влияния трех “непосредственных детерминант”: денег “повышенной мощности” (high powered money) и двух коэффициентов – депозиты-резервы (deposit-reserve ratio) и депозиты-наличные деньги (deposit-currency ratio). Хотя эти “детерминанты” дают представление лишь о внешних, чисто арифметических изменениях денежного запаса, авторы дают им причинное истолкование, утверждая, что их изменения отражают поведение определенных групп хозяйственных агентов. Так, согласно монетаристской схеме, изменение денег “повышен-

* “Где именно следует провести линию между активами, рассматриваемыми как деньги, и активами, которые рассматриваются как “почти деньги” или просто как “прочие активы”, не является чем-то таким, что может или должно решаться раз и навсегда... Это зависит от цели и от эмпирического соответствия ей того или иного конкретного разграничения... Проблема определения денег является делом не принципа, а целесообразности...” (Friedman M., Schwartz A. A Monetary History... Р. 650).

ной мощности" отражает политику центрального банка, а два указанных коэффициента – соответственно поведение коммерческих банков и банковской клиентуры ("публики"). Такая трактовка представляет собой крайнее упрощение реальных взаимосвязей. Например, на сумму денег "повышенной мощности", куда включаются наличные деньги и резервы коммерческих банков в ФРС, влияет не только политика центрального банка, но и множество других факторов, на которые центральный банк не может оказывать воздействия. Монетаристы же выделяют лишь одну линию связи, чтобы доказать, что эмиссия носит экзогенный характер и определяется действиями руководителей эмиссионного учреждения.

Авторы "Монетарной истории" стремятся обосновать и другую ключевую предпосылку количественной теории – продемонстрировать стабильность показателя скорости обращения денег. Для этого они оперируют усредненными данными за большие промежутки времени, подчеркивая, например, что в течение почти столетия, оканчивающегося 1960 годом, показатель скорости обращения денег в США снижался примерно на 1% в год. Ценность расчетов такого рода невелика. Материалы книги свидетельствуют о том, что на протяжении указанного столетия показатель скорости испытывал значительные колебания и что "плавно снижающегося тренда" по сути дела не наблюдалось. Так, в 1880–1915 гг. годовые показатели скорости, получаемые путем деления суммы годового ВНП на среднее количество денег в обращении, снизились с 4,97 до 1,90. В последующие десятилетия скорость изменилась хаотично (в пределах 1,16 – 2,50) и не обнаруживала какой-либо четко выраженной тенденции. В послевоенные же годы (1946–1960) началось повышение показателя скорости, достигшего к 1960 г. 1,69²⁹. Эта тенденция наблюдалась в течение многих лет после выхода книги.

Авторы тем не менее настаивают на своем выводе о "вековом замедлении скорости" и предлагают гипотезу "денег как предмета роскоши"*. Убедительных доводов в пользу этого вывода в работе не приводится. Это еще один пример "теоретизирования по случаю" (ad hoc theorizing), часто применяемого монетаристами. Хотя снижение показателя скорости наблюдалось лишь на некоторых исторических этапах рассматриваемого периода, авторы выводят "общую закономерность", объявляя отклонения от нее "аномалиями".

Окончательный вывод о характере связи между деньгами и состоянием хозяйства выражен в книге так: это "взаимодействие, где деньги играют роль старшего партнера в более долговременных изменениях и наиболее крупных циклических колебаниях и близки к роли равного партнера с денежным доходом и ценами в более кратковременных и слабых колебаниях"³⁰. Иначе говоря, по мысли авторов, денежные факторы играют определяющую роль во всех существенных изменениях хозяйственной конъюнктуры (ассоциируемых с колебаниями доходов и цен) и достаточно важную роль в колебаниях меньшего масштаба.

* "Мы склонны относить вековое снижение скорости за счет сопутствующего роста доходов на душу населения, т. е. рассматривать услуги, приносимые денежными остатками, как "роскошь", спрос на которую возрастает в большей пропорции, чем рост дохода" (Friedman M., Schwartz A. A Monetary History... Р. 639).

Стремясь показать, что влияние денег "превалировало" и что "деньги играли роль старшего партнера", авторы особым образом трактуют ряд событий в истории денежного обращения в США. Они считают, что учреждение центрального банка в 1913 г. создало новую обстановку, так как предоставило "небольшой группе лиц возможность изменять ход событий"³¹. Приводя примеры изменения политики ФРС (повышение учетной ставки в 1920 г. с 4,75 до 7%, аналогичное повышение в октябре 1931 г. с 1,5 до 3,5% и удвоение нормы обязательных резервов в 1936–1937 гг.), авторы заключают, что все эти действия дали "четкий и недвусмысленный эффект", а именно привели к сокращению денежной массы соответственно на 9, 14 и 3%. За этим последовали три глубоких спада промышленного производства (на 30, 24 и 34%). Выстроив такую цепочку событий, Фридмен и Шварц подводят читателя к мысли, что именно резкое сокращение денежной массы было виновником кризисных падений производства.

Было бы нелепо отрицать, что процессы в денежной сфере влияют на остроту и катастрофичность форм протекания кризисов. Но от обострения хода кризиса до основной его причины – дистанция огромного размера. Монетаристы не хотят детально исследовать сложный процесс возникновения и развития экономических циклов. Они сосредоточивают внимание на "простейших" корреляционных связях, в которых видят кратчайшую дорогу к установлению истины.

Поучителен в этом отношении их анализ причин "великой депрессии", как именуется на Западе экономический кризис 1929–1933 гг. В работах представителей монетаристской школы развитие этого глубокого кризиса изображается как результат ошибочных действий ФРС, допустившей резкое сокращение денежной массы, что в свою очередь привело к перерастанию "рядового" спада в катастрофический кризис. "Первоначальное небольшое сокращение денежного запаса в 1929–1930 гг., последовавшее за сокращением суммы кредитов ФРС, переросло в резкое падение из-за волны банковских крахов, начавшихся в конце 1930 г. Органы денежного контроля в США проводили в высшей степени дефляционную политику. В ходе экономического спада количество денег... упало на одну треть. И это произошло не потому, что не было заемщиков, жаждущих получить кредит... а вследствие того, что ФРС резко сократила или допустила сокращение денежной базы...³²"

Здесь присутствует типичная для монетаристов логическая схема: падение производства и занятости в стране сопровождалось резким сокращением денежной массы, которое было спровоцировано действиями центрального банка и не было связано с падением спроса на кредит ("не было заемщиков, жаждущих получить кредит"). Сокращение же денежной массы в свою очередь привело к углублению экономического кризиса, его перерастанию в продолжительную депрессию.

Здесь авторы книги обнаруживают явное непонимание того, что события "великой депрессии", равно как и сопутствовавшие ей аномалии в сфере кредитно-денежных операций, имели объективную почву

* Первая часть цитаты взята из статьи Фридмена и Шварц "Деньги и деловые циклы" (с. 218), вторая – из выступления Фридмена "Роль денежной политики" (с. 97).

и не были лишь результатом недомыслия руководителей экономической политики США. Кризис 1929–1933 гг. представлял собой одну из форм насилиственного разрешения реальных противоречий, накопившихся в ходе предшествующего "просперити" (перенакопления промышленного капитала, чрезмерного разбухания кредитной надстройки, спекулятивного бума на фондовой бирже и т. п.). Не учитывается и то, что кризис в США был неотъемлемой частью мирового экономического кризиса, охватившего все без исключения страны капиталистического мира.

Чисто денежная трактовка причин "великой депрессии" не выдерживает критики. Возьмем один из главных пунктов "обвинительного заключения" монетаристов – сокращение денежной массы было связано с резким уменьшением денежной базы, находящейся под контролем ФРС. Однако приведенные в "Монетарной истории" данные свидетельствуют о том, что с сентября 1929 (т. е. с момента, непосредственно предшествовавшего биржевой панике 1929 г.) до марта 1933 г. (кульминационной точки кризиса, когда были закрыты все банки и в стране объявлен "банковский праздник") денежная база не только не уменьшилась, но, напротив, возросла с 7 075 до 8 414 млн долл., или на 18,9%³². Если же взять критический период (сентябрь 1929 – сентябрь 1931 г.), когда ФРС, по мнению авторов, проявляла крайнюю пассивность и не приступила еще к массированным операциям на открытом рынке, то и тогда не было падения денежной базы, которая оставалась практически стабильной*. Таким образом, резкое сокращение денежной массы (на 35% с сентября 1929 по март 1932 г.) не было следствием сокращения денежной базы в результате рестриктивной политики ФРС.

Это заставляет искать другие объяснения причин значительного сокращения денежной массы. Обращает на себя внимание резкое (в 2,5 раза!) снижение в 1929–1933 гг. коэффициента "депозиты – наличные" – с 11 до 4,44³³. В книге это падение объясняется кризисом доверия и массовым изъятием вкладов из банков, что всегда сопутствует острым денежно-кредитным кризисам. Не был исключением и кризис 1929–1933 гг. Но интересная деталь: после окончания кризиса соотношение депозитов и налично-денежной массы не вернулось к прежнему уровню, существовавшему до 1929 г.! Более естественным поэтому представляется вывод, что падение суммы банковских депозитов в годы кризиса явилось в значительной мере результатом резкого сокращения спроса на кредит и свертывания банковских операций в условиях сужения масштабов производственной деятельности, массовых банкротств, падения доходов населения и т. д. Сокращение задолженности по кредитам было закономерной реакцией кредитной системы на углубление спада экономической активности. Так что в данном случае не воспроизведение следовало за деньгами, а денежная сфера сама реагировала на катастрофическое сужение производственной базы.

* В сентябре 1931 г. сумма "денег повышенной мощности" составила 7 498 млн долл. против 7 045 млн в сентябре 1929 г.

Профессор Массачусетского технологического института П. Темин приводит ряд веских доводов в поддержку гипотезы, что в течение критического периода 1930–1931 гг. в США вопреки утверждениям монетаристов не было "острой дефляции", а происходило снижение спроса на банковский кредит. Об этом свидетельствует, в частности, динамика процентных ставок. Так, после резкого скачка в 1929 г. ставки по различным видам краткосрочного кредита устойчиво снижались вплоть до осени 1931 г., когда ФРС повысила переучетную ставку в связи с отменой Англией золотого стандарта. За этот период, например, средняя ставка по коммерческим ссудам нью-йоркских банков снизилась с 6 до 3,5%, а по онкольным ссудам под ценные бумаги – с 8,5 до 1,5%. Темин пишет: "Иначе говоря, не было никаких признаков стеснения на денежном рынке, на которые указывают сторонники монетарной гипотезы как на причину Великой депрессии"³⁴.

Вместе с тем в кризисные годы не было и столь сильного сокращения денежного запаса, как это рисуют авторы "Монетарной истории". Дело в том, что кризис 1929–1933 гг. сопровождался резким падением товарных цен. Поэтому в действительности "реальный" запас денег (с учетом снижения цен и соответствующего повышения покупательной способности денег) изменился незначительно. И вовсе нелепыми выглядят настойчивые попытки Фридмена и Шварц связать развитие кризиса 1929–1933 гг. с "борьбой за власть" внутри ФРС. Они, в частности, ссылаются на роль управляющего Нью-Йоркским федеральным резервным банком Б. Стронга, который проводил активную денежно-кредитную политику и выступал с идеей массированной скупки центральным банком государственных ценных бумаг, видя в них средство преодоления денежного кризиса. Если бы Б. Стронг не умер в 1928 г., утверждают авторы "Монетарной истории", ход событий мог быть совершенно иным.

Смерть Стронга служит главным аргументом при объяснении того, "почему активная, энергичная, уверенная политика 20-х годов сменилась пассивной, оборонительной и неустойчивой политикой в 1929–1933 гг."³⁵. Преемники Стронга были сторонниками "здоровых финансов", отстаивали доктрину "реальных векселей", которая ограничивала выпуск банкнот портфелем краткосрочных векселей, учтенных центральным банком. Они сопротивлялись политике резкого увеличения покупок ФРС государственных ценных бумаг, на чем настаивали в начале 30-х годов некоторые члены руководства ФРС. Авторы пишут: "Не будучи в состоянии действовать активно, чтобы сдержать первый кризис ликвидности осенью 1930 г., ФРС проявила еще меньшую способность к действиям такого рода в последующие годы. Лишь сильное давление критиков из конгресса США заставило руководителей центрального банка в начале 1932 г. временно изменить своим принципам и предпринять крупномасштабные закупки ценных бумаг"³⁶.

Конечно, ошибки в деятельности ФРС могли усугубить тяжелое положение американского хозяйства в тот период. Но из этого вовсе не следует обратное – что "правильная" политика могла бы "предотвратить катастрофу", как об этом заявляют Фридмен и Шварц. По их мнению, ФРС имела достаточно сил и возможностей, чтобы "пресечь

трагический процесс денежной дефляции и краха банковской системы", а "запас денег можно было увеличить до любых желаемых пределов". Неясно, правда, каким образом ФРС могла увеличить денежную массу "до любых желаемых размеров" в условиях глубокого кризиса и резкого падения спроса на кредит. Но даже если бы она достигла в этом успеха, можно с уверенностью сказать, что это не предотвратило бы развития кризиса, который был единственным способом насильтственной ликвидации диспропорций, накопившихся в американском (и мировом капиталистическом) хозяйстве.

Публикация монетаристской версии причин делового цикла вызвала оживленную реакцию в экономической литературе. Многочисленные комментаторы отдали дань большой статистической работе, которую проделали Фридмен и его помощники. Но никто из ведущих экономистов не согласился с их главным выводом об определяющей роли денег в механизме развития циклов и кризисов. Г. Крус писал в рецензии на "Монетарную историю": "Эта книга, несмотря на свой гигантский объем, страдает значительной неполнотой. Трудно найти экономиста, который не согласился бы с двумя общими положениями, а именно что деньги важны и что случаи резкого падения денежной массы всегда сопутствовали резким спадам экономической активности. Но по всем другим вопросам... возникают серьезные расхождения..."³⁷

Многие ученые выступили в последующие годы с аргументированной критикой монетаристской трактовки причин экономического цикла. Примером служит статья Дж. Тобина "Деньги и доход: Post Hoc Ergo Propter Hoc?". Тобин ставит под сомнение причинное истолкование факта "лидерования" денег, используемого в качестве довода Фридменом и Шварц. Он показывает, что аналогичную картину "опережений" и лагов, на которую ссылаются монетаристы, можно получить в рамках "ультракейнсианской модели", где деньгам отводится пассивная и мало-значимая роль³⁸. "Моя ультракейнсианская модель, — писал Тобин уже в другой статье, — подтверждает тот факт, что последовательность событий во времени, согласующаяся с наблюдаемыми явлениями и благоприятная на первый взгляд для гипотезы, подчеркивающей причинную важность денег, может быть воспроизведена с помощью структуры, где деньги не играют роли причинного фактора"³⁹.

Впоследствии У. Пул подверг проверке утверждения, что случаи "денежного торможения" (снижения темпов роста денежной массы) приводят к переломам в ходе цикла⁴⁰. Пул указывает, что поворотные точки изменения денежной массы определялись Фридменом и Шварц "на глазок". Он предложил новую методику определения "денежных торможений", в основе которой лежит сопоставление фактического уровня денежной массы "в непосредственной близости" от циклического пика конъюнктуры со статистическим трендом изменения денег, рассчитанным по данным предшествующего периода*.

* Расчет тренда проводился в несколько этапов. Сначала по методу наименьших квадратов определялся средний темп роста денег для каждого месяца на основе данных за предшествующие 24 месяца. Затем выбирался наивысший показатель темпа за период между двумя циклическими падениями производства и

Пул пришел к следующим выводам. "Торможение" роста денежной массы предшествовало циклическим пикам конъюнктуры во всех крупных экономических спадах с 1908 по 1972 г. (кроме 1920 и 1923 гг., когда "торможение" денег наступило уже после прохождения высшей точки циклического подъема). Он заключил, что "торможение" денег действительно является важным условием спада конъюнктуры. Однако вопрос, служит ли замедление темпов роста денег достаточным условием циклических кризисов, остается открытым, ибо далеко не все "существенные" (на 3–4% ниже тренда) "торможения" денег сопровождались кризисными падениями производства. Кроме того, по расчетам Пула, разрыв между "денежным торможением" и переломными точками конъюнктурного цикла гораздо короче, чем в работах других монетаристов (плюс-минус 5 месяцев).

Аналогичный тест с применением иных методов расчета тренда был проведен Б. Хиггинсом. Хотя в 1952–1977 гг. каждый из пяти кризисных спадов сопровождался существенным снижением темпов роста денежной массы, Хиггинс подчеркнул, что во многих случаях замедление роста денег не привело к развитию общего экономического кризиса. Примером может служить период 1966–1967 гг., когда резкое "торможение" денег не нарушило циклического подъема. "Данные не подтверждают монетарную теорию цикла, — заключает Хиггинс, — хотя вероятность кризисного падения производства усиливается с повышением степени денежного торможения"⁴¹. В статье "Деньги, доход и причинность" К. Симз применил для анализа роли денег в цикле тест "однонаправленной причинности", разработанный С. Гранджером. Он получил парадоксальные результаты: причинность направлена от денег к ВНП без какой-либо обратной связи⁴². Иначе говоря, динамика денежной массы полностью "автономна" и не зависит от изменений конъюнктуры. С таким утверждением побоялись бы выступить даже наиболее экстремистские сторонники монетарной доктрины. Монетаристская теория цикла принадлежит к числу спорных и надуманных гипотез. Подход монетаристов не основан на детальном изучении глубинных механизмов капиталистического воспроизводства, где как раз и кроются главные причины нестабильности экономики. Они ищут разгадку в синхронных колебаниях экономических показателей, где роль ведущего звена отводится денежной массе. Шаткость такого подхода обусловлена тем обстоятельством, что изменение динамических рядов многих макроэкономических показателей тесно коррелируется во времени. Н. Калдор писал: "...денежная масса, как бы ее ни определили, коррелирует с номинальным ВНП. То же самое справедливо в отношении любых других экономических переменных — потребительских расходов, инвестиций, суммы богатства, выплат по заработной плате и т. д. Все они изменяются во времени, как правило в сторону повышения, так что в рамках статистических временных рядов изменение одного из них непременно обнаруживает корреляционную связь с другими"⁴³.

на его основе был вычислен трендовый показатель для месяцев, непосредственно примыкающих к пиковой точке цикла. Наконец, фактические показатели денежной массы сопоставлялись с трендом и выявлялась степень "ускорения" или "замедления" роста денег.

Ни исторические параллели, ни изощренные статистические приемы измерения корреляции не содержат убедительных доказательств в пользу "чисто денежного" объяснения причин цикличности капиталистического воспроизводства. Этот вывод никоим образом не умаляет, конечно, значения процессов в денежно-кредитной сфере, которые служат важным фактором формирования конъюнктуры.

Критика монетаристской теории цикла и представлений о доминирующей роли денежной массы в возникновении хозяйственных неравновесий приняла в последние годы особенно широкие масштабы. В фундаментальном исследовании "Американский деловой цикл. Постоянство и изменения", опубликованном в 1986 г. под эгидой Национального бюро экономических исследований, Бенджамен Фридмен посвятил целую главу изучению статистических совпадений и ковариаций в временных рядах денежной массы, показателей объема кредита и процентных ставок, с одной стороны, и общезэкономических показателей состояния конъюнктуры – с другой, в США за период 1891–1892 гг. Он приходит к следующим выводам: "Денежные и финансовые аспекты колебаний экономической конъюнктуры обнаруживают очень мало количественных повторяющихся закономерностей, которые преобладали бы в неизменном виде на протяжении длительных периодов времени, когда финансовые рынки испытывали глубокие и далеко идущие сдвиги"⁴⁴. Здесь содержится явная полемика с монетаристским тезисом, что циклические колебания денежной массы подчиняются устойчивым и предсказуемым закономерностям, которые проявляются в самых различных экономических ситуациях.

Далее Б. Фридмен предупреждает против поспешного принятия на веру "внешне простых и вечных истин о циклических колебаниях денежных факторов" и подчеркивает, что "связи, описываемые с помощью более сложных моделей, содержащих многие переменные величины и использующих нелинейные связи, могут оказаться более стабильными, чем простые линейные уравнения, включающие небольшое число переменных". Тем самым автор ставит под вопрос монетаристскую практику построения моделей сокращенной формы. И уж совсем антимонетаристски звучит следующее заявление Б. Фридмена: "...факты не свидетельствуют о какой-то особой или доминирующей роли денег в контексте делового цикла"⁴⁵.

Другая линия оппозиции монетаристской теории связана с разработкой теории реальных деловых циклов (real business cycle theory), где дается иное объяснение наблюдающихся статистических корреляций между колебаниями денежной массы и реального валового продукта. Согласно теориям этого типа, конъюнктурные циклы порождаются глубокими и непредсказуемыми нарушениями ("шоками") в сфере производства, которые связаны с нехваткой сырьевых товаров и энергоносителей, сдвигами в производительности труда, качественными изменениями технологии производства и т. д. Что же касается ковариаций между денежной массой и ВНП, то они возникают на базе изменений спроса на деньги из-за колебаний объема реального производства и товарного обращения⁴⁶.

Вопрос о механизме "передачи" денежных импульсов в хозяйственной системе всегда был слабым местом монетаристской доктрины, ее "ахиллесовой пягой". Ее сторонники в течение многих лет отказывались представить развернутую структурную модель капиталистической экономики, которая бы четко выражала их представления об основных взаимосвязях в хозяйстве и объясняла, каким образом изменения денежного запаса трансформируются в колебания дохода, занятости и цен. В качестве довода монетаристы обычно ссылаются на исключительную сложность хозяйственного механизма, что делает, по их мнению, целесообразным поиск лишь наиболее устойчивых и систематических повторяющихся закономерностей.

Нежелание монетаристов обнародовать свои представления о связи основных компонентов хозяйственной системы не способствовало росту авторитета доктрины в академических кругах. Оппоненты Фридмена усматривали в этом тактический ход, имеющий целью скрыть отсутствие у монетаристов прочной теоретической базы. Поэтому Фридмен и Шварц в своей статье о циклах дали "предварительный набросок механизма передачи денежных импульсов", где описывались эффекты, возникающие в хозяйстве после "внезапного изменения темпов роста денежной массы". Главная идея заключалась в том, что сдвиги денежной массы влияют на общую структуру портфеля активов, находящихся во владении хозяйственных субъектов, и соответственно на относительную доходность этих активов. В итоге экономический цикл объявлялся результатом корректировки общего баланса активов⁴⁷.

В начале 70-х годов Фридмен предпринял новую попытку сформулировать основные теоретические принципы монетаристского подхода. И вновь в центре внимания находилась идея нарушения портфельного равновесия. Свою позицию Фридмен изложил в двух статьях в журнале "Джорнал оf политики экономии", печатном органе Чикагского университета⁴⁸. Его изыскания стали объектом острой дискуссии с участием видных ученых – Дж. Тобина, П. Дэвидсона, Д. Патинкина, К. Бруннера, А. Мельцера⁴⁹. Никто из участников дискуссии не выразил согласия ни с методологией Фридмена, ни с его версией существа разногласий между современными макроэкономическими школами. Бруннер и Мельцер, например, возражали против того, что Фридмен использовал в своем исследовании аппарат кривых IS – LM, который, по их мнению, "приводит Фридмена к согласию с неокейнсианской школой" и лишает его модель собственной теоретической базы. Столь же негативно отнеслись к идеям Фридмена и его оппоненты из посткейнсианского лагеря. Так, Дж. Тобин подчеркнул, что концепция Фридмена основана на ошибочной и не согласующейся с фактами гипотезе о нечувствительности спроса на деньги к изменениям нормы процента⁵⁰.

Рассмотрим более подробно теоретическую схему Фридмена. Его первая статья начинается с разграничения "номинальных" и "реальных" (в постоянных ценах) экономических показателей. В моделях кейнсианского типа эти различия игнорируются благодаря предпосылке о постоянстве общего уровня цен. Для монетаристов же это различие имеет кри-

тически важное значение, ибо с ним связан специфический механизм "подстройки" фактических и желаемых величин.

Главное внимание в модели Фридмена уделяется реакции хозяйственных агентов на изменение рыночных цен. Колебания цен затрагивают спрос на кассовые остатки, который ориентирован не на номинальное количество денежных единиц, а на фактическую величину их покупательной силы. Эмиссия денег, согласно количественной теории, автоматически изменяет уровень цен и соответственно реальную покупательную силу денег. Участники оборота отвечают на это накапливанием или, наоборот, усиленной тратой денег на приобретение товаров или финансовых активов. Все это в конечном счете отражается на величине номинального дохода в текущих ценах.

Что касается распределения конечного эффекта денежных импульсов, то Фридмен ограничивается лишь указанием на особые последствия денежных сдвигов в разных временных интервалах: в длительном аспекте деньги нейтральны и не затрагивают "реальных" процессов в хозяйстве. В течение же более коротких периодов определенное влияние возможно, но оно быстро исчезает по мере приспособления системы цен к новой рыночной ситуации.

Фридмен принимает идею неоклассиков, и в частности А. Маршалла, что цены служат главным инструментом, обеспечивающим корректировку хозяйства в случае возникновения рыночных диспропорций. "Цены, — пишет он, — подстаиваются быстрее, чем физические объемы (обмениваемые на рынке товаров. — В. У.), причем, по-видимому, настолько быстро, что ценовые сдвиги следует рассматривать как мгновенные"⁵¹. Иначе говоря, при появлении диспропорций между спросом и предложением вся тяжесть исправления ситуации в монетаристской модели ложится на систему цен. В кейнсианской же модели из-за "заторможенности" цен этот механизм в значительной мере блокирован или вовсе отключен, так что корректировка рыночного баланса осуществляется главным образом за счет изменения выпуска продукции, а не ценового уровня.

Фридменовская модель содержит следующие уравнения:

$$\frac{C}{P} = F\left(\frac{Y}{P}, r\right), \quad (1.3)$$

$$-\frac{I}{P} = g(r), \quad (2.3)$$

$$\frac{Y}{P} = \frac{C}{P} + \frac{I}{P} \text{ (или } \frac{S}{P} = \frac{Y - C}{P} = \frac{I}{P}), \quad (3.3)$$

$$M^D = P \cdot l\left(\frac{Y}{P}, r\right), \quad (4.3)$$

$$M^S = h(r), \quad (5.3)$$

$$M^D = M^S. \quad (6.3)$$

Уравнения (1.3) – (3.3) описывают "реальный" сектор (рынок товаров) с помощью переменных потребительских расходов, инвестиций

и сбережений; уравнения (4.3) – (6.3) – денежный сектор. Уравнение (1.3) – потребительская функция, где расходы на потребление связаны с уровнем реального дохода ($Y/P = Y$) и нормой процента (r). Уравнение (2.3) выражает реальные инвестиции (I/P) как функцию нормы процента. Уравнение (3.3) – тождество, определяющее состояние равновесия (или полной "очистки" рынков) в "реальном" секторе (реальные инвестиции равны сбережениям). Уравнение (4.3) – функция спроса на деньги, соответствующая кейнсианской функции предпочтения ликвидности, где уровень номинальных денежных остатков зависит от реального дохода и нормы процента. Уравнение (5.3) определяет фактический выпуск денег. Хотя Фридмен вводит в уравнение норму процента, по его словам, это не отразится на модели, если "трактовать M^S просто как экзогенную величину, определяемую... органами монетарного контроля" ⁵². Наконец, уравнение (6.3) содержит условие равновесия на денежном рынке (спрос на деньги равен их предложению).

Эта модель, по мнению Фридмена, приемлема как для сторонников количественной теории, так и для кейнсианцев. Проблема, однако, заключается в том, что система не закончена: в шести уравнениях имеется 7 неизвестных (C, I, Y, r, P, M^D, M^S). Чтобы получить полную модель, необходимо добавить еще одно уравнение, где одна недостающая переменная величина устанавливается за рамками модели, т. е. вводится экзогенно. Именно характер спецификации "недостающего уравнения", или, иначе говоря, выбор экзогенного параметра для "закрытия" модели, и определяет, по мысли Фридмена, коренные расхождения между "простой" количественной теорией и кейнсианской моделью.

Приверженцы традиционной количественной теории используют предпосылку полной занятости, рассматривая физический компонент дохода ("реальный" продукт) как величину, не изменяющуюся в краткосрочном периоде:

$$Y/P = y = Y_0. \quad (7.3)$$

С принятием этого допущения число неизвестных сокращается до 6, и их равновесные значения могут быть получены рекурсивно, путем последовательной подстановки. Первые три уравнения позволяют определить равновесное значение нормы процента (r_0). Подставляя 1-е и 2-е уравнения в 3-е, получаем: $g(r) = y_0 - f(Y_0, r_0)$. Если принять, что $r = r_0$ (фактическая величина процента равна его равновесному уровню), то из уравнения (5.3) получим равновесную величину денежной массы (M_0), которую с помощью уравнения (6.3) можно выразить следующим образом:

$$M_0 = P \cdot I(Y_0, r_0). \quad (8.3)$$

Уравнение (8.3) – это по существу уравнение обмена, используемое в традиционной количественной теории.

Неоклассический вариант системы содержит классическую дилемму: все "реальные" переменные и относительные цены (включая норму процента) определяются в товарном секторе, а общий уровень цен – в денежном секторе.

Кейнсианский вариант модели в трактовке Фридмена связан с предпосылкой фиксированных цен:

$$P = P_0. \quad (9.3)$$

Это еще один путь сокращения числа неизвестных до 6. Система не содержит дихотомии. Равновесные значения переменных могут быть получены лишь путем одновременного решения уравнений обоих секторов. В денежном секторе "реальные" денежные остатки (предложение денег) и предпочтение ликвидности (спрос на деньги) определяют норму процента, а в товарном секторе инвестиционная функция, зависящая от нормы процента, позволяет определить равновесную величину реального дохода.

Попытка Фридмена свести специфику кейнсианской модели к допущению о фиксированности цен подверглась острой критике. "Было бы карикатурой на неокейнсианские взгляды утверждать, — пишет Тобин, — что p (цены) в кратковременном периоде "заданы институционально" ...Такого вывода... нет ни в одной тщательно сформулированной неокейнсианской макроэкономической модели"⁵³. Вместе с тем Тобин подчеркивает, что элементы монополистических отношений в современной экономике капитализма устраниют свободную игру цен, так что цены и заработную плату следует рассматривать как "негибкие", "заторможенные" экономические параметры.

Главные же расхождения между макроэкономическими школами Тобин связывает со спецификацией функции спроса на деньги. Он следует традициям посткейнсианского анализа, где одной из важнейших отличительных черт доктрины считается высокая эластичность спроса на деньги по проценту. Эта черта модели имеет важные последствия для оценки эффективности инструментов экономической политики.

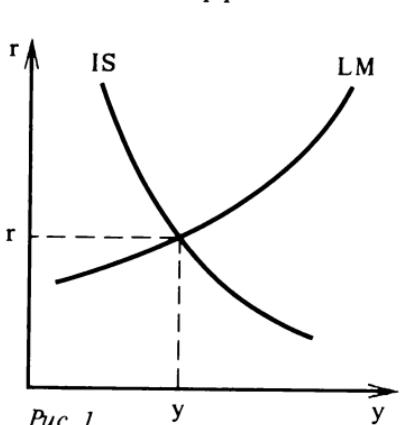

Рис. 1

Чтобы показать различие позиций, Тобин использует аппарат кривых $IS - LM$. Приведенную систему Фридмена, состоящую из 6 уравнений, легко преобразовать в стандартную равновесную модель Хикса (см. рис. 1). Первые три уравнения дают кривую IS , характеризующую равновесие в товарном секторе хозяйства. Эта кривая служит сопротивлением всех комбинаций нормы процента и дохода, обеспечивающих равенство сбережений и инвестиций. Вторая триада уравнений (4.3 – 6.3) позволяет построить кривую LM , характеризующую равновесие в денежном секторе. Она выражает все возможные комбинации процента и дохода, которые обеспечивают равенство спроса на деньги и их предложение. Пересечение кривых IS и LM определяет единственную точку равновесия всей системы (P).

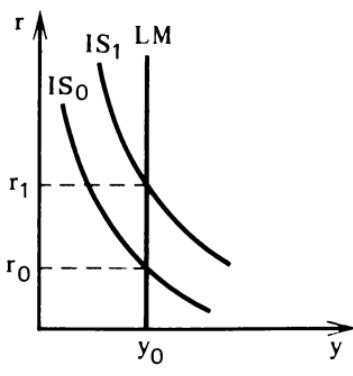
Путем изменения исходных предпосылок модель Хикса позволяя-

ет переходит от "классического" случая, где деньги оказывают определяющее влияние на формирование уровня денежного дохода и занятость, к специальному "кейнсианскому" варианту, где влияние денежно-кредитных факторов парализовано глубокой депрессией. Это хорошо видно на рис. 1. Если кривая IS пересекает LM на ее левом (горизонтальном) отрезке, то экономическая ситуация соответствует "экстремистскому" варианту кейнсианской теории, где действие денежных факторов полностью парализовано "ликовидной ловушкой" и денежно-кредитная политика бессильна против сил депрессии и кризиса. Чтобы повлиять на состояние системы, требуется прямое вмешательство государства с помощью бюджетных рычагов (снижение налогов или увеличение расходов), что приведет к передвижке кривой IS вправо и, следовательно, к увеличению конечного продукта. Напротив, если кривая IS пересекает LM в круто возрастающей части, модель приобретает "классический" вид: повышение спроса в товарном секторе приводит лишь к росту нормы процента, но не влияет на уровень дохода (производства). Денежные же факторы непосредственно воздействуют на величину номинального дохода, причем главным образом на его ценовой компонент. Возникает причинная связь, выражаемая количественной теорией денег.

Обратимся теперь к аргументации Тобина. Если принимается предпосылка, что спрос на деньги совершенно не реагирует на изменения процентной ставки, то кривая LM должна занять вертикальное положение. Это означает, что бюджетные рычаги не оказывают никакого воздействия на производство (смещение кривой IS на графике ведет лишь к изменению величины нормы процента, но не отражается на величине денежного дохода). Зато денежно-кредитная политика становится весьма эффективной: изменение денежной массы, ведущее к перемещению LM , прямо влияет на величину дохода (рис. 2а). Если же, напротив, спрос на деньги характеризуется "бесконечной эластичностью по проценту" (т.е. возникает "ликовидная ловушка"), то кривая LM займет горизонтальное положение. Это приведет к высокой эффективности бюджетных мероприятий (доход существенно реагирует на изменение положения IS) и к полной неэффективности денежных рычагов (рис. 2б).

Как утверждает Тобин, из статей Фридмена следует, что он придерживается мнения о вертикальной LM , а это означает, что " pY (реальный доход) может изменяться лишь в случае изменения M/p (реальных денежных остатков)", или, иначе говоря, " p (номинальный доход) зависит только от изменения M (денежной массы)"⁵⁴. Таким образом, разногласия школ в трактовке Тобина сводятся к техническому вопросу — степени наклона кривой LM , характеризующей положение в денежном секторе.

В 1972 г. Фридмен выступил с новой статьей, где предложил измененный вариант монетаристской модели⁵⁵. Он назвал свой подход "третим путем", подчеркивая его отличия как от традиционной количественной теории, так и от кейнсианской модели. Фридмен излагает здесь свою "монетарную теорию номинального дохода", одна из целей которой — устранить деление дохода на ценовой и физический компоненты, иначе говоря, полностью снять проблему, которая не может быть

a)

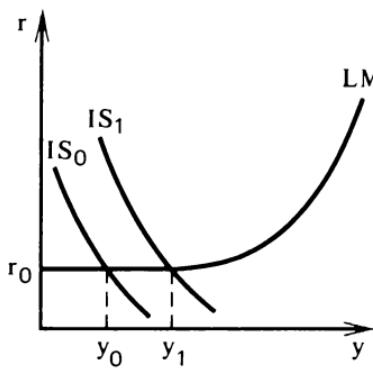

Рис. 2

б)

решена в рамках его подхода. С этой целью предлагается особая трактовка "недостающего уравнения". Если кейнсианский подход связан с предпосылкой негибких цен, а традиционная количественная теория – с неизменностью "реального" продукта, то "третий путь" основывается на фиксации третьего, ключевого параметра – нормы процента. Фридмен вводит допущение о "единичной эластичности" спроса на деньги по отношению к реальному доходу. Этот шаг, по его мнению, позволяет устраниć цены и реальный доход "как самостоятельные переменные в уравнениях денежного сектора", так как в этом случае спрос на кассовые остатки одинаково реагирует и на изменения цен, и на изменения физического объема товарного предложения и эти параметры можно объединить. Уравнение спроса на деньги приобретает следующий вид:

$$MD = Y \cdot l(r). \quad (10.3)$$

Затем вводится условие экзогенности предложения денежной массы:

$$MS = M(t). \quad (11.3)$$

Равновесие денежного сектора характеризуется прежним равенством:

$$MD = MS. \quad (6.3)$$

Но главная цель Фридмена связана с нормой процента. Он использует идею И. Фишера, что текущая норма процента складывается из двух компонентов – "реального" процента (ρ) и темпа изменения цен (I/P) $\cdot (dP/dt)$ или π .

$$r = \rho + \pi. \quad (12.3)$$

Далее, исходя из кейнсианской идеи о роли ожиданий при опреде-

лении долгосрочной нормы процента, Фридмен заключает, что текущий процент равен антиципируемому реальному проценту, скорректированному на темп инфляции (все антиципируемые величины обозначаются звездочкой):

$$r = p^* + \pi^*. \quad (13.3)$$

Антиципируемый темп инфляции можно выразить как разницу между ожидаемыми темпами роста номинального (y^*) и реального (g^*) дохода. В этом случае:

$$r = p^* + (y^* - g^*). \quad (14.3)$$

Вводится еще одно произвольное допущение, что $(p^* - g^*)$ – это величина постоянная (k_0):

$$r = k_0 + y^*. \quad (15.3)$$

После указанных преобразований текущая норма процента зависит от константы (k_0) и ожидаемого темпа изменения номинального дохода. Последний вводится в модель экзогенно; он малоизменчив, ибо в монетаристской трактовке ожидания формируются адаптивно, с учетом прошлых значений переменных.

В окончательном виде модель номинального дохода принимает следующий вид:

$$MD = yl(r), \quad (11.3)$$

$$MS = M(t), \quad (12.3)$$

$$MD = MS, \quad (6.3)$$

$$r = k_0 + y^*. \quad (15.3)$$

Первые три уравнения можно преобразовать в уравнение количественной теории:

$$Y(t) = V(r) \cdot M(t), \quad (16.3)$$

где V – скорость обращения денег. Фридмен заключает, что уравнения (15.3) и (16.3) представляют собой "систему, которая позволяет определить уровень номинального дохода в любой временной точке"⁵⁶.

Действительно, если подставить в уравнение (16.3) значение r , то получим:

$$Y = V(k_0 + y^*). \quad (17.3)$$

Согласно этой формуле, уровень номинального дохода определяется тремя переменными – k_0 , y^* и M . Но k_0 – константа, а величина y^* в соответствии с адаптивной моделью формирования ожиданий малоизменчива. В итоге остается лишь одна независимая переменная – M . "Деньги определяют доход" без какого-либо участия "реального" сектора хозяйства!

В модели Фридмена роль главной пружины изменений номинального дохода играет несоответствие между денежной массой и спросом на

деньги, иначе говоря, несбалансированность денежного сектора. Она вызывает ответную реакцию хозяйственных субъектов и ведет к перестройке структуры их активов. Фридмен пишет: "Что является причиной отклонения темпа изменения номинального дохода от его постоянных (равновесных. – В. У.) изменений? Любые события, которые вызывают расхождения между величиной спроса на кассовые остатки и их предложением или между темпами изменения этих показателей". Поскольку спрос на деньги предполагается стабильным, то возмутителем спокойствия всегда служат сдвиги в предложении денег. "Существенные изменения цен или номинального дохода почти всегда являются результатом изменения номинального предложения денег", – пишет Фридмен⁵⁷.

Таким образом, трактовка "передаточного механизма" денежных импульсов обнаруживает важные различия между традиционной (декейнсианской) количественной теорией, теорией денег Кейнса и современным неоклассическим (монетаристским) вариантом учения о деньгах. Ортодоксальные количественники ограничивали влияние избыточного выпуска денег рынком товаров, полагая, что появление излишних платежных средств непосредственно ведет к увеличению расходов хозяйственных агентов и соответственно к росту товарных цен. Кейнсианская теория денег перенесла акцент с рынка товаров на рынок финансовых активов. В центре внимания оказались процессы замещения денег и долговых обязательств ("облигаций"). Увеличение количества денег, согласно этой версии, проявляется в первую очередь не на товарных рынках (не в ценах "рядовых" товаров), а на рынках финансовых активов (в специфических "ценах" этого рынка – процентных ставках). Последствия денежных сдвигов в кейнсианской модели неопределенны: их эффект может проявиться как в изменениях физического объема производства, так и в изменениях цен (при достижении максимума производства). Степень влияния денег зависит от ряда условий, и в первую очередь от эластичности инвестиций по проценту.

В доктрине монетаризма обе эти концепции специфическим образом сосуществуют, но конечный результат тяготеет к выводам количественной теории денег. Изменение количества денег влечет за собой перестройку всего портфельного баланса с последующими изменениями потока расходов и временными (а потому несущественными) пертурбациями уровня процента. Главный же эффект денежных сдвигов проявляется преимущественно в области цен, так как производство (при отсутствии "искажающего" влияния государства) тяготеет к максимуму, соответствующему имеющемуся запасу производственных ресурсов в хозяйстве.

Этот вывод в монетаристской концепции опосредствуется более сложной системой зависимостей, чем в ортодоксальной количественной теории. Деньги рассматриваются не просто как трансакционные остатки, а как элемент накопленного богатства, приносящий "поток дохода". Более сложный путь воздействия денег в хозяйстве проявляется и в значительно более длительном периоде корректировок после первоначального "денежного толчка", что имеет важные последствия для рекомендаций экономической политики.

Описанные модели логически вытекают из тех исходных специфических предпосылок, которые заданы до начала анализа. В них по существу отсутствует развернутый анализ капиталистического воспроизводства во всем его богатстве и сложности. Процессы создания стоимости и потребительной стоимости товаров, кругооборот общественно-го капитала в его многообразных формах, обмен между двумя подразделениями общественного производства в его вещественном и стоимостном составе и десятки других проблем, необходимых для научного анализа капиталистического хозяйственного механизма, заменены сдвигами в структуре портфельного баланса хозяйственных субъектов, где центральное место занимают изменения величины денежной массы. Не говоря уже о том, что такой подход искажает подлинную структуру причинно-следственных связей в хозяйстве, он позволяет уклониться от постановки проблем классового расслоения и социального неравенства, капиталистических форм эксплуатации и других проблем, неприятных для правящих классов буржуазного общества.

Инфляция

Проблема инфляции занимает одно из центральных мест в монетаристской литературе, где причинная зависимость между изменениями количества денег и уровнем цен рассматривается как основная экономическая закономерность. Как утверждает Фридмен, "по-видимому, не существует таких эмпирических связей в хозяйстве, которые повторялись бы столь единообразно и при столь различных обстоятельствах, как связь между значительным изменением в течение короткого времени запаса денег и уровня цен: одно неизменно связано с другим и действует в одном направлении..."⁵⁸

Монетаристская теория инфляции сводится к следующему:

1. Важнейшая и по существу единственная причина усиления инфляционного процесса состоит в более быстром росте номинальной денежной массы по сравнению с ростом продукта.

2. В долговременной перспективе деньги полностью нейтральны: эффект денежных импульсов (ускорения или замедления темпов роста денег) отражается лишь на динамике общего уровня цен и не оказывает воздействия на состояние "реальных" переменных (объема производства, инвестиций, занятости рабочей силы и т. д.). В течение более кратких периодов (скажем, в пределах одного экономического цикла) изменения темпов роста денежной массы могут, по-видимому, оказать известное влияние на состояние производства и занятости, но эффект этот будет недолгим: через определенное время темп роста реальных показателей производства вернется к исходному уровню. Тем самым отвергается кейнсианская идея о возможности постоянно поддерживать высокие темпы "реального" экономического роста с помощью дозированных порций инфляции.

3. Важная роль в монетаристской модели инфляции принадлежит инфляционным ожиданиям. Они формируются с учетом ошибок в прошлых предсказаниях динамики цен.

Развитие монетаристских взглядов по вопросам инфляции прошло два этапа. На первом из них (до конца 60-х годов) усилия сторонников доктрины были направлены на выявление механизма развития инфляции, на втором вперед вышла проблема связи инфляции и безработицы.

Важный вклад в анализ инфляции внес Ф. Кейген. В середине 50-х годов он провел исследование особенностей ценовой динамики в ряде стран, переживших катастрофическую инфляцию после первой и второй мировых войн (Германии, Австро-Венгрии и др.), и выявил устойчивую статистическую взаимосвязь, характерную для периодов гиперинфляции, между спросом на кассовые остатки и ожидаемым темпом роста цен. Кейген экспериментировал с формулой спроса на деньги, где среди аргументов функции наряду с ценовыми ожиданиями фигурируют также такие переменные, как реальный запас богатства, текущий доход и ожидаемые нормы доходности по различным видам активов. В результате расчетов Кейген пришел к выводу, что в условиях острой гиперинфляции все другие факторы, кроме ожидаемого темпа обесценения денег, не играют сколько-нибудь значимой роли. Его итоговая формула спроса на деньги имеет следующий вид:

$$\log_e \left(\frac{M}{p} \right) = -\alpha E - \gamma, \quad (18.3)$$

где M/p – реальные кассовые остатки; E – ожидаемый темп изменения цен; α и γ – числовые константы. В этой формуле большое значение придается величине коэффициента α , которая характеризует эластичность спроса на реальные остатки в зависимости от ожидаемого изменения цен. Чем выше числовое значение коэффициента, тем большим будет снижение спроса на деньги при данном темпе их обесценения.

Впервые в монетаристской практике Кейген разработал аддитивную схему формирования ожиданий, ставшую традиционной для работ фридменовской школы. В этой модели ожидания постоянно корректируются в зависимости от степени несовпадения прошлых предположений агентов о ходе инфляции с фактическим темпом изменения цен:

$$\frac{dE}{dt} = \beta (C_t - E_t), \quad (19.3)$$

где E – ожидаемый, а C – фактический темп роста цен; t – время, а β – "коэффициент ожиданий", характеризующий быстроту пересмотра хозяйственными агентами своих ценовых ожиданий в соответствии с реальным обесценением денег. Общее воздействие изменений денежной массы на динамику цен зависит от величины $\alpha\beta$, которая именуется "индексом реагирования". Согласно расчетам Кейгена, во всех исследованных им странах величина этого индекса была меньше единицы. Отсюда следовал важный вывод, что острая инфляция – это не "самоподдерживающийся" процесс: для его развития постоянно требуется дополнительная эмиссия денег⁵⁹.

Тезис о "чисто денежном" характере инфляции занял в последующие годы почетное место в арсенале монетаристов. В своей лекции "Контрреволюция в денежной теории" Фридмен заявил, например, что инфляция "всегда и везде" является денежным феноменом и что она "порождается или может быть порождена более быстрым ростом количества

денег по сравнению с темпом роста продукта". При этом особо подчеркивалась мысль о долговременной нейтральности денег. "В течение десятилетий, — разъяснял Фридмен, — темп денежного роста влияет преимущественно на цены, а в краткосрочном аспекте (который может длиться 5 или 10 лет!) денежные сдвиги оказывают прежде всего воздействие на производство" ⁶⁰.

Попытка объяснить современную динамику цен действием одних лишь денежных факторов имеет много слабых мест. Как всякая монопричинная трактовка сложных экономических процессов, она упрощает причинно-следственные связи. Конечно, деньги играют важную роль в повышении товарных цен. Без широкой кредитно-денежной экспансии, без постоянного поступления в оборот дополнительной массы платежных средств или увеличения скорости их обращения процесс инфляции не может кумулятивно развиваться и принимать широкие масштабы. В этом смысле эмиссия денег — обязательное условие повышения товарных цен. Но дает ли это основание рассматривать деньги как *конечную* причину развертывания инфляционного процесса? Работы многих исследователей убедительно показывают, что денежные сдвиги зачастую служат лишь отдаленной и отсроченной реакцией на глубинные диспропорции в воспроизводстве. В этих случаях подлинные факторы роста цен остаются за пределами денежного анализа.

Для объяснения причин современной инфляции необходимо учитывать такие реальные явления и процессы, как практика ценообразования крупных олигополистических объединений, оперирующих на отраслевых товарных рынках капиталистических стран, структурные и циклические сдвиги в системе воспроизводственных связей, влияние финансовых операций государства, противостояние классовых сил в буржуазном обществе, внешнеэкономические факторы и т. д. Все это — необходимые составляющие инфляционного процесса, которые не принимают ся во внимание монетаристами.

Вернемся к монетаристской теории инфляции. Как мы уже указывали, вплоть до конца 60-х годов она развивалась как теория частичного равновесия в денежном секторе хозяйства. Колебания уровня цен рассматривались исключительно как результат "скачков" денежной массы на фоне стабильного спроса на кассовые остатки. Этой позиции противостояли работы кейнсианского толка, где делалась попытка выявить связь между инфляционным процессом и состоянием рынка рабочей силы. В этой связи широкое распространение получил анализ, основанный на кривой Филлипса. Напомним, что в конце 50-х годов А. Филлипс обнаружил устойчивую статистическую зависимость между ставками заработной платы и нормой безработицы в Англии за весьма длительный период (1861—1957 гг.). Кейнсианцы увидели в расчетах Филлипса не просто эмпирическое отношение, а важный теоретический аргумент в пользу своих взглядов на природу инфляционного процесса. Предложенное Филлипсом отношение подверглось преобразованию: ставки заработной платы в регрессионных уравнениях были заменены показателем темпов роста товарных цен. В такой интерпретации кривая Филлипса превратилась в удобный инструмент для анализа экономической политики, и в частности условий достижения ее двух важнейших целей —

обеспечения высокого уровня занятости и производства и сохранения стабильности ценового уровня. Представители школы кейнсианко-неоклассического синтеза, основываясь на выводах кривой Филлипса, утверждали, что между указанными целями всегда существует разумный "компромисс", который дает правительству большие возможности для выбора приемлемого курса политики.

Логику рассуждений подобного рода можно проиллюстрировать с помощью графика (рис. 3). Кривая АВ, представляющая вариант кривой Филлипса, отражает все возможные сочетания значений двух параметров — темпов инфляции и нормы безработицы. Пусть исходному уровню безработицы соответствует темп роста цен P_1 . Допустим также, что этот уровень безработицы рассматривается правительством страны как слишком высокий. Чтобы снизить его, необходимо, согласно кейнсианским рецептам, осуществить ряд денежно-кредитных и бюджетных мероприятий по стимулированию спроса. В результате увеличится производство и будут созданы новые рабочие места. Норма безработицы упадет до U_2 , но одновременно усилится инфляция — темп роста цен повысится до P_2 . Обострение инфляции и обесценение денег могут вызвать тревогу финансовых и экономических кругов, и это вынудит правительство принять меры по "охлаждению" экономики посредством введения кредитных ограничений, сокращения бюджетных расходов и т. п. Цены упадут до P_3 , но одновременно придется пожертвовать высокой занятостью и пойти на увеличение безработицы до U_3 .

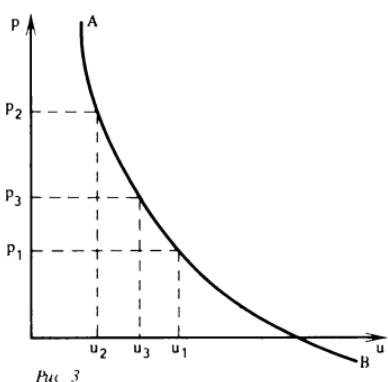

Рис. 3

Таким образом, кривая Филлипса в кейнсианской формулировке позволяла обосновать политику "быстрого реагирования" для целенаправленного воздействия на спрос и достижения разумного "компромисса" между целями экономической политики. В то же время эта схема давала кейнсианцам недостающее — "ценовое" — звено в их теоретической схеме.

Триумф кривой Филлипса длился, однако, недолго. Многие экономисты с самого начала выразили недоверие к кривой Филлипса и к попыткам вывес-

ти из статистического отношения, которое она отражала, устойчивую теоретическую закономерность. К числу наиболее острых критиков кейнсианской интерпретации кривой Филлипса относился и М. Фридмен. Его статью "Роль денежно-кредитной политики", где автор отрицает существование постоянного компромисса между инфляцией и безработицей, Р. Гордон назвал "самой влиятельной статьей за два последних десятилетия"⁶¹.

Фридмен попытался опровергнуть важнейший элемент кейнсианской доктрины — теорию "вынужденной" безработицы, которая органически вытекает из присущей капитализму нехватки эффективного спроса. Монетаристы же, исходя из своей трактовки системы, автоматически обеспечивающей максимальный уровень производства и занятости, считают,

что безработица носит добровольный характер, является результатом свободного выбора людей. Они доказывают, что если бы уволенные люди сменили профессию, переменили место жительства или согласились на более низкую заработную плату, то они нашли бы работу.

Важную роль в аргументации Фридмена играет проблема рыночного равновесия. Он вводит понятие естественного (равновесного) уровня безработицы, который "железно" определен структурными особенностями рынка рабочей силы с учетом разного рода рыночных деформаций, отсутствия сведений о потребности в трудовых ресурсах, вакансиях и т.д.⁶² В то же время эта норма не является абсолютно неизменной, она зависит от поведения отдельных социальных групп, от политики правящей администрации. Так, по Фридмену, действующие в США законы в области трудовых отношений (например, установление минимальных гарантированных ставок оплаты труда или выплата пособий по безработице), а также "мощь профсоюзов" ведет к "повышению естественного уровня безработицы по сравнению с тем, каким он был бы в противном случае".

Эти утверждения еще раз показывают, что монетаризм не является "политически индифферентной" доктриной. Монетаристская теория естественного уровня безработицы приводит к заключению о бессмыслии борьбы трудящихся за улучшение условий труда. Угрожая неминуемым ростом безработицы, она рекомендует смириться с теми условиями оплаты, на которые обрекают рабочих господствующие классы и острая конкуренция на рынке труда. Отсюда ясна также ошибочность встречающихся на страницах западной печати высказываний, что монетаризм якобы "более демократичен", чем кейнсиансское учение, поскольку он не связывает инфляцию с действием монополистических факторов (например, заработной платы, прибылей и т. п.), а акцентирует внимание исключительно на роли денег. Действительно, Фридмен, Кейген и другие монетаристы отрицают теорию издержек как объяснение причин устойчивого роста цен. "Несмотря на свою популярность, — пишет Фридмен, — теория, объясняющая инфляцию издержками, имеет очень ограниченную применимость. Если рост издержек не приведет к денежной экспансии... то влияние этого роста в лучшем случае сведется лишь к временному повышению общего уровня цен и увеличению безработицы с последующей тенденцией к новому снижению цен"⁶³. Из этого, однако, отнюдь не следует, что монетаристы проявляют сочувствие к трудовым классам. Напротив, теория естественной нормы безработицы снимает с капитализма ответственность за судьбы миллионов безработных и объявляет нехватку вакантных рабочих мест результатом "свободного выбора" людей, добровольно отказывающихся участвовать в трудовом процессе.

Еще один ключевой элемент в системе монетаристских взглядов — проблема инфляционных ожиданий. В кейнсианских моделях хозяйственных агенты ориентируются, как правило, на номинальные (денежные) ставки оплаты труда. Иначе говоря, они не принимают во внимание рост цен и довольствуются сиюминутным ростом номинального дохода. Применяя западную терминологию, можно сказать, что в этих моделях участники хозяйственного процесса подвержены "денежной

иллюзии". Монетаристская же схема, напротив, предполагает, что люди учитывают в своих расчетах только реальные (дефлированные) ставки заработной платы, т.е. постоянно делают поправку на возможное изменение покупательной силы денег в результате роста или снижения цен. На этих различиях базируется монетаристская критика кривой Филлипса. "Филлипс писал свою статью для мира, где все ожидают, что уровень номинальных цен будет стабильным", — пишет Фридмен⁶⁴. Но в обстановке быстрого роста цен поведение хозяйственных агентов меняется. Они начинают учитывать влияние будущей инфляции при заключении коллективных договоров и деловых контрактов. Соответственно большую роль начинает играть прогнозирование ценового уровня. Фридменовский подход основан на предпосылке аддитивного формирования ценовых ожиданий путем "обучения на ошибках". В этом случае показатель ожидаемого темпа инфляционного обесценения денег рассчитывается методом распределенного лага как геометрическая средняя из прошлых темпов роста цен с убывающими весами по мере удаления от настоящего времени. При этом постоянно учитывается степень расхождения между прошлой оценкой и фактическим темпом инфляции*. Подобная схема формирования ожиданий весьма удобна для формализации. Она получила большое распространение в литературе 50–60-х годов.

По мере приспособления хозяйственных агентов к процессу роста цен (иными словами, по мере исчезновения "денежной иллюзии") перераспределительные и стимулирующие стимулы инфляции ослабевают и декларируемая кривой Филлипса связь улетучивается. Монетаристская теория утверждает, что при надлежащем предвидении будущей динамики цен "реальный" эффект инфляции сводится к нулю. На графике такая ситуация выражается вертикальным положением кривой Филлипса. Чтобы восстановить стимулирующее влияние денежных импульсов на производство, нужны новые, неожиданные ("неантиципированные") вспышки инфляции, которые не учтены в хозяйственных договорах и соглашениях. "Только неожиданность имеет значение, — утверждает Фридмен. — Если бы все предвидели, что цены возрастут в течение года, скажем, на 20%, эти предвидения были бы включены в будущие контракты (по оплате труда и т.д.)... и не было бы оснований связывать 20%-ную инфляцию с каким-то иным уровнем безработицы, чем при полном отсутствии роста цен"⁶⁵.

Итак, говоря словами Фридмена, "...важна не инфляция вообще, а только неантиципированная инфляция; устойчивого компромисса между инфляцией и безработицей не существует, имеется естественный уровень безработицы, соответствующий реальным факторам... Безработицу можно удерживать ниже этого уровня лишь с помощью ускоряющейся инфляции или выше этого уровня — с помощью ускоряющейся дефляции"⁶⁶. Из этих положений следует вывод, что естественный уровень безработицы совместим с любым постоянным темпом инфляции, если этот темп полностью предвосхищается хозяйственными аген-

* Если обозначить $\hat{\pi}^*$ — ожидаемый темп инфляции, p и p^* — фактический и ожидаемый уровень цен, то $\pi^* = f(p - p^*)$.

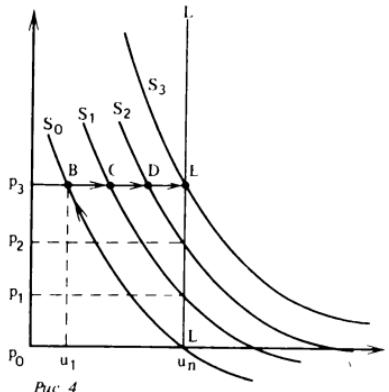

Рис. 4

тами. Вывести систему из равновесия могут лишь внезапные "денежные шоки" и возникающие на их основе неантиципированные вспышки инфляции, которые неожиданно для агентов снижают их реальную заработную плату. Чтобы постоянно поддерживать "ненормально высокий", по выражению Фридмена, уровень занятости, правительственные органы должны непрерывно стимулировать инфляцию, переходя от одного темпа, к которому уже привыкли хозяйствственные агенты, к новому, еще более высокому. Только такая политика может дать реальный краткосрочный эффект.

Монетаристский вариант кривой Филлипса, где учитываются инфляционные ожидания агентов производства, можно проиллюстрировать с помощью графика (рис. 4), где вертикальная линия LL обозначает долговременную равновесную кривую Филлипса. Она проходит через точку U_n , обозначающую естественный уровень безработицы. Кривые S_0S_0 ; S_1S_1 ; S_2S_2 ; S_3S_3 и т.д. – это краткосрочные кривые Филлипса, соответствующие различным ожиданиям будущего хода инфляционного процесса. Допустим, правительство предпринимает попытку снизить норму безработицы до U_1 . Уровень инфляции повысится в этом случае до P_3 : Но при сохранении этого темпа инфляции ожидания дальнейшего обесценения денег будут усиливаться, а стимулирующее влияние инфляции на состояние экономики – снижаться. Это приведет к перемещению краткосрочной кривой на графике вправо, в положение S_1S_1 , S_2S_2 и т.д., что свидетельствует об ухудшении "компромисса", ибо одному и тому же уровню инфляции (P_3) будет соответствовать все меньший уровень занятости. Этот процесс будет продолжаться, пока при сохранении инфляции на уровне P_3 не будет достигнута точка E , т.е. точка равновесия, где безработица совпадает с ее "естественным" уровнем. Чтобы в этих условиях придать экономике новый стимулирующий импульс, нужно еще более повысить темп инфляции (до P_4 , P_5 и т.д.). Это вновь снизит безработицу и положит начало новому этапу корректировок. Следовательно, в схеме Фридмена денежные импульсы на короткое время улучшают хозяйственную ситуацию, но лишь ценой будущего ускорения темпов инфляционного давления.

Оценивая позицию монетаристов, канадский экономист Дж. Корнуолл пишет: "Безработица (в монетаристской схеме. – В. У.) является либо "структурной", т.е. связанной с рыночными нарушениями, порождаемыми, например, действиями профсоюзов или законами о минимальном гарантированном уровне зарплаты, либо добровольной и "фрикционной", когда люди уходят с работы в поисках лучших условий... В конечном счете безработица преимущественно, если не полностью, является добровольной и не связанной с издержками..." "Согласно этому взгляду, – иронически замечает Корнуолл, – тридцать пять миллионов рабочих в странах ОЭСР (имеются в виду безработные. – В. У.)

предпринимают сейчас "целенаправленный поиск улучшения своего положения""⁶⁷.

Ошибочность монетаристских оценок положения на капиталистическом рынке труда видна невооруженным глазом. Монетаристы обвиняют рабочих, что они-де сознательно воздерживаются от работы и получают за это компенсацию за счет государственных пособий. Отсюда рекомендации отменить эти пособия, чтобы заставить людей работать. Политика стимулирования экономического роста и искусственного поддержания занятости выше естественного (равновесного) уровня, утверждают они, и ведет к утрате контроля над инфляцией. Поэтому следует отказаться от стимулирования экономического роста путем искусственного нагнетания спроса. В такой постановке безусловный приоритет среди целей экономической политики отдается поддержанию ценовой стабильности и искоренению инфляционных ожиданий. Отсюда пропаганда дефляционных мероприятий как средства ограничения платежеспособного спроса. "Чтобы противодействовать инфляционным ожиданиям, — писал Кейген, — необходимо сократить совокупный спрос в размере, достаточном для нейтрализации тех увеличений заработной платы и цен, которые порождены этими ожиданиями. Так как ожидания частично основываются на прошлом опыте, то в периоды развертывания инфляции необходимо с помощью средств денежно-кредитной политики ограничивать совокупный спрос в большей степени, чем это требовалось бы в другое время"⁶⁸.

Политика "денежного зажима" с целью ограничения спроса чревата огромными потерями для народного хозяйства. В последние годы в западной литературе получили распространение сопоставительные оценки выигрыша и потерь от антиинфляционной политики. Согласно расчетам А. Оукена, опубликованным в конце 70-х годов, меры, необходимые для снижения темпов инфляции только на один пункт, приводят к сокращению годового ВНП на 10%. Если эти расчеты правильны, то в 1980 г. было потеряно конечной продукции на сумму свыше 260 млрд долл. Р. Гордон оценивал годовые потери продукции от снижения темпов инфляции на один пункт несколько меньшей суммой — 152 млрд долл. "Во всяком случае, — отмечает канадский экономист Л. Осберг, приводящий эти цифры, — любые оценки потерь от спада производства больше по своим размерам, чем сумма предвосхищаемого выигрыша от снижения темпов инфляции"⁶⁹. Осберг называет "пирровой победой" снижение темпов инфляции в начале 80-х годов, достигнутое благодаря дефляционной политике правительства главных капиталистических стран. Он подчеркивает, что "потери, понесенные в этой кампании (против инфляции. — В. У.), выразившиеся в появлении 32 млн безработных в странах ОЭСР, были значительно большими, чем ожидалось...". При неминуемом возобновлении инфляции в будущем издержки по борьбе с нею еще более возрастут. "Нужно серьезно отнестись к вероятности того, — пишет Осберг, — что безработица в следующей фазе цикла достигнет 13–15% (от уровня рабочей силы. — В. У.)..."⁷⁰

Оценка монетаристами причин современной инфляции и мер по борьбе с нею — пример доктринерского подхода к решению сложного комплекса социально-экономических проблем. Инфляция не является

“чисто денежным” явлением, она коренится в самой природе государственно-монополистической экономики. Поэтому резкое сокращение денежной эмиссии, рекомендуемое монетаристами, хотя и может способствовать снижению темпов инфляции, не устраниет глубинных источников этого процесса.

Возьмем, например, практику взвинчивания цен крупными компаниями в отраслях с высоким уровнем концентрации производства и капитала. Установление завышенных цен на продукцию, занимающую важное место в экономическом обороте, неизбежно влечет за собой общую перестройку ценовой структуры, дает импульс к “дрейфу” цен в сторону их повышения. Еще в 30-х годах американский экономист Г. Минз обнаружил значительную негибкость цен по обширному кругу товаров, отсутствие их нормальной реакции на изменения рыночного спроса в ходе промышленных циклов. Он высказал предположение, что в этом виновна политика крупных компаний в монополизированных отраслях. В отличие от цен на конкурентных рынках, колеблющихся более или менее свободно, он назвал такие цены “администрируемыми”, т. е. определяемыми по усмотрению руководителей крупных концернов⁷¹. Впоследствии тезис о фиксации цен в условиях высокоразвитой монополистической структуры хозяйства получил широкое распространение среди экономистов кейнсианского направления.

Спор вокруг “администрируемых цен” разгорелся с новой силой в 60–70-х годах, когда практика взвинчивания цен крупными компаниями приобрела широкие масштабы. Конгресс США был вынужден неоднократно проводить специальные слушания по рассмотрению практики монополистического ценообразования⁷². Было, в частности, достоверно установлено, что преднамеренное завышение цен в сталелитейной промышленности в конце 50-х – начале 60-х годов дало мощный импульс к перестройке сложившихся ценовых пропорций и усилению инфляции.

При установлении цен крупные компании обычно ориентируются на целевую норму прибыли, которая позволяет им сохранить долю рынка и обеспечить выплату высоких дивидендов независимо от изменений конъюнктуры. Главное в этой практике – определение таких ценовых надбавок к издержкам (mark-ups), которые гарантируют получение запланированной прибыли при стандартном объеме производства. Цены в этом случае обнаруживают противоциклическое движение: они особенно быстро растут в периоды кризисных падений производства, чтобы восполнить сокращение поступлений от реализации продукции.

Тезис, что монополизированные отрасли служат главным виновником устойчивого повышения цен и роста безработицы, был встречен в штыки как представителями крупного бизнеса, так и консервативным крылом экономической науки. Американские экономисты Х. Деподвин и Р. Селден, например, отвергли доводы Минза о наличии элементов “администрируемой инфляции” в ряде отраслей США, где “лишь около 10% увеличения цен... за шесть лет (1953–1959 гг. – В. У.) можно объяснить ссылкой на концентрацию производства”⁷³. Некоторые авторы изображают крупный капитал не инициатором, а жертвой инфляционного процесса. Например, Л. Вейс, обнаруживший на основе данных за

1953–1963 гг. связь между уровнем промышленной концентрации и динамикой цен в обрабатывающей промышленности США, интерпретировал этот факт как "отсроченную реакцию" монополизированных отраслей на "великую инфляцию 40-х годов", кредитные ограничения 50-х годов и отмену контроля над ценами после корейской войны⁷⁴.

В свою очередь Ф. Кейген выдвинул версию, что крупные компании в монополизированных отраслях служат лишь "передаточным механизмом" инфляционных процессов и не являются инициаторами роста цен. В книге "Упорная инфляция: очерки истории и политики" он пишет, что для "администрируемых" цен характерна тенденция к "отставанию и наверстыванию" (lag and catch-up) и что гигантские концерны лишь "растягивают" инфляционный процесс во времени, но не возглавляют его⁷⁵. Подобная трактовка выглядит особенно искусственной в свете событий 70-х годов, когда многие монополии (например, нефтяные) получили рекордные прибыли именно за счет резкого повышения цен. Это, разумеется, не исключает и ускоренного переложения на потребителя возросших издержек производства*.

Монетаристы оказывают поддержку крупному капиталу, обвиняя в усилении инфляции лишь правительственную политику и сосредоточивая внимание на одном факторе – быстром увеличении платежных средств в обороте. В современных условиях жесткое противопоставление денежных и неденежных источников инфляции утрачивает всякий смысл: и те и другие причины теснейшим образом взаимосвязаны, их совокупное влияние сливается в единый процесс роста цен.

Инфляция и другие хозяйствственные трудности привели к резкому обострению борьбы между трудом и капиталом. Столкнувшись с неизменноющей эрозией доходов, рабочий класс прибег к единственному доступному средству борьбы за сохранение жизненного уровня – забастовочному движению. Трудящимся ряда стран, особенно западноевропейских, удалось добиться в 60-х – начале 70-х годов повышения номинальных ставок заработной платы и на какое-то время нейтрализовать или отсрочить отрицательное влияние обесценения денег. Печать организовала яростную кампанию против профсоюзов, объявляя повышение заработной платы главным фактором инфляционного роста издержек и цен.

Опыт 70-х годов показал ложность этих обвинений. Все растущее число экономистов, социологов, политических деятелей вынуждено было признать, подобно шведскому профессору Э. Дамэну, что "наиболее крупные повышения заработной платы обычно происходят в ответ на фактический или предполагаемый рост стоимости жизни или налогов"⁷⁶. В Англии, где тезис о "взрыве заработной платы" как причине усиления инфляции использовался буржуазной прессой особенно активно, многие исследования выявили сугубо оборонительный характер политики тред-юнионов. Было показано, что вздувание цен сознательно используется предпринимателями, чтобы не допустить нежелательного

* Дж. Тобин прямо признает, что в случае роста заработной платы "корпорации просто перекладывают с помощью надбавок к ценам возросшие затраты по найму рабочей силы на беспомощного потребителя" (Tobin J. Inflation and Unemployment//American Economic Review. 1972. III. P. 13–14).

перераспределения доходов и свести на нет уступки, вырванные рабочими в результате многолетней борьбы⁷⁷.

Особенно убедительно опровергают тезис о заработной плате как инициативном факторе инфляции события второй половины 70-х и начала 80-х годов. Темп увеличения заработной платы систематически отставал от роста цен. В США, например, в 1975 г. в результате резкого скачка цен реальные часовые ставки заработной платы снизились на 3,5%, что эквивалентно потере 32 млрд долл. дохода. Новое ускорение инфляции в 1979 г. вновь привело к уменьшению реальных ставок на 3% и потере еще 45 млрд долл. годового дохода⁷⁸. В ряде других стран повышение расходов на оплату труда в стоимости единицы продукции в последние годы резко замедлилось и не могло быть причиной новой инфляционной волны.

Таким образом, попытки поставить на одну доску крупные компании и профсоюзы, объявив их обладателями "монопольной рыночной силы", равно как и связанный с этим вывод, что они в одинаковой мере виновны в росте цен, не соответствуют фактическому положению. Именно трудящиеся – главная жертва инфляции, неуклонно урезывающей их реальные доходы, несмотря на рост номинальных ставок заработной платы. Крупные же компании располагают хорошо отлаженным механизмом вздувания цен, который используется ими не только для перекладывания на потребителей возросших издержек производства, но и для получения реального финансового выигрыша.

Валютный курс и платежный баланс

Предшествующий анализ относится к так называемому внутреннему монетаризму, или монетаризму "замкнутой экономики", где национальное хозяйство рассматривается как изолированная система, не подверженная воздействию внешнеэкономической среды. Такой подход в течение многих лет был характерен для самых различных течений макроэкономической мысли на Западе. Дело в том, что экономический кризис 1929–1933 гг. привел к резкому сужению мирохозяйственных связей, обострению конкуренции и появлению многочисленных торговых и валютных ограничений. Вторая мировая война усилила изоляционистские тенденции. Первое послевоенное десятилетие характеризовалось полным господством США на мировых рынках и "долларовым голодом", что также не способствовало либерализации торговли и снятию валютных барьеров. В этих условиях, как отмечал Г. Джонсон, западная наука основывала свой анализ "на допущениях замкнутого хозяйства и рассматривала международные экономические отношения как возникающие время от времени, но в общем как периферийные ограничения экономической политики"⁷⁹.

Это не означает, конечно, что проблемы внешнеэкономических отношений не ставились в экономической литературе 40–50-х годов. С момента зарождения монетаристской школы ее лидеры уделяли значительное внимание вопросам устройства международного платежного механизма и методам балансирования внешнеэкономической сферы. М. Фридмен, в частности, посвятил этой теме ряд своих работ. В одной

из первых статей – "Доводы в пользу гибких валютных курсов" (1953) он выступил с обоснованием коренной реформы международной валютной системы, направленной на отмену фиксированных валютных курсов и на переход к свободной торговле золотом⁸⁰.

Здесь следует указать на некоторые особенности функционирования мировой валютной системы капитализма по окончании второй мировой войны. С 1944 г. и до начала 70-х годов основные принципы международных платежных отношений регулировались Бреттон-вудскими соглашениями, устанавливавшими фиксированные валютные курсы. Валюты капиталистических стран были привязаны к доллару США через официально утвержденные Международным валютным фондом паритеты, а сам доллар был прикреплен к золоту благодаря обязательству казначейства США продавать правительстенным институтам и центральным банкам других стран золото по неизменной цене – 35 долл. за одну унцию металла. Система такого рода не была приспособлена для быстрого и квазиавтоматического устранения диспропорций в сфере международных платежей и расчетов. Она существенно ограничивала возможности расширения суммы платежных средств во внешнем обороте и приводила к возникновению острых кризисов международной ликвидности.

Создатели Бреттон-вудской системы стремились внести организующее начало в процесс международных платежей и расчетов. Их модель платежного механизма воплощала кейнсианскую мечту о наднациональных валютных органах, регулирующих межстрановые экономические отношения. Но уже самый принцип действия этой системы блокировал стихийные механизмы приспособления отдельных стран к меняющейся ситуации на мировых товарных и валютных рынках. Единственным легальным каналом ликвидации образовавшихся диспропорций были санкционируемые МВФ девальвации (или ревальвации) валют, т. е. снижение (или повышение) их официальных паритетов по отношению к доллару США. Эти меры применялись обычно тогда, когда противоречия уже отчетливо выявились и приняли широкие масштабы, т. е. когда фактически страна находилась на грани валютного кризиса. Кроме того, положительный эффект девальваций был, как правило, весьма кратковременным и сопровождался негативными последствиями для внутренней экономики. Бреттон-вудская система постепенно превратилась в тормоз, сдерживающий экономическое развитие капиталистических стран в условиях послевоенной интернационализации производства и быстрого развития международного разделения труда.

Монетаристские лидеры активно выступали против системы централизованного регулирования международных экономических отношений, видя в ней еще одно проявление ненавистного им государственного вмешательства в экономический процесс. Их выступления сыграли важную роль в создании оппозиции курсу правительстенных кругов США на сохранение системы фиксированных паритетов, с помощью которой американские власти стремились закрепить экономическое и политическое лидерство США в капиталистическом мире.

Анализируя возможные способы ликвидации диспропорций во внешнеэкономической сфере, Фридмен выделяет два метода, которые, по его мнению, совместимы со свободным рынком и свободной тор-

говлей. Это, во-первых, "автоматически действующий международный золотой стандарт", который в современных условиях не является "ни возможным, ни желательным", и, во-вторых, "система свободно колеблющихся валютных курсов, определяемых на рынке частными сделками, без государственного вмешательства". Основная задача, пишет Фридмен, заключается в том, чтобы "решить проблему сбалансирования платежей, используя такой механизм, который даст возможность силам свободного рынка обеспечить быстрый, эффективный и автоматический отклик на изменения условий в сфере мировой торговли"⁸¹.

Показательно, что Фридмен отвергает золотой стандарт и высказывает за систему свободно колеблющихся курсов. Он признает, что возврат к золоту в наши дни невозможен. "Только интеллектуальная неразвитость заставляет нас все еще думать о золоте как о центральном элементе денежной системы". Это не "ключ" к денежному механизму, а "прежде всего товар, цена которого поддерживается на определенном уровне, подобно цене пшеницы и других сельскохозяйственных товаров"⁸².

Практические предложения Фридмена в области реорганизации мировой валютной системы сводились к следующим пунктам: 1) отмена фиксированной цены золота; 2) отмена законов, запрещающих частным лицам в США владеть золотом; 3) отмена золотого обеспечения внутреннего денежного обращения в США; 4) продажа банками США всего золота на открытых аукционах по рыночным ценам; 5) отмена официально фиксированных паритетов между долларом США и другими валютами и отказ правительственные органов от интервенции на валютных рынках с целью воздействия на курс валюты; 6) предоставление другим странам возможности поддерживать курс своей валюты в отношении доллара США⁸³. Значительная часть этих предложений с различными модификациями была впоследствии принята правительством США и Международным валютным фондом.

Спор о надлежащем устройстве валютной системы резко обострился в конце 60-х годов, когда система находилась в состоянии глубокого кризиса. Специфика противоречий между монетаристами и кейнсианцами по вопросам валютной реформы особенно ярко проявилась на конференции, созванной в октябре 1969 г. федеральным резервным банком Бостона. Доказывая на конференции необходимость перехода к свободно колеблющимся курсам, Фридмен заявил, что фиксация паритетов к этому времени по существу выродилась в пустую формальность. Так, по данным Международного валютного фонда, среди двух десятков развитых стран капитализма только две (США и Япония) не изменили к концу 60-х годов своих паритетов, тогда как остальные страны (кроме ФРГ) девальвировали свои валюты, из них половина — более чем на 30%⁸⁴. Фридмен усматривает здесь наглядное свидетельство неэффективности системы фиксированных паритетов, которая была направлена на предотвращение курсовых колебаний, сведение их к минимуму.

Оппонент монетаристов Ч. Киндлбергер, напротив, отстаивал принцип привязки капиталистических валют к доллару. Несбалансированность платежных балансов порождается многими причинами, например "избыточными расходами, чрезмерной эмиссией денег, слишком низ-

ким процентом, слишком высокими ценами, чрезмерно высокой зарплатой, недоверием к валюте" и т. д. Эти дефекты не могут быть устранины простым введением колеблющихся курсов. По мнению Киндлбергера, "первым наилучшим решением" (the first-best solution) было бы принятие схемы "мировые деньги и мировой валютный орган". Однако, поскольку подобная альтернатива, равно как и возврат к золотому стандарту, в современных условиях "политически недостижима", Киндлбергер высказывается за сохранение "междунардно управляемого долларового стандарта". Наименее же желательным вариантом является переход к гибким валютным курсам.

Позиция Киндлбергера вызвала острую ответную реакцию со стороны Фридмена. "Всемирный валютный орган, – заявил он, – это политически безответственный орган, который не является представительным учреждением... В лучшем случае это благосклонная диктатура "экспертов", выбранных произвольным путем... Мировые деньги со всемирным валютным органом – это не первый наилучший, а первый наихудший вариант..."⁸⁵

Дальнейший ход событий показал, что монетаристы более реалистично оценили состояние валютной системы Запада, указывая на невозможность сохранения фиксированных паритетов. Резкое сокращение золотого запаса вынудило США в 1968 г. отменить золотое покрытие банкнот и резервных депозитов во внутреннем обращении. Это подорвало доверие к долларовому стандарту. Еще одной мерой, оказавшей отрицательное влияние на устойчивость мировой валютной системы, было введение двухъярусного рынка золота, когда для официальных учреждений по-прежнему сохранялась цена 35 долл. за унцию золота, а на частном рынке цена регулировалась соотношением спроса и предложения металла. В результате начался быстрый рост цены золота.

В августе 1971 г. США девальвировали доллар, повысив официальную цену золота до 38 долл. за унцию, а в декабре того же года было принято Смитсоновское соглашение, заменившее собой Бреттон-вудские соглашения. Обратимость доллара в золото была прекращена. Наконец, в феврале 1973 г. Бреттон-вудской валютной системе был нанесен последний удар. Последовала новая девальвация доллара – официальная цена золота повысилась до 42,2 долл. за унцию. Золотые запасы казначейств и центральных банков были переоценены по цене свободного рынка, составлявшей в тот момент 180 долл. за унцию. Но наиболее важный сдвиг заключался в переходе к практике плавающих курсов.

Ямайская сессия МВФ в 1976 г. зафиксировала отход от принципов Бреттон-вудской системы. На ней было объявлено о запрете использовать золото в качестве основы установления валютных паритетов, что по существу означало отказ от попыток восстановления золотого стандарта в каких-либо формах. Часть имеющегося у МВФ золота была продана на аукционах. Были также приняты меры по укреплению позиций "коллективной валюты" (СДР) и превращению ее в основной вид валютных резервов. Однако в дальнейшем надежды, возлагавшиеся на СДР, не оправдались, главную роль в мировом обороте по сей день продолжают играть резервные валюты, в первую очередь доллар США.

Принятие системы плавающих курсов не означало перехода к отстай-

ваемому монетаристами принципу свободного колебания валют. Большинство стран сохранило привязку своих валют к "сильным" валютам или СДР и периодически осуществляло меры валютной интервенции для поддержания курсов в определенных границах. Что касается США, то наряду с периодическими манипуляциями на валютных рынках они использовали режим "плавания" для укрепления своих конкурентных позиций, нимало не заботясь о последствиях этой политики для других стран и для мировой конъюнктуры в целом. Когда, например, в 1977–1978 гг. в торговом балансе США возник большой дефицит, казначейство и ФРС устранились от операций по стабилизации доллара, допустив резкое и длительное снижение его курса в отношении других валют. Эта политика нанесла большой экономический ущерб партнерам США. Отрицательно сказалась на мировой торговле и длительная завышенность курса доллара в начале 80-х годов, связанная с существованием значительных различий в уровнях процентных ставок и нежеланием американских органов денежно-кредитного контроля принять какие-либо меры для снижения процента. Аналогичным образом действовала американская администрация и в момент резкого падения курса доллара в 1985–1988 гг.

Таким образом, утверждения монетаристов, что с расширением пределов колебаний валютных курсов наступит эра валютной стабильности, не оправдались. Отход от твердых паритетов не устранил несбалансированности платежных балансов и вместе с тем не смог оградить экономику капиталистических стран от новых потрясений. 70–80-е годы были отмечены невиданным за послевоенный период разгулом инфляции и беспрецедентным повышением уровня безработицы. В результате многие экономисты, которые вначале поддерживали идею перехода к плавающим курсам, видя в них панацею от всех бед, затем начали высказывать свою неудовлетворенность слабыми результатами этой акции.

К началу 70-х годов в рамках монетаристской школы сложилось своеобразное разделение труда. Одна группа ее сторонников сосредоточила усилия на разработке и отшлифовке "внутренних" аспектов монетаризма (Фридмен, Кейген, Бруннер и т. д.). Другая занялась развитием монетаристских подходов к анализу внешнеэкономических отношений и проблем взаимосвязи внешнего сектора экономики с внутренним механизмом воспроизводства. Так сложился "монетарный подход к платежному балансу" (monetary approach to the balance of payments), от которого в свою очередь отпочковались различные ответвления.

У истоков "международного монетаризма" находились две крупные фигуры – Г. Джонсон и Р. Манделл. Оба они в течение многих лет руководили работой лаборатории международной экономики в Чикагском университете. В разработке указанного направления приняли также активное участие Дж. Френкель, А. Лаффер, Р. Дорнбуш, А. Свобода, М. Мусса, М. Майлз, в большинстве своем выходцы из Чикагского университета и бывшие студенты Джонсона и Манделла.

Основная идея монетарного подхода к платежному балансу заключается в том, что решающую роль в формировании конъюнктуры на ми-

ровом валютном рынке играют денежные факторы и, следовательно, для анализа внешнеэкономических процессов лучше всего использовать аппарат спроса и предложения денег на внутреннем рынке. Г. Джонсон в 1958 г. писал, например, что неравновесия платежного баланса являются "по самой своей сути денежным явлением" и что они тесно связаны "со способностью банковской системы страны создавать деньги..."⁸⁶. Характеристика платежного баланса как "денежного явления" стала магической формулой нового учения. Необходимо учитывать, что монетаристы предложили особую трактовку самого понятия "платежный баланс". Для них это не вся совокупность статей, отражающих операции резидентов страны с заграницей, а лишь *итог* этих операций, конечное сальдо всех поступлений и платежей по внешним расчетам. Сальдо совпадает в монетаристских схемах с изменениями суммы официальных золотовалютных резервов в центральном банке страны. А поскольку золотовалютные резервы служили в 50-х годах формой обеспечения эмиссии денег, то возникла прямая линия связи между состоянием внешних расчетов и внутренним денежным обращением. На этом и основана трактовка платежного баланса как "денежного явления".

Монетарный подход к платежному балансу противостоит кейнсианским методам анализа внешнеэкономических неравновесий. В 30-х годах был популярен "подход эластичности" (elasticity approach), имевший целью выявить эффективность девальвации валюты как метода улучшения экономического положения страны. Этот подход основывался на кейнсианских предпосылках о неэффективности (в условиях краха золотого стандарта) рыночных методов устранения несбалансированности внешних расчетов и об избытке материальных ресурсов и рабочей силы, которые могут быть дополнительно вовлечены в производство. Предполагалось, что основным гарантом стабильности должен выступать не рынок, а государство, причем в качестве главного средства для этого рекомендовалась девальвация валюты, снижение ее паритета в отношении других валют. Аргументация сводилась к тому, что снижение курса валюты ограничивает импорт иностранных товаров и стимулирует собственный экспорт, в результате чего внутренний спрос на продукцию национального производства возрастает. При наличии неиспользуемых мощностей и безработицы это приводит к росту производства, причем в размерах, значительно превышающих первоначальный импульс (внешнеторговый мультиликатор). Отсюда следовал вывод об эффективности девальваций как метода стимулирования хозяйственной активности.

После окончания войны "подход эластичности" в значительной мере утратил привлекательность. Кейнсианский прогноз "вековой стагнации" и хронической избыточности ресурсов в капиталистической экономике не оправдался. В теоретической литературе получил распространение "подход поглощения" (absorption approach), который рассматривал пути достижения внешнеэкономического равновесия при наличии высокого уровня производства и занятости. В этих условиях девальвация валюты не может повысить объем производства, а лишь оказывает давление на цены, стимулирует инфляцию. Поэтому, полагали сторонники подхода, следует сочетать девальвацию, как сред-

ство улучшения внешнего баланса, с политикой дефляции и кредитно-финансовых ограничений внутри страны для урезывания избыточного спроса и пресечения роста цен. Эти положения были развиты в 50-х годах Дж. Мидом, С. Александером и Я. Тинбергеном⁸⁷.

В "подходе поглощения" платежный баланс страны представлен в такой форме, которая позволяет увязать его со стандартной кейнсианской моделью формирования национального дохода. Сальдо платежного баланса (B), которое сторонники подхода обычно отождествляют с сальдо по текущим операциям, приравнивается к разнице между внутренним конечным продуктом (Y) и общей суммой расходов на покупку товаров и услуг (E):

$$B = Y - E. \quad (20.3)$$

Поскольку в кейнсианской теории расходы зависят от доходов и от правительственные мер по регулированию спроса (налоги, расходы бюджета, денежно-кредитная политика и т. д.), а объем экспорта и соотношение между потреблением местных и импортных товаров – от динамики валютного курса, то необходимо такое сочетание правительственные мероприятий, которое одновременно обеспечило бы высокий уровень производства, занятости и равновесие платежного баланса.

Важной чертой "подхода поглощения" была вера в возможность эффективной нейтрализации влияния внешнекономических сдвигов на состояние внутреннего денежного обращения с помощью традиционных методов экономической политики. Сторонники подхода полагали, что в случае притока в страну золота и валюты из-за границы эти резервы подвергаются "стерилизации". Центральный банк может продать ценные бумаги на открытом рынке, или повысить норму обязательных резервов коммерческих банков, или принять другие меры кредитной рестрикции с целью ограничить эмиссию денег и не допустить нарушения равновесия на денежном рынке страны. Напротив, в случае образования дефицита в платежном балансе и отлива из страны валютных резервов центральный банк может предотвратить сокращение внутренней денежной массы и устраниТЬ неблагоприятные последствия такого сдвига путем активного стимулирования кредитных операций банков. Эти положения выражали "активистскую" философию кейнсианского учения, веру в возможности государственного регулирования капиталистического рынка.

Монетарный подход к платежному балансу в качестве своей отправной точки использует заложенный в "подходе поглощения" принцип сведения платежного баланса к его конечному сальдо. Но если кейнсианская методология основана на последовательном изучении структуры баланса, его составных частей и сальдо по отдельным разделам баланса (текущим операциям, движению капиталов и т. д.), то монетаристов структура внешних платежей и расчетов не интересует. Они сосредоточивают внимание лишь на одной – "замыкающей" – статье баланса, а именно на изменениях официальных золотовалютных резервов.

Еще одно существенное отличие состоит в том, что монетарный подход отрицает предпосылку эффективной "стерилизации" последствий внешнеэкономических сдвигов. "Новый подход, — пишет Джонсон, — исходит из предположения, что приливы и отливы денег, связанные с образованием положительного сальдо или дефицита платежного баланса, не подвергаются стерилизации или, во всяком случае, не могут быть устранины в течение периода, приемлемого для анализа" ⁸⁸.

В монетарных моделях платежного баланса денежная масса аналитически разделяется на два компонента: "внутренний" (депозитная эмиссия, возникающая в процессе банковского кредитования и опирающаяся на "внутренний" компонент "денежной базы" — наличные деньги и резервные депозиты в центральном банке) и "внешний" (эмиссия, связанная с изменениями централизованных золотовалютных резервов страны). Если обозначить денежную массу M_S , "внутреннюю" депозитную эмиссию — D и эмиссию, обеспеченную валютными резервами, — R , получим:

$$M_S = D + R, \text{ или } R = M_S - D. \quad (21.3)$$

Указанное отношение можно выразить в темпах прироста:

$$\frac{dR}{dt} = \frac{dM_S}{dt} - \frac{dD}{dt}. \quad (22.3)$$

Один из видных представителей монетарного подхода, А. Свобода, замечает: "Поскольку $\frac{dR}{dt}$ — это не что иное, как сальдо платежного баланса, которое в точности равно разнице между темпом изменения денежного запаса и темпом внутренней кредитной экспансии, то совершенно очевидно, что баланс платежей представляет собой денежное явление" ⁸⁹.

Здесь мы подходим к центральному пункту монетарного тезиса о платежном балансе — положению о связи процессов денежного обращения с итоговым сальдо внешнеэкономических операций. Суть позиции монетаристов состоит в том, что импульсы, идущие от денежного рынка к платежному балансу, рассматриваются как главные и определяющие. Именно здесь, в процессах уравнивания спроса и предложения денег, заключена та магическая пружина, которая автоматически, без вмешательства извне, приводит к ликвидации неравновесий и диспропорций платежного баланса. Как пишет Джонсон, "колебания денежной массы вокруг спроса на нее... должны способствовать установлению равновесия между ними и сопровождаться уравниванием баланса внешних платежей". Он добавляет, что дефицит или положительное сальдо платежного баланса следует рассматривать при таком подходе как "фазы корректировки запаса денег на денежном рынке" ⁹⁰.

Как говорилось в предшествующих разделах работы, основным фактором устойчивости в системе монетаристских связей является стабильная функция спроса на деньги. Если фактическая денежная масса не соответствует "желаемому" уровню, то включается стихийный процесс корректировки, уравнивающий эти величины.

В открытой экономике механизм, обеспечивающий равновесие денежного рынка, приобретает новые черты. Для его рассмотрения Джонсон предложил в свое время модель "малой страны с открытой экономикой", которая получила большую популярность в монетаристской литературе. При фиксированных валютных курсах малая страна утрачивает экономический суверенитет. Она не может контролировать ни свою денежную массу, ни цены, ни процентные ставки.

Если обратиться к уравнению (21.3) и заменить предложение денег (M_S) спросом на них (M_d) (в условиях равновесия эти величины равны), то получим:

$$R = M_d - D. \quad (23.3)$$

Здесь выражена главная функциональная зависимость между суммой золотовалютных резервов страны (R) и степенью несовпадения спроса на деньги и внутренней кредитной экспансии (предложения денег). Если, например, внутренний компонент денежной массы (D) недостаточен для удовлетворения спроса или, наоборот, превышает его, то в действие вступает "внешний" канал, который приводит денежную сферу в равновесие и одновременно "исправляет" платежный баланс. Так, в случае нехватки денег во внутреннем обороте резиденты страны расширяют продажу товаров и ценных бумаг на внешнем рынке. Платежный баланс улучшится, валютные резервы страны возрастут. Соответственно расширится внешний компонент денежной базы и денежная масса в целом. Одновременно с ликвидацией диспропорций на денежном рынке придет в равновесие платежный баланс. В обратной ситуации, если внутренняя кредитная экспансия превысит спрос на кассовые остатки, резиденты ответят на это усиленной покупкой товаров и ценных бумаг за границей. Платежный баланс ухудшится, валютные резервы сократятся. В итоге денежная масса сократится за счет своего внешнего компонента, и это будет способствовать выравниванию платежного баланса.

Важным условием работы подобного механизма является наличие системы жестко фиксированных курсов, когда управление диспропорций во внешней сфере осуществляется не за счет изменения курса валюты, а путем перевода валютных резервов из одной страны в другую. Одним из последствий подобной ситуации будет утрата контроля над денежным обращением и неспособность страны ограничить темпы роста цен. Таким образом, монетарный подход к платежному балансу приводит к иным выводам, чем "внутренний" монетаризм. Один из непреложных канонов последнего – денежная масса экзогенна и зависит исключительно от политики центрального банка. С позиций же "международного монетаризма" наличие "внешнего окна" в виде притока или отлива валютных резервов и соответствующего автоматического изменения "базы" денежного обращения лишает центральный банк свободы действий. Как писал Джонсон, денежная политика в этих условиях "определяет не денежную массу, а лишь соотношение элементов обеспечения денежной эмиссии... валютных резервов и внутреннего кредита"⁹¹. Чтобы денежные власти обрели свободу действий, необходимо, по усло-

виям модели, либо отказаться от предпосылки "малой страны", либо перейти к системе колеблющихся курсов.

Так, в противовес модели "малой страны" в монетаристской литературе рассматривается случай "крупной страны с резервной валютой", на долю которой приходится значительная часть мирового производства, что ограждает ее экономику от капризов мировой конъюнктуры. До отмены Бреттон-вудских соглашений только Соединенные Штаты могли претендовать на роль такой страны. Важное значение имело при этом то обстоятельство, что доллар США выполняет функции резервной валюты для стран капиталистического мира. Благодаря этому США могли в течение многих лет покрывать дефицит платежного баланса, накапливая задолженность перед заграницей без полного истощения своего золотого запаса. Типичный для монетарных моделей механизм связи между денежным обращением и платежным балансом дает здесь осечку. ФРС сохраняет способность регулировать денежную массу, и соответственно вступают в действие законы "внутреннего" монетаризма. Зато свобода действий стран-партнеров полностью парализована. Будучи вынуждены (в условиях фиксированных паритетов) поддерживать курс своей валюты к доллару, они покорно следовали за США, реагируя на все "скачки" ее внутренней эмиссии.

Один из элементов "международного монетаризма" – теория всемирной инфляции. Особенно большое внимание ей уделяют глобалисты, которые рассматривают проблему денежного равновесия в мировой системе, взятой как единое целое. Г. Джонсон, например, вводит допущение, что в мире имеется лишь один вид денег – "мировые деньги" (world money). Мировой уровень он рассматривает как величину, "определенную отношением темпов изменения спроса и предложения международных валютных резервов"⁹².

Идеи о денежной природе мировой инфляции получили развитие в работах Р. Манделла, А. Лаффера, А. Свободы. Свобода формулирует следующие ключевые положения теории всемирной инфляции: 1. "Мировой уровень цен определяется мировым запасом денег". При этом мир рассматривается как "единое замкнутое хозяйство". 2. Распределение мирового денежного запаса между странами зависит от "эффективных размеров" страны*. 3. "Влияние, оказываемое увеличением денежного запаса на мировой уровень цен, не зависит от национального происхождения денег"⁹³.

Предпосылки монетарных моделей в всемирной инфляции крайне искусственны. В них действует классический принцип полной занятости, что в значительной мере предопределяет ценовой эффект изменений денежного запаса. Далее, в модели принято условие совершенной гибкости цен, обусловливающее быструю корректировку ценового уровня, что тоже нетипично для современного капитализма. Крайне проблематичен принятый в модели принцип суммирования национальных денег в

* "Эффективный размер" страны определяется выражением ku , где u – ВНП страны, а k – показатель, обратный скорости обращения денег в кругообороте доходов.

единий мировой денежный "пул", на чем основаны эмпирические проверки гипотезы. Игнорируя страновые различия, модель приводит к курьезным выводам, когда сдвиги на денежном рынке таких стран, как США или Япония, имеют такие же последствия для мировых цен, как и изменения денежной массы в Бангладеш или Колумбии.

Несостоятелен и "закон единой цены", служащий важным элементом указанной модели. Он призван продемонстрировать единобразие в динамике ценовых уровней различных стран. "...Поскольку мировые рынки высоко интегрированы, то на всех рынках товаров и активов, являющихся близкими субститутами, должна преобладать одна цена"⁹⁴. Однако подобная степень замещаемости существует лишь на рынках некоторых сырьевых однородных товаров. Она не прослеживается на рынках других, особенно технологически сложных, товаров, финансовых активов, ценных бумаг.

Не обосновано и другое условие модели – полная неспособность стран ограничивать влияние внешних факторов на свое денежное обращение. Практика свидетельствует об обратном. Например, в конце 60-х и начале 70-х годов Японии, как правило, удавалось эффективно нейтрализовать влияние внешних факторов на свое денежное обращение, тогда как ФРГ явилась классическим примером "импортируемой инфляции", вызванной хроническим положительным сальдо платежного баланса.

Но главная слабость "международного монетаризма" заключена все же не в шаткости его отдельных положений и предпосылок, а в главном тезисе, что деньги являются определяющим фактором внешнеэкономических сдвигов. Дефицит или положительное сальдо платежного баланса – это не "фаза" корректировки денежного рынка, а показатель циклического или структурного неравновесия в экономических отношениях различных стран.

Попытки изобразить деньги первопричиной внешнеэкономических процессов вызвали острую критику со стороны оппонентов монетаризма. Дж. Тобин задает вопрос: "...действительно ли монетаристский подход объясняет или делает более понятными причины серьезных нарушений в международной валютной системе за последние пятьдесят лет?"⁹⁵ Проведенный Тобином обзор этих нарушений говорит о слабости монетаристских объяснений. В 20-х годах, пишет он, платежные балансы и мировая конъюнктура несли на себе отпечаток военных долгов и reparаций. Большое влияние оказывали протекционистская политика США и ряд других факторов, которые "имели денежные последствия, но не были денежными по своему происхождению". Затем последовали валютные катализмы "великой депрессии". Для их анализа, ехидно замечает Тобин, "не очень применима модель, полагающая, что реальный продукт и занятость в каждой стране постоянно находятся в точке максимума". Ситуация 50-х и начала 60-х годов определялась структурными диспропорциями в отношениях между США, с одной стороны, и Западной Европой и Японией – с другой. Монетарная модель опять-таки не подходит для объяснения причин устойчивого неравновесия платежных балансов. Наконец, последствия энергетического и продовольственного кризисов 70-х годов также не могут быть объяснены с позиций мо-

нетаризма. В итоге Тобин делает вывод, что монетарный подход к инфляции и платежному балансу не является подходящей моделью для анализа мировых экономических процессов.

В современной литературе известно несколько вариантов "международного монетаризма". Д. Фэнд, например, различает "мягкую" и "жесткую" версии этой теории, М. Витман особо выделяет "глобальный монетаризм". В отличие от более умеренных сторонников монетарного подхода к платежному балансу "глобальные" монетаристы придерживаются экстремистской позиции, что "все случаи несбалансированности внешних платежей и валютных неравновесий имеют по природе своей чисто денежное происхождение". Они не признают существования так называемых структурных дефицитов платежного баланса, игнорируют роль неденежных сдвигов в хозяйстве. Исходя из этого, они полагают, что "все неравновесия в области внешних платежей могут быть исправлены с помощью внутренней денежной политики, без использования колебаний валютных курсов"⁹⁶. В области практической политики в отличие от большинства монетаристских авторов, отстаивающих принцип гибких валютных курсов, "глобальные" монетаристы выступают за возврат к системе фиксированных курсов, а некоторые из них рекомендуют даже восстановить золотой стандарт. "Наиболее важный аргумент в пользу возврата к системе фиксированных валютных курсов, — пишут А. Лаффер и М. Майлз, — это необходимость возродить ограничение того объема денежной массы, который могут выпустить в обращение правительственные органы, и вернуть мир к ценовой стабильности"⁹⁷.

Однако, несмотря на некоторые расхождения с фридменовской школой и критику ее отдельных положений, "глобалисты" принадлежат к монетаристскому направлению. Они защищают идеи денежного происхождения нарушений в сфере международных отношений, ценовой стабильности как главного ориентира политики, подчеркивают опасность передачи контроля над денежным обращением правительству и т. д. Попытки некоторых авторов разграничить "монетарный" и "монетаристский" подходы необоснованы⁹⁸. И не случайно Д. Лейдлер писал, что "характерные черты" монетарного подхода к платежному балансу "почерпнуты из арсенала монетаризма замкнутой экономики"⁹⁹.

МОНЕТАРИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Отрицание активизма

В своем обзоре "Структура монетаризма" Т. Майер писал, что "нелюбовь (dislike) к государственному вмешательству хорошо совмещается с большинством... компонентов монетаризма"¹. Действительно, многие положения монетаризма, такие, например, как тезис об "устойчивости" рыночного хозяйства, о "чисто денежном" происхождении инфляции, о запаздывании эффекта регулирующих мероприятий и т. д., "работают" против идеи активного и широкомасштабного вмешательства правительственные органов в хозяйственные процессы. Фридмен стремится обосновать свои антидирижистские выводы ссылками на необходимость обеспечения "свободы индивидуума" в капиталистическом обществе. "Как избежать превращения созданного нами правительства, — писал он, — в нового Франкенштейна, который разрушит ту самую свободу, для охраны которой мы его создали?"² Для этого следует ограничить сферу действий правительственной власти контролем за "выполнением законов и соблюдением порядка", но не следует допускать его вмешательство в функционирование хозяйственного механизма.

К экономическим и социальным функциям, которые принимает на себя современное государство, монетаристы относятся резко отрицательно. Для них это главная причина экономической нестабильности. Особый гнев вызывает у них "государство всеобщего благосостояния" (welfare state) с его лозунгом уравнивания доходов и уменьшения пропасти между социальными группами. Фридмен, например, характеризует систему "принудительного социального страхования" как "серезное нарушение принципов либеральной экономики" и "крупнейший канал вмешательства в функционирование свободного рынка"³. Монетаристы отвергают тенденцию к "коллективизму", которому они противопоставляют "добровольную кооперацию индивидуумов посредством рынка" как воплощение достоинства "конкурентного", домонополистического капитализма. Именно такая система, утверждает Фридмен, дает каждому члену общества гарантию "личной свободы".

В монетаристской литературе звучит мотив неустранимости циклических колебаний и неминуемого провала мероприятий, направленных на придание экономике "слишком большой" стабильности. "При современном состоянии общественного мнения, — пишет Фридмен, — политическая кампания "предпринять что-то" при относительно небольшом росте цен или относительно слабом падении цен и занятости принимает обычно широкие масштабы... Уступка этому давлению приносит больше вреда, чем пользы... Цель достижения исключительно высокой экономической стабильности сама по себе, по-видимому, превосходна. Но наша способность

выполнить ее ограниченна... Попытка сделать больше, чем мы можем, сама по себе вызовет нарушения, которые могут лишь усугубить нестабильность, а не уменьшить ее”⁴.

Разногласия монетаристов и кейнсианцев по вопросу о роли государства в хозяйственной жизни вылились в конечном счете в противопоставление двух основных инструментов макроэкономического контроля, используемых правительственные органами капиталистических стран для воздействия на конъюнктуру, – денежно-кредитной и фискальной политики. Первый вид политики, связанный с воздействием центрального банка на величину денежной массы, расценивается монетаристами как наиболее эффективный и органически вписывающийся в систему товарно-денежных отношений. Второй же вид политики, заключающийся в изменении налоговых ставок и управлении государственным долгом, связывается ими с произволом правительенного аппарата и расценивается как малоэффективный для хозяйственного развития.

Поляризация взглядов на экономическую политику сделала популярным деление экономистов на монетаристов и фискалистов. “В последние годы, – писал Д. Фэнд в начале 70-х годов, – обнаружились важные различия во взглядах на стабилизационную политику между теми, кто стремится придать устойчивость хозяйству с помощью дискреционных методов фискальной политики, и теми, кто отстаивает стабилизационную программу, выраженную в терминах целевых ориентиров (или правил) для динамики денежной массы. За неимением лучших определений я буду называть эти две точки зрения школами монетаристов и фискалистов”⁵. Примером острого столкновения представителей этих двух точек зрения, олицетворяющих различное “видение” хозяйственной системы и методов управления ею, может служить публичный диспут между сторонником активного применения фискальных мероприятий У. Хеллером и главой монетаристской школы М. Фридменом в Высшей школе деловой администрации при Нью-Йоркском университете⁶.

Противоречия обнаружились уже при оценке послевоенной экономической обстановки в США. Хеллер полагал, что американская экономика в послевоенные годы продемонстрировала более высокие результаты, чем в период между мировыми войнами. Это, по его мнению, явилось результатом широкомасштабных мероприятий правительства по стимулированию экономического роста и систематическому противодействию депрессивным тенденциям в хозяйстве: “Чем более активной, осведомленной и осознанной становится фискальная и монетарная политика, тем выше занятость и стабильность в хозяйственных системах”⁷. И наоборот, если государство занимает позицию невмешательства или проявляет нерешительность в критические, переломные моменты, возникают большие потери в виде недоиспользованных мощностей, роста безработицы, инфляции, растраты производственных ресурсов и т. д. Потенциал экономики используется недостаточно. В качестве примеров такого неразумного бездействия со стороны американских правящих кругов Хеллер ссылается на спад 1959 – 1960 гг., который явился платой за неспособность действовать. Другой пример – подъем 60-х годов, в ходе которого материализовались стимулирующие мероприятия правительства США – снижение налогов и повышение расходов бюджета. В конечной стадии этого периода

обнаружились явные признаки перегрева экономики. Но рекомендованные экономистами шаги по повышению налогов не были своевременно приняты, что привело к развитию инфляции.

В изображении Хеллера фискальная политика наглядно продемонстрировала в 60-х годах свои большие потенциальные возможности. Особенно высоко он оценивает эффект проведенной в 1964 г. по его инициативе (он был членом, а затем председателем Совета экономических консультантов при президенте США) налоговой реформы. Согласно расчетам этого Совета, для достижения максимальной занятости (с уровнем безработицы не выше 4% от общей численности рабочей силы) в начале 60-х годов требовалось дополнительно 12 – 13 млрд долл. капиталовложений. Хозяйство было не способно увеличить инвестиции на такую сумму, и эту миссию взяло на себя государство, которое, снизив налоги, стимулировало самый длительный за послевоенный период экономический подъем в стране.

Снижение налогов в 1964 г. знаменовало начало новой эры в стратегии хозяйственного регулирования. Ранее, отмечает Хеллер, правительство мирилось с хронической безработицей и недоиспользованием материальных ресурсов. Требовался переход от политики запоздалого реагирования на циклические спады и подъемы, после того как они уже начались, к стратегии прогнозирования неблагоприятных тенденций и активных превентивных действий. Именно такой курс и был принят на вооружение в период правления Кеннеди, и первым шагом на этом пути была налоговая реформа 1964 г.

Позиция Хеллера иллюстрирует типичный подход кейнсианца: экономика имеет хроническую тенденцию к стагнации, которая не может быть устранена стихийным действием конкурентных сил. Требуется активная правительственная политика для стимулирования экономического роста. Новым по сравнению с ортодоксальной кейнсианской позицией был призыв к "манипулированию в зоне полной занятости". Государство, утверждал Хеллер, должно вступать в действие при первых же признаках начинаяющегося спада или перегрева конъюнктуры, чтобы "включить" производственные мощности и не допустить развития циклического спада.

Фридмен дает совершенно иную интерпретацию послевоенного развития США. В его изображении главный причинный фактор формирования конъюнктуры – это динамика денежной массы. Все более или менее глубокие экономические кризисы трактуются им как следствие ошибочной политики центрального банка, который допускал резкое сокращение денежной массы в обращении и этим вызвал катастрофические последствия. "Если бы с 1929 по 1933 г. федеральная резервная система публиковала статистику количества денег, я не думаю, что Великая депрессия приняла бы те формы, в которых она действительно протекала"⁸. Государство своими действиями затрудняет стихийные процессы корректировки хозяйственной системы и причиняет ей значительный вред.

Фридмен, естественно, отвергает хвалебную оценку Хеллером результатов фискальной политики. По его мнению, никто еще убедительно не доказал причинной связи между колебаниями конъюнктуры и налоговыми манипуляциями, ростом расходов бюджета и т.п. К тому же нет сколько-нибудь объективного анализа фискальной политики, если не

принимается во внимание роль денежных факторов в этом процессе. Кейнсианская позиция "чистого фискализма" несостоятельна, ибо она подтверждает значение государственного бюджета, отвлекаясь от способов покрытия бюджетного дефицита. В этой связи важнейшее значение приобретает как раз политика центрального банка, которая может многократно усилить либо полностью нейтрализовать эффект бюджетных мероприятий. В этом смысле бюджет, по Фридмену, играет вторичную, подчиненную роль и не может быть главным ориентиром и инструментом политики. "Состояние бюджета, — заявляет он, — само по себе не оказывает значительного влияния на динамику номинального дохода, инфляцию, дефляцию или циклические колебания"⁹.

Из различной оценки тенденций развития капиталистической экономики и роли отдельных факторов вытекают рецепты регулирования конъюнктуры. Хеллер отстаивал принципы дисcretion и "точной настройки" как необходимые предпосылки действенной экономической политики. Под дисcretion понимается сознательное начало, которое вносят лица, ответственные за проведение политики, в стихийный процесс хозяйственной деятельности. Что касается принципа "точной настройки", то этим термином обозначается быстрый переход от одного режима экономических мероприятий к другому в соответствии с тенденциями развития конъюнктуры. Таким образом, идеал Хеллера — активная, гибкая, сознательно формулируемая и быстро реагирующая на состояние хозяйственной конъюнктуры политика государства, направленная на достижение высоких темпов хозяйственного развития.

Фридмен же отвергает принцип "точной настройки". Если нельзя совсем устранить государственное вмешательство, то его нужно по крайней мере ограничить жесткими рамками. Невозможность "точной настройки" хозяйственного механизма Фридмен обосновывает фактом существования длительных и колеблющихся лагов в проявлении эффекта монетарных и фискальных мероприятий. Попытки правительства постоянно противодействовать неблагоприятным явлениям в хозяйственной сфере (инфляции, спаду, безработице) лишь затрудняют самокорректировку хозяйства, подают ему ложные сигналы. Поэтому наилучший путь обеспечения стабильного развития — слепое "правило", не зависящее от текущей конъюнктуры.

Таким образом, дискуссия заострила внимание на роли фискальных мероприятий, а также на вопросе о тактике хозяйственной политики, выражаемой формулой "дисcretion против автоматизма" или "человек против правила". Поскольку в послевоенные годы в политике капиталистических стран господствовал кейнсианский принцип дисcretionного регулирования, монетаристы выступили с требованием ограничения дисcretion как необходимой предпосылки стабильного бескризисного развития.

Хеллер расценил позицию монетаристов как путь к экономической катастрофе. Он призвал аудиторию представить, что было бы с американской экономикой, если бы "консервативный президент" начал следовать монетаристским рецептам, а именно: а) убедил бы Федеральное резервное управление подчинить монетарную политику жесткому правилу 4—5%-ных ежегодных увеличений денежной массы; б) убедил бы кон-

гресс США заморозить налоговую политику, введя принцип однократных снижений подоходного налога раз в год". Нарисовав картину серьезного кризисного спада, который неминуемо последовал бы за этими шагами, Хеллер восклицает: "Как долго мог бы, например, Ричард Никсон бездействовать и отказывать стране в использовании таких испытанных тонизирующих средств, как урезывание налогов, увеличение расходов и удешевление кредита?!"¹⁰ Забегая вперед, следует сказать, что именно такие действия были предприняты администрацией президента Рейгана в начале 80-х годов и это действительно привело к серьезному падению производства и массовой безработице в стране.

Мы не случайно уделили такое внимание дискуссии Фридмена и Хеллера. В ней отразились серьезные разногласия по ключевым вопросам экономической политики, которые в 70-х годах начали оказывать самое непосредственное влияние на реальный процесс экономического регулирования в капиталистических странах. Монетаристы осудили дискрецию и выдвинули задачу обеспечения устойчивого роста денежных агрегатов. Они поставили под сомнение механизм бюджетного мультипликатора, где изменения налоговых ставок и расходов бюджета обеспечивают многократный прирост национального дохода, и попытались развенчать утверждение кейнсианцев о сильном и хорошо предсказуемом влиянии бюджетных мероприятий на состояние платежеспособного спроса, занятости и цен.

"Подкоп" фридменовской школы под фискальную политику начался давно. Напомним, что еще в 1963 г. М. Фридмен и Д. Мейзельман с помощью регрессионного анализа пытались доказать, что потребительские расходы имеют более тесную статистическую связь с денежной массой, чем с "автономными расходами", в состав которых включался и дефицит государственного бюджета.

Более прямое и непосредственное сопоставление эффекта двух главных методов политики проводилось Л. Андерсоном и Дж. Джорданом из федерального резервного банка Сент-Луиса. Они поставили перед собой задачу проверить обоснованность трех важных утверждений кейнсианской школы, а именно: 1) что "фискальные мероприятия оказывают более сильное воздействие на состояние экономической активности, чем денежные"; 2) что "отклик экономической конъюнктуры на фискальные мероприятия более предсказуем, чем реакция на денежную политику"; 3) что "воздействие фискальных мер на экономическую ситуацию проявляется быстрее, чем влияние денежной политики"¹¹. С этой целью использовали уравнение множественной регрессии, где зависимой переменной служит номинальный доход (ВНП), а "объясняющими" (независимыми) переменными – показатель денежной политики, представленный изменениями денежной базы (В) или денежной массы (М), и показатель фискальной политики, представленный изменениями налоговых ставок (R), бюджетных расходов (Е) и бюджетного дефицита или превышением доходов над расходами (Е – R). Для расчета были взяты квартальные данные США за период 1952 – 1968 гг.

Расчеты Андерсена – Джордана существенно отличались от анализа Фридмена – Мейзельмана: использовались не потребительские расходы, а показатель ВНП; были включены переменные, являющиеся прямым

объектом действий правительственные органов; учитывались лаговые значения переменных и т. п. Результаты расчета представляли поэтому непосредственный интерес для органов экономического контроля. Оценив числовые коэффициенты при отдельных членах регрессии и учитывая показатели их статистической достоверности (t-статистика и т. д.), авторы пришли к выводу, что реакция экономической конъюнктуры на меры денежной политики 1) более сильна, 2) более предсказуема и 3) более быстра, чем на фискальные мероприятия. Иначе говоря, выводы кейнсианской теории о роли бюджета были поставлены под сомнение. И хотя авторы специально оговариваются, что они не ставят задачу испытывать конкурирующие теории о механизмах воздействия денежных и фискальных мер на конъюнктуру или представить прямые доказательства о причинных связях, предполагаемых этими теориями, их выводы явно благоприятствовали монетаризму¹².

Андерсон и Джордан рассчитали несколько вариантов уравнения, применив в качестве независимых переменных различные бюджетные и денежные показатели. На основе полученных коэффициентов были оценены и сопоставлены результаты разового увеличения расходов бюджета и денежной массы. Авторы пришли к выводу, что фискальные мероприятия оказывают слабое и быстро исчезающее воздействие на состояние хозяйства. Так, расчеты показали, что в результате разового увеличения расходов бюджета на 1 млрд долл. при покрытии этих расходов путем выпуска новых займов или увеличения налогов прирост ВНП в конце первого квартала составит всего 400 млн долл. (мультипликатор равен 0,4!), а к концу четвертого квартала эффект сойдет на нет. Напротив, симуляция прироста денежной массы на 1 млрд долл. дает крупный и быстро нарастающий суммарный эффект – 3,7 млрд долл. к концу четвертого квартала и 5,8 млрд долл. – к восьмому кварталу¹³.

Указанные результаты существенно расходятся с выводами, полученными на крупных моделях кейнсианского типа. Например, в симуляциях, проведенных на большой структурной эконометрической модели ФРС – МТИ (Федеральной резервной системы и Массачусетского технологического института), значение денежного мультипликатора (т. е. отношение прироста ВНП к приросту денежной массы) было относительно небольшим (0,4 по истечении четырех кварталов), фискальные же мультипликаторы за тот же период составили 3,4 (по расходам бюджета) и 3,2 (по налогам)¹⁴. Р. Дэвис из Нью-Йоркского федерального резервного банка писал, что сент-луисское уравнение "в ряде аспектов отражает мир, резко отличный от того, который большинство из нас ожидало увидеть": фискальные мультипликаторы здесь "фактически равны нулю", изменением же денежной массы "объясняют" неправдоподобно высокую долю колебаний квартальных значений ВНП – около 50%. А значения денежного мультипликатора оказываются гораздо выше ожидавшегося уровня (по расчетам Дэвиса, суммарный показатель денежного мультипликатора через 12 кварталов составил 6,6). Но самое поразительное, пишет Дэвис, – это быстрота, с которой деньги начинают воздействовать на хозяйство: уже в первом квартале мультипликатор составляет 1,6, а во втором – 3,5. "Ахиллесовой пятой" сент-луисского уравнения Дэвис считает проблему причинной зависимости денег и ВНП, в частности вопрос о наличии обрат-

ного влияния, идущего от хозяйства к деньгам. Если такое влияние имеется, то ценность расчетов на основе уравнения Андерсена – Джордана резко снижается, ибо в этом случае коэффициенты при независимых переменных будут искажены. Дэвис заключает свой критический анализ замечанием, что поскольку неясен передаточный механизм денежных процессов, стоящий за сент-луисским уравнением, то требуется монетаристская модель с "разумной степенью структурных деталей"¹⁵.

В ответ на эту критику Л. Андерсон и К. Карлсон опубликовали в апреле 1970 г. развернутую модель, состоящую из 8 уравнений и тождеств и предназначенную для прогнозирования важнейших макроэкономических показателей и для "проигрывания" различных вариантов правительственные мероприятий¹⁶. Центральным элементом модели является уравнение расходов (spending equation), аналогичное рассмотренному выше уравнению Андерсена – Джордана, где динамика ВНП "объясняется" изменениями денежного и бюджетного факторов*. Модель включает те же уравнения цен, напряженности спроса, процентных ставок, уровня безработицы и т. д.

В построении модели отчетливо проявляются основные предпосылки монетаристской схемы. Роль главной экзогенной переменной, влияющей на ВНП, играет денежная масса. Дефлятор цен зависит от напряженности денежного спроса на товары и ожидаемого изменения цен в будущем. Это соответствует тезису монетаристов, что основной причиной современной инфляции является избыток спроса, а не структурные факторы на стороне издержек. Напряженность спроса определяется как разность между общей суммой расходов и потенциальным приростом продукта в условиях полной занятости. Что же касается ожидаемых цен, то они оцениваются на аддитивной основе, исходя из прошлых значений ценовой переменной и уровня безработицы. Уровень безработицы вычисляется в модели на основе разрыва между "потенциальным" и фактическим ВНП, что отражает ориентацию монетаристов на долговременные хозяйствственные тенденции. Важную роль в модели играет различие между номинальным (денежным) и реальным (физическим) значениями ВНП, которое строго прослеживается в монетарной схеме и значительно слабее отражено в кейнсианской концепции. Наконец, в соответствии с общей исходной ориентацией монетаристов на использование малоразмерных моделей сент-луисская модель дает прогноз на основе трех экзогенных переменных – денежной массы, расходов бюджета "высокой занятости" и потенциального ВНП (рассчитанного для условий "высокой занятости"). Для сравнения укажем, что Уортонская модель Эванса – Клейна имеет 43 экзогенные переменные.

Сент-луисская модель во многом способствовала упрочению позиций монетаризма и росту его популярности. Как писал Модильяни, полученные с ее помощью результаты "наполнили радостью сердца монетаристов"¹⁷, ибо теперь появилась возможность ссылаться на прямые статистические свидетельства потенциально более мощного воздействия денежных рычагов на хозяйство по сравнению с бюджетными. И хотя сам ме-

* В общей форме уравнение расходов в модели Андерсена – Карлсона имеет следующий вид: $\Delta Y_t = f_1 (\Delta M_t, \dots, \Delta M_{t-n}, \Delta E_t, \dots, \Delta E_{t-1})$, где n – число кварталов.

тод применения уравнений "сокращенной формы" подвергался критике в печати, сент-луисская модель широко применялась в последующие годы и продолжает применяться по сей день для оценки эффективности правительственные мероприятий и прогнозирования состояния хозяйственной конъюнктуры.

Результаты сент-луисской модели неоднократно оспаривались многими экономистами. В качестве одного из примеров можно привести работу Бенджамина Фридмена, который использовал уравнение Андерсена – Джордана для оценки эффекта денежных и фискальных инструментов за период 1953 – 1976 гг., т. е. за более длительный период, чем тот, который был взят при первоначальном расчете мультипликаторов экономической политики авторами уравнения (1952 – 1968 гг.). Полученное Б. Фридменом значение бюджетного мультипликатора (около 1,5) было значительно выше, чем у Андерсена и Джордана. На этом основании он сделал вывод, что "даже сент-луисская модель верит теперь в фискальную политику"¹⁸. В ответ на это К. Карлсон из Сент-Луисского федерального резервного бюро повторил расчет на основе указанного уравнения, используя в качестве исходного материала не первые разности показателей, а темпы их роста. В этом варианте расчет вновь дал "монетаристский" результат: высокое значение денежных мультипликаторов и почти нулевое – бюджетных¹⁹.

В целом к середине 70-х годов большинство западных авторов, к какой бы школе они ни принадлежали, признавали действенность денег как мощного рычага воздействия на совокупный спрос, тогда как прежняя вера в эффективность фискальной политики, составлявшая базис кейнсианских экономических программ, была серьезно подорвана. Показательна в этом отношении статья английских экономистов А. Пикока и Дж. Шоу под характерным названием "Умерла ли фискальная политика?". В ней, в частности, говорится: "Ныне признано всеми, включая даже самых стойких защитников фискального интервенционизма, что ранние кейнсианские модели, с которыми связаны фискальные переменные, но-сили крайне упрощенный характер и порождали нереалистичную степень доверия к мерам фискального контроля. Принятие наивных предпосылок в отношении величины и стабильности соответствующих коэффициентов в сочетании с вызывающей сожаление тенденцией игнорировать проблемы, порождаемые лагами и динамическими неравновесиями, привели к излишнему акценту на дискреционной политике вообще и фискальной интервенции в частности. Наконец, соответствие политики фискального контроля было подвергнуто серьезному сомнению в ряде исследований, авторы которых пытались эмпирически оценить вклад фискальных мероприятий в достижение целей стабилизации конъюнктуры как абсолютно, с точки зрения того, является ли их чистое влияние стабилизирующими или дестабилизирующими, так и относительно, путем сравнения их результатов с итогами денежной политики". После анализа дефектов и слабостей теорий бюджетного регулирования авторы заключают: "...фискальная политика не умерла и не заслуживает смерти, однако, чтобы функционировать надлежащим образом, она нуждается в серьезной хирургической операции"²⁰.

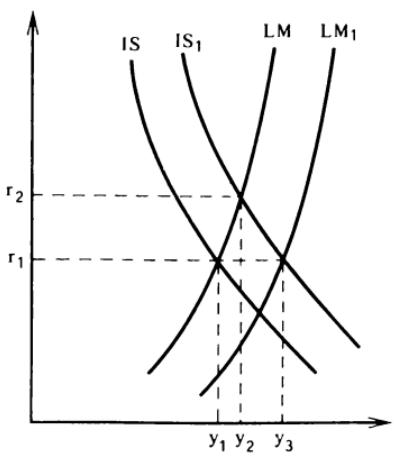
В вынесении подобного диагноза бюджетному регулированию нема-

лую – если не главную – роль сыграла критика монетаристов. Вывод о неэффективности и даже бессилии фискальной политики вытекал из ряда базисных положений этого учения (например, из тезиса о нечувствительности спроса на деньги к изменениям процентных ставок). Но наиболее важную роль в дискредитации фискальных факторов сыграл выдвинутый монетаристами эффект вытеснения частных инвестиций в процессе финансирования государственных расходов (*crowding out effect*).

Термин "эффект вытеснения" был предложен Дж. Калбертсоном в 1968 г. Однако само по себе это явление известно давно. На него указывали еще классики политэкономии (например, А. Смит), равно как и более поздние авторы, в том числе Дж. М. Кейнс. Калбертсон пишет: "Расходы государства финансируются за счет средств ссудного рынка, где они конкурируют с частными расходами. Наименее благоприятный случай для фискальной политики заключается в том, что дополнительные государственные займы просто вытесняют с рынка равную (или в принципе, возможно, даже большую) сумму заемных средств, которые могли бы быть использованы для финансирования частных расходов"²¹. Речь здесь идет об отвлечении капитала в сферу государственных финансов. Увеличивая налоги или размещая на рынке облигационные займы, правительство "просто перемещает ресурсы из частного сектора в государственный и получает при этом очень малый нетто-эффект в виде прироста общей суммы расходов"²².

Как же действует эффект вытеснения? В случае повышения налоговых ставок, по мнению монетаристов, происходит прямое изъятие покупательной силы у населения. Если эти средства не будут размещены путем дополнительного выпуска денег, совокупный спрос сократится. Что касается размещения займов для покрытия дефицита, то при ограниченности ссудных фондов на денежном рынке это приведет к резкому повышению нормы процента, что опять-таки неблагоприятно скажется на состоянии хозяйственной активности. Прежде всего рост процента затруднит финансирование частных компаний из внешних источников, ибо курсовая стоимость ценных бумаг изменяется в обратном отношении к высоте процентных ставок. Возникнут и другие негативные явления, например усиленный отток средств на рынок государственных облигаций с неизбежным сокращением потребительских расходов. Лишь усиленная эмиссия денег центральным банком сможет нейтрализовать влияние государственного финансирования на рынок капитала и снизить уровень процента. Но из этого следует вывод, что "чистая" фискальная политика сама по себе нейтральна. Она порождает два противоположных эффекта, которые взаимно "гасят" друг друга.

В этой связи становится понятным смысл заявления Фридмена, выдвинутого им в споре с Хеллером, что "...состояние бюджета само по себе не оказывает существенного воздействия на динамику номинального дохода, инфляцию, дефляцию или циклические колебания конъюнктуры". Фридмен продолжает: "Ключевые слова здесь "сами по себе", ибо... всегда происходят одновременные изменения как фискальной, так и денежной политики"²³. Попытки же оценить "чистое" воздействие бюджета без учета влияния денег некорректны. Фридмен критикует в этой связи оценку А. Оукеном итогов налоговой реформы 1964 г. "Оукен по суще-

a)

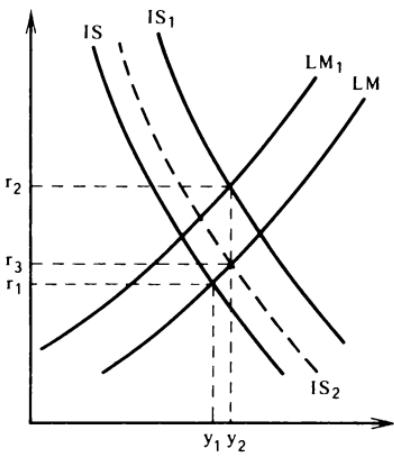

Рис. 5

б)

ству устранил проблему, ибо он рассматривал одно лишь влияние фискальной политики, не задаваясь вопросом, какую роль играли денежные мероприятия в тот период. Его подход равносителен заявлению, что можно отбросить денежную политику, ибо процентные ставки в то время не изменились, и, следовательно, можно предположить, что денежная политика была нейтральна”²⁴. Фридмен же, напротив, считает, что неизменность процентных ставок как раз указывает на вмешательство центрального банка, предотвратившего их повышение.

Эффект вытеснения часто иллюстрируют с помощью графика кривых IS – LM Хикса (рис. 5а)²⁵. Напомним, что положение кривой IS в равновесной модели Хикса отражает условия равновесия на рынке товаров, а LM – на рынке денег. Увеличение государственных расходов приведет к передвижке кривой IS вправо, в положение IS₁, что соответствует увеличению ВНП на горизонтальной оси. При круто возрастающей (но не вертикальной!) кривой LM это вызовет резкое повышение процента на денежном рынке (с r_1 до r_2) при относительно небольшом приращении совокупного дохода (от Y_1 к Y_2). Такое приращение отразит факт “вытеснения” частных инвестиций из-за возросших ставок процента. Если при этом вступит в действие центральный банк и увеличит денежную массу, то кривая LM на графике переместится вправо до LM₁, норма процента снизится до r_1 , а доход увеличится до Y_3 . Диаграмма иллюстрирует серьезные ограничения величины бюджетного мультипликатора в связи с эффектом вытеснения. Второй потенциальный канал эффекта вытеснения связан с воздействием фискальной политики на спрос на кассовые остатки. В результате бюджетных сдвигов кривая LM (при отсутствии корректирующих действий центрального банка) сдвигается влево (рис. 5б). Норма процента возрастает, а доход остается без изменений. Вопрос о механизме и силе воздействия бюджетных факторов стал одним из главных пунктов дискуссий между монетаристами и кейнсианцами в Университете Брауна осенью 1974 г. В конференции участвовали многие крупные экономисты, причем М. Фридмен, Ф. Кейган, А. Шварц, К. Брун-

нер и А. Мельцер представляли лагерь монетаристов; Ф. Модильяни, А. Эндо, Дж. Тобин, У. Бютер, Л. Клейн – кейнсианцев. В обсуждении приняли также участие Р. Дорнбуш, Т. Майер, Р. Гордон, С. Фишер и ряд других²⁶.

Модильяни и Эндо сосредоточили главное внимание на краткосрочных и среднесрочных аспектах влияния "чистых" (не поддержанных денежной политикой) фискальных мероприятий, ограничившись временными горизонтом в 3 года. Они подвергли острой критике результаты расчетов с помощью сент-луисской модели, где "отклик (хозяйства на увеличение бюджетных расходов. – В. У.) достигает хилого пика по второму кварталу и полностью исчезает по окончании двух лет"²⁷. Согласно оценкам Модильяни и Эндо, полученным на большой модели *MPS*, мультипликатор бюджетных расходов по отношению к номинальному ВНП к концу 2-х лет достигает 3, а по окончании 3-х лет – 1,8, что существенно отличается от результатов сент-луисской модели. Указывая на эти расхождения, авторы заключают, что уравнения сокращенной формы, которыми пользуются монетаристы, представляют "абсолютно ненадежный метод расчета подлинной траектории ответной реакции хозяйства" на мероприятие экономической политики²⁸.

Тобин и Бютер предложили на этой конференции модель для расчета долговременных эффектов бюджетных мероприятий, сравнив их результаты для случаев покрытия дефицита за счет дополнительной эмиссии денег и выпуска облигаций. Их окончательный вывод гласил: "Ничто в нашем анализе не свидетельствует в пользу тезиса, что влияние экспансионистской фискальной политики на совокупный спрос имеет временный и преходящий характер"²⁹. Лишь когда *LM* занимает вертикальное положение, фискальный мультипликатор становится отрицательным.

Напомним в этой связи: Фридмен неоднократно отрицал, что его модель исходит из вертикального положения *LM*, свидетельствующего о полной нечувствительности спроса на деньги к изменениям нормы процента. Тобин доказывал (еще задолго до конференции в Университете Брауна), что эти словесные заявления не соответствуют сути монетаристского учения. Именно положение кривой *LM* является, по мнению Тобина, главным предметом спора между монетаристами и неокейнсианцами. Если кривая *LM* вертикальна, то "изменение положения этой кривой, связанное либо с фискальной политикой, либо с экзогенными изменениями потребительских расходов и инвестиционной активности, не может изменить *Y* (доход)"³⁰. Фридмен же утверждал, что основные расхождения позиций заключены не в этом пункте, поскольку фридменовская функция спроса на деньги включает процентные ставки, статистическое влияние которых незначительно. Ошибка кейнсианцев в его интерпретации состоит в акценте на кратковременных эффектах, на "первом раунде" влияния отдельных переменных, тогда как монетаристы идут дальше и рассматривают конечный или кумулятивный эффект³¹. А при таком подходе выясняется, что эффект государственных мероприятий нейтрализуется действием стихийных сил капиталистического рынка.

Некоторые комментаторы расценили итоги конференции в Университете Брауна как победу кейнсианцев. Первый, например, утверждал, что ответом на вопрос: "Имеет ли значение фискальная политика?" – должно быть "раскатистое да"³². Однако уже в конце 70-х годов в поста-

новке вопроса о роли и эффекте стабилизационных мероприятий произошел новый сдвиг. Вопрос о величине бюджетных или денежных мультипликаторов отошел на второй план, и вновь была поднята более общая проблема "желательности активизма в политике"³³. Новые классики, как уже говорилось, выдвинули идею "непрерывно очищающихся рынков" и высокой эффективности стихийных механизмов рынка. Они поставили под вопрос обоснованность прежних моделей, где реакция хозяйственных агентов на изменения конъюнктуры заторможена и адаптивна, ибо "рациональный" субъект в их моделях очень быстро приспосабливается к ситуации. Поэтому бюджетные или денежные мероприятия правительства нейтрализуются ответной реакцией хозяйственных агентов.

Ввиду предполагаемой неэффективности любых мер экономической политики в мире рациональных ожиданий вопрос об относительном значении различных инструментов политики потускнел и утратил первоначальную остроту. На первый план вновь выдвинулся спор об "автоматизме против дискреции".

Денежное правило и политика центральных банков

Из обширного арсенала форм и методов макроэкономического контроля, который выработан практикой государственно-монополистического капитализма, представители монетаристской школы выделяют денежно-кредитную политику. При этом их трактовка механизма и каналов воздействия денежных рычагов на хозяйственный процесс и рекомендуемая стратегия денежно-кредитных мероприятий существенно отличаются от подходов кейнсианской школы. Кейнсианцы видят в экономической политике прежде всего искусство маневрирования, способность органов государственного контроля правильно предсказывать будущие тенденции хозяйственного развития. Монетаристы же, напротив, предупреждают об опасности полагаться на человеческие суждения. Вся экономическая история представляет в их изображении цепь пагубных ошибок и злоупотреблений властью. Главная цель государственной политики для кейнсианцев заключается в достижении высокого уровня занятости трудовых ресурсов и обеспечения максимальных темпов роста производства. Для монетаристов же первостепенная задача — обеспечение ценовой стабильности, устойчивости денежной единицы. Положение на рынке рабочей силы и объем производимой продукции определяются в их моделях действием структурных факторов и не могут быть изменены с помощью мер экономической политики. Поэтому они выступают против активизма и стремления любыми средствами устраниć циклические колебания конъюнктуры.

Из этих общих установок вытекают разные схемы регулирующих мероприятий. В кейнсианских схемах "промежуточной мишенью" (intermediate target), на которую непосредственно направлены меры правительственные органов, служит норма процента. Этот выбор определяется той большой ролью, которую играет норма процента в процессе инвестирования капитала. Монетаристы же главной "промежуточной мишенью" де-

нежно-кредитной политики считают денежную массу, которая в их схемах является ключом к состоянию экономической активности.

В течение многих лет монетаристы выступают с предложениями о кардинальной перестройке традиционных денежно-кредитных и банковских институтов, которые в процессе эволюции приспосабливались к решению кейнсианских задач экономического регулирования. Они стремятся сократить до минимума возможность правительства влиять на кредитную экспансию и соответственно на эмиссию платежных средств. Отсюда многолетние поиски магической формулы, которая поставила бы жесткие пределы вмешательству правительственные органов, и в первую очередь использованию ими эмиссионного механизма для финансирования бюджетных дефицитов.

Еще в 1948 г. М. Фридмен выступил против волевых методов политики центрального банка и предложил квазиавтоматический метод регулирования денежной массы в зависимости от состояния федерального бюджета США³⁴. Он подчеркивал, что этот метод не предназначен для краткосрочного регулирования, а имеет долгосрочную ориентацию. Такие элементы бюджета, как общая сумма расходов, трансферные платежи, ставки налогообложения, не должны корректироваться "в ответ на циклические изменения хозяйственной активности"³⁵. При сохранении стабильной финансовой структуры изменения хозяйственной обстановки будут автоматически отражаться в конечных результатах состояния федерального бюджета. Так, в периоды циклических спадов будет образовываться дефицит, в периоды подъема – положительное сальдо. Денежная же масса будет при этом механически следовать за бюджетом: "дефицит или положительное сальдо государственного бюджета отразится – доллар за доллар – в изменениях количества денег, и, наоборот, количество денег будет изменяться лишь в результате образования дефицита или положительного сальдо. Дефицит бюджета, таким образом, означает увеличение количества денег, положительное сальдо – его сокращение"³⁶. Эта схема механического регулирования денег должна была служить своеобразным теоретическим противовесом кейнсианской дисcretionной политике.

В последующие годы в схему были внесены существенные корректировки. Фридмен отказывается, в частности, от привязки колебаний денежной массы к итогам государственного бюджета и формирует "более простое" правило "устойчивого прироста денежного запаса из года в год независимо от сезонных факторов и колебаний хозяйственной активности"³⁷. Эмиссия денег в этом случае превращается в чисто механический акт, не связанный с текущим состоянием хозяйственной конъюнктуры.

Все более важное место в доводах Фридмена начинает играть тезис о наличии длительных и непредсказуемых лагов между моментами изменения денежной массы и влиянием этого сдвига на процесс воспроизводства. В работе 1948 г. проблема лагов исследовалась на теоретическом уровне. Позднее Фридмен ссылается на статистические расчеты, проведенные им совместно с А. Шварц, согласно которым поворотные точки темпов роста (или замедления) денежной массы намного опережают поворотные точки хозяйственного цикла – в среднем на 16 месяцев в случаях циклических подъемов и на 12 месяцев в случаях спадов³⁸.

Соответственно дискреционная политика центрального банка может не только не иметь положительных последствий, но и нанести серьезный вред, поскольку их эффект проявится через много месяцев после принятия мер, в совершенно иной экономической и политической обстановке.

Тема автоматизма в экономической политике и обоснованности применения денежного правила занимает ведущее место в книге Фридмена "Программа для монетарной стабильности". Автор предлагает существенную реформу всех звеньев кредитно-денежной системы США. Он рекомендует лишить федеральные резервные банки полномочий по регулированию процессов кредитования и величины банковских резервов, в частности отменить операции переучета векселей и выдачи авансов коммерческим банкам, устраниć практику варьирования норм обязательных резервов и ограничения процентных ставок, уплачиваемых коммерческими банками по срочным вкладам, и т. д.

Для казначейства США план Фридмена предусматривал отмену политики маневрирования государственным долгом, лишение его права купли-продажи золота и выпуска казначейских билетов мелкого достоинства. Что касается коммерческих банков, то для них Фридмен предложил ввести 100%-ное обеспечение депозитов наличными деньгами или резервными вкладами в центральном банке. Тем самым будет подорван принцип частичного резервного покрытия депозитов, на котором основана мультиликация депозитов. Цель реформы состояла, таким образом, в том, чтобы перекрыть все возможные каналы дополнительной эмиссии платежных средств, придающие эластичность денежному обращению и допускающие его быстрое расширение или сужение в зависимости от меняющейся экономической обстановки.

Но важнейшим элементом предлагаемой реформы было денежное правило. По словам Фридмена, центральный банк США должен принять обязательство "поддерживать, насколько это возможно, устойчивый темп роста (денег. — В. У.) неделя за неделей и месяц за месяцем, не допуская сезонных колебаний денежного запаса"³⁹.

В обязательстве такого рода Фридмен видит своеобразную замену золотого стандарта, который в свое время жестко ограничивал масштабы денежного обращения и в известной степени препятствовал использованию печатного станка для покрытия расходов государства. Он пишет: "При отсутствии корсета, создаваемого жесткой системой золотого стандарта, политика "приспособления к потребностям торговли и бизнеса", провозглашенная в Федеральном резервном акте, вряд ли налагала какие-либо ограничения на дискреционные мероприятия властей"⁴⁰. Механическое правило Фридмена задумано как новая версия такого "корсета".

Здесь явственно просматривается стремление возродить, разумеется в обновленном и реконструированном виде, законы металлического обращения, вернуть капиталистический кредитный механизм к исходному пункту, в котором он пребывал в середине XIX в. Однако в современных условиях широчайшего развития кредитно-денежных отношений, появления огромной надстройки финансовых обязательств и денежных субститутов, опосредствования кредитом всех звеньев и стадий воспроиз-

водственной цепи попытка надеть на хозяйство механический денежный "корсет" чревата серьезными негативными последствиями для экономики. Это подтвердил опыт применения монетаристского денежного правила капиталистическими центральными банками в 70 – 80-х годах.

Следует заметить, что предложенный Фридменом план реформы денежно-кредитной системы в США возник не на пустом месте. Аналогичные идеи высказывались еще задолго до возникновения современной монетаристской школы. Среди экономистов, оказавших большое влияние на формирование взглядов американских монетаристов, следует в первую очередь назвать профессоров Чикагского университета Генри Саймонса и Ллойда Минтса. Еще в середине 30-х годов Саймонс, которого Фридмен называет своим предшественником и идеяным наставником, опубликовал ряд материалов о назревшей потребности в реорганизации банковского дела в США (так называемый чикагский план), где, в частности, содержалось требование "создать систему, при которой федеральные власти, ведающие денежным обращением, несут прямую и не допускающую уклонений ответственность за осуществление контроля (причем не посредством широких дискреционных полномочий, а с помощью простых и четких, утвержденных законодательством правил) над количеством (или через количество – над стоимостью) эффективных денег"⁴¹. Составной частью этого плана было требование ввести 100%-ное резервное обеспечение банковских депозитов с целью резко ограничить самоизъянную экспансию кредита.

Идейно-теоретические позиции Саймонса высказаны в его знаменитой статье "Правила против властей в денежно-кредитной политике" (1936), которая и сегодня широко цитируется экономистами, выступающими с консервативных позиций против "манипулирования деньгами". "Кредо либерализма, – писал Саймонс, – требует, чтобы вся наша хозяйственная жизнь была организована как участие индивидуумов в игре, подчиняющейся определенным правилам"⁴². Особую тревогу автора вызывала тенденция к "замене правил действиями властей", что привело к системе "управляемых денег". "В мире свободного предпринимательства мы со всей очевидностью нуждаемся в четко сформулированных и стабильных правилах игры, особенно в отношении денег"⁴³. Однако, возвращаясь к своему более раннему предложению о необходимости жесткой фиксации количества денег, Саймонс счел его "слишком простым" в условиях широкого распространения кредитных методов денежной эмиссии и различных форм близких денежных субститутов ("почти-денег"). Поэтому он предложил более реалистичный, на его взгляд, вариант правила, где во главу угла ставится обязательство поддерживать стабильный уровень цен. Именно оно "является, по-видимому, единственным многообещающим выходом из современного денежного хаоса и неопределенности"⁴⁴.

Идею введения специальных ограничений для защиты от ненадлежащего использования государством эмиссионного механизма поддерживали в разное время и другие экономисты. Напомним, что за введение правила выступал, например, американский экономист К. Уорбертон, которого Фридмен и Шварц назвали впоследствии "пионером-монетаристом". По свидетельству Р. Селдена, Уорбертон еще в 1942 г. высказывал мысль,

что "беспорядочные скачки денежной массы являются... главной причиной, порождающей спады в экономике", и предлагал законодательно зафиксировать темп годового прироста денег на уровне 5%⁴⁵.

После ряда выступлений Фридмана в 50 – 60-х годах с требованием принятия механической формулы роста денежной массы в печати США и других стран развернулась продолжительная дискуссия. Сторонники активизма кейнсианского толка отвергли самую возможность подчинения правительственные мероприятий слепой и механической схеме, усматривая в подобном шаге прямой путь к экономической катастрофе. Но и в монетаристском лагере не было единства в этом вопросе. Прежде всего, какой денежный агрегат должен стать предметом контроля? Как мы уже указывали, монетаристы фридменовской школы решают этот вопрос утилитарно, руководствуясь соображениями удобства и статистической целесообразности*.

За основу берется денежный агрегат, включающий наряду с наличными деньгами депозиты до востребования и срочные вклады в коммерческих банках, поскольку эта величина имеет, по их мнению, более тесную статистическую связь с величиной ВНП. Другие авторы монетаристского толка возражают против этого принципа, предлагая ограничиться регулированием лишь "активной" части денег, непосредственно участвующей в механизме обращения. Существуют также проекты регулирования денежной базы (налично-денежная эмиссия и резервные счета в центральном банке) на том основании, что она более эффективно контролируется центральным банком. Таким образом, в вопросе об объекте регулирования в среде монетаристов нет согласия.

Другой темой нескончаемых дебатов служит вопрос о конкретной величине темпов роста денег, предписываемой денежным правилом. Здесь также отсутствуют объективные критерии. Фридмен, например, полагает, что при выборе темпов роста денег необходимо "ориентироваться на стабильный долговременный уровень цен конечного продукта". Он предложил ввести правило механического прироста денежной массы в среднем на 4% в год. Эта цифра складывается из 3%-ного прироста реального продукта и 1%-ного долговременного снижения скорости обращения денег. При этом Фридмен настаивает на придании правилу жесткого характера: оно не должно учитывать колебания, а прирост денег должен происходить "месяц за месяцем в соответствии с заранее выбранным темпом"⁴⁶. Такую негибкую позицию поддержали лишь немногие экономисты (среди них – Э. Шоу). Большинство же придерживается мнения, что в случае принятия правила необходимо предусмотреть определенные механизмы саморегулирования на случай изменения экономической ситуации. М. Бронфенбреннер, например, полагает, что в случае введения правила "темпер роста денежной массы должен равняться сумме темпов роста рабочей силы и средней производительности труда за вычетом темпов роста скоро-

* "Существует целый континуум активов, – писал Фридмен, – обладающий в разной степени теми качествами, которые мы приписываем идеальной конструкции "денег", и поэтому нет такого-то одного-единственного способа провести грань, отделяющую деньги от "почти-денег"" (Friedman M. Program for Monetary Stability. P. 90).

сти обращения денег", причем корректировку следует осуществлять еженощельно или ежемесячно⁴⁷. Кроме того, Бронфенбреннер предложил ввести верхний и нижний пределы колебаний годовых темпов прироста количества денег (от 8 до 1%). Предложение об установлении "вилки" допустимых колебаний темпов роста денег поддержали К. Бруннер, Т. Майер и ряд других экономистов.

Сторонники кейнсианских взглядов встретили идею Фридмена о денежном правиле в штыки. Видный последователь Кейнса А. Лернер писал о тех тяжелых экономических последствиях, к которым неминуемо привело бы принятие монетаристских рекомендаций. Неустойчивость скорости обращения денег и относительная негибкость цен в современном капиталистическом хозяйстве сделали бы денежное правило фактором дестабилизации конъюнктуры. Об этом же говорил У. Хеллер: "В условиях несовершенного мира... подверженного всем видам негибостей, принятие удушающе-фиксированного правила роста денежной массы может в действительности оказать дестабилизирующее влияние. Оно обрекло бы нас на длительный период спада или инфляции, так как при наличии мощных сил, контролирующих рынок, замедленная корректировка заработной платы и цен отсрочила бы реакцию хозяйства, тогда как руководители экономической политики... беспомощно взирали на ситуацию"⁴⁸.

Как подчеркнул известный западногерманский экономист Э. Шнайдер, идея денежного правила покоятся на нереалистических представлениях, что центральный банк "а) осуществляет полный контроль над денежным обращением и б) не должен заботиться о ценах на товары и услуги, о процентных ставках и о состоянии платежного баланса". Первое условие может быть реализовано лишь при введении 100%-ного резервного обеспечения депозитов, второе – если действует свободный рыночный механизм корректировки цен. В современном капиталистическом хозяйстве эти условия отсутствуют, так что правило Фридмена заранее обречено на неудачу⁴⁹.

Несмотря на оппозицию многих видных экономистов и сомнения, выражаемые практиками экономической политики, ухудшение экономической обстановки в конце 60-х – начале 70-х годов способствовало росту популярности монетаристских схем ограничения денежной эмиссии. Их принятию предшествовала остройшая борьба. В послевоенные годы в системе государственного регулирования экономики сложился механизм дискреционного управления спросом, основанный на быстром переключении кредитно-денежных и бюджетных рычагов с "ускорения" на "торможение" и обратно. Денежное правило "не вписывалось" в эту схему и противоречило общей философии активизма. Поэтому первые же попытки принятия каких-то форм механических ограничений денежной эмиссии встретили сопротивление верхушки государственного аппарата и представителей академических кругов. Хорошей иллюстрацией этой борьбы служит история принятия денежного правила (вернее, одного из его "ослабленных" вариантов) в США.

В 1967 г. член палаты представителей Г. Рейсс, одобрявший идеи монетаристов, обратился к Совету управляющих ФРС с рекомендацией ввести твердые ориентиры приростов денежной массы, установив минимальный и максимальный пределы роста на уровне 3 – 5% в год⁵⁰. В ответном

письме тогдашний председатель ФРС Уильям Мартин отстаивал необходимость сохранения принципа дискреции в политике центрального банка и поставил под сомнение трактовку Рейссом "вилки" темпов роста денежной массы в 3-5% как долговременной нормы. Мартин ссылался при этом на резкие колебания спроса на деньги и другие ликвидные активы со стороны населения и деловых фирм, которые порождаются не только повседневными изменениями конъюнктуры, но и различными финансово-выми нововведениями долговременного характера. Последние ведут к нарушению устойчивых связей между денежной массой и другими показателями экономической активности, что в свою очередь находит отражение в систематических изменениях скорости обращения денег. "Принятие и закрепление какой-либо конкретной мишени для роста денежной массы на длительный период, — писал Мартин, — потребовало бы заморозить технологические новшества или привело, в противном случае, к избыточной или недостаточной эмиссии денег для удовлетворения хозяйственных нужд"⁵¹.

В мае 1968 г. состоялись специальные слушания в объединенной экономической комиссии конгресса США, где приняли участие представители науки и финансовых кругов. Большинство выступавших отрицательно отнеслось к идее изменить сложившиеся принципы регулирования денежного обращения на основе механического правила. Профессор Чендлер из Принстонского университета признал, что ФРС "делала ошибки и, несомненно, будет их делать в будущем", но это не является основанием для заключения, что принятие "негибкого правила, сформулированного на месяцы и даже на годы вперед", обеспечит лучшие результаты. "Я не вижу реальной альтернативы дискреционной денежно-кредитной политике", — заявил он. Другой известный экономист из Массачусетского технологического института, Ф. Модильяни, сослался на постоянные изменения хозяйственной конъюнктуры: "Если бы мы жили в статичном мире, где ситуация никогда не меняется или меняется согласно каким-то устойчивым правилам, то можно было бы принять предпосылку неизменного темпа роста денежной массы... Но мы, конечно, живем в другом мире. Ошибки (в политике. — В. У.), которые имели место в недавнем прошлом, меньше тех, которые возникли бы в результате введения любой механической процедуры"⁵².

Центральный банк США был представлен на слушаниях членом Совета управляющих ФРС Дж. Митчеллом. Он также акцентировал внимание на том, что "ни один отдельно взятый показатель, будь то денежная масса, деньги плюс срочные вклады, банковский кредит, общая сумма кредитных операций, свободные резервы, процентные ставки... не может быть исключительным ориентиром денежно-кредитной политики и ее воздействия на экономический процесс". Митчелл выразил мнение, что применяемая ФРС процедура формирования политики, основанная на "сочетании суждений с исчерпывающим количественным анализом", значительно лучше "любого простого правила"⁵³.

Монетаристы, однако, продолжали наступление на "господствующую бюрократию", как они характеризовали государственный аппарат, требуя принятия центральным банком принципов автоматического регулирования темпов роста денег. Фридмен бомбардировал письмами руковод-

ство ФРС, требуя изменения стратегических установок денежной политики. В январе 1969 г. он обратился к У. Мартину с предложением опровергнуть в Нью-Йоркском федеральном резервном банке "возможность установления ориентиров роста денежной массы и разработки соответствующих технических приемов"⁵⁴. Мартин уклончиво ответил: "Я серьезно сомневаюсь, что мы способны обеспечить контроль (над денежными агрегатами. — В. У.), но... мы могли бы значительно ближе подойти к такому контролю"⁵⁵.

Преемник Мартина на посту председателя Совета управляющих ФРС А. Бернс объявил в 1970 г. о смене приоритетов в политике центрального банка и о необходимости обеспечения плавного и постепенного роста денежной массы. Эти обещания так и остались на бумаге, и в последующие годы характер денежно-кредитной политики не изменился. Тем не менее резкое ухудшение условий капиталистического воспроизводства в начале 70-х годов (особенно валютные неурядицы и острая инфляция) привело к обесценению господствовавших схем экономической политики, базировавшихся на идеях кейнсианско-неоклассического синтеза.

Ход событий продемонстрировал несостоенность идеи устойчивого "компромисса" между конфликтными целями хозяйственной политики. Это вынуждены были признать даже ученые, не принадлежащие к monetaristской школе. Выступая на сессии Американской экономической ассоциации в 1977 г., Г. Уоллич сказал: "Безработица и инфляция являются тяжелыми социальными недугами, и, если их не устраниТЬ, они могут повлиять на нашу экономическую, а возможно, и политическую систему. Между этими явлениями имеется очень ограниченный компромисс. В долговременном же периоде компромисса вообще не существует. Они могут развиваться практически в одном направлении, если не в одно и то же время"⁵⁶. Уоллич признал, что инфляция не только не является лекарством от безработицы и падения производства, но и в конечном счете усиливает их, так как ускорение роста цен вызывает к жизни все более жесткие меры для подавления спроса, свертывания капиталовложений и т. п. Резко возрастает неопределенность перспектив хозяйственного развития, связанная с распространением инфляционных ожиданий. Это в свою очередь вызывает специфические реакции экономических субъектов — нежелание вкладывать капитал в долгосрочные проекты, лихорадочные закупки сырья, материалов, товаров длительного пользования в предвидении их удорожания и т. д. В результате еще более ухудшается общее состояние хозяйства.

На той же сессии Р. Гордон указал на возросшее недоверие к кейнсианской политике управления спросом. "Широко распространенная вера в потенциально стабилизирующий эффект дискреционной кредитно-денежной и фискальной политики, — заявил он, — сменилась всеобщим подозрением, что интервенционистские меры в конечном счете, по-видимому, не приносят выгод"⁵⁷.

Все это способствовало росту популярности monetaristских рекомендаций. Оказавшись под мощным прессом общественного мнения, требовавшего срочных и действенных мер для обуздания инфляции, стабилизации валютных курсов и прекращения роста процентных ставок, капиталистические центральные банки начали вводить на практике некое

подобие денежного правила, получившего название таргетирования денежной массы (от английского слова target – цель, мишень). Обычно "мишени" выражались либо твердой цифрой допускаемого роста показателя на предстоящий период (квартал, год), либо "вилкой", в которую должны уложиться темпы увеличения денежных или кредитных агрегаторов. Так, западногерманский Бундесбанк в 1974 г. объявил о введении ориентиров роста банковских резервов и наличных денег на 12-месячный период. В том же году Швейцария ввела показатель допустимого роста денежного агрегата M1, а Италия – общей суммы новых кредитов. В 1975 г. на путь таргетирования M1 встала Канада; за ней последовали Великобритания (в 1976 г.) и Франция (в 1977 г.), установив "мишени" для различных узких и широких показателей денежной массы. К группе стран, применивших политику таргетирования, присоединились также Нидерланды, Испания и некоторые другие страны⁵⁸.

Как показывает анализ, ни одна из капиталистических стран не применила правило Фридмена "в чистом виде". Руководители денежной политики стремились сохранить за собой свободу маневра, не без основания полагая, что в условиях крайне неустойчивой конъюнктуры механический прирост денег в обращении может нарушить нормальный ход платежей и вызвать дезорганизацию рынков ссудного капитала. Поэтому на практике таргетирование всюду сочеталось с принципом дисcretion. Конечно, такой подход выхолащивал монетаристскую трактовку денежного правила, которая преследовала цель до предела ограничить возможности вмешательства властей в процессы денежной эмиссии. Естественно, что практическое осуществление монетаристских рекомендаций вызвало нарекания с их стороны. Между монетаристскими кругами и руководством Федеральной резервной системы возник острый конфликт.

В 1975 г. конгресс США принял резолюцию, которая обязывала Федеральную резервную систему обеспечить "долговременный рост денежных и кредитных агрегаторов в соответствии с долговременными потенциальными возможностями экономики по увеличению производства". ФРС вменялось в обязанность устанавливать "мишени" для роста денежных агрегаторов и периодически отчитываться перед конгрессом о планируемых темпах роста или сокращения денежной массы и кредитных операций на предстоящий период. Это положение было впоследствии зафиксировано в Законе о полной занятости и сбалансированном росте 1978 г. (закон Хэмфри – Хоукинса) и внесено в Федеральный резервный акт. Подчиняясь этим решениям, ФРС начала систематически публиковать "вилку" целевых ориентиров на предстоящие 12 месяцев для денежных агрегаторов и процентной ставки по операциям с резервными остатками коммерческих банков (федеральными фондами). "Вилка" пересматривалась каждые 3 месяца.

М. Фридмен так оценивает реакцию ФРС на решение конгресса о введении "мишней" роста денежной массы: "Федеральная резервная система упорно противилась резолюции и пыталась предотвратить ее принятие. Когда же резолюция была утверждена, ФРС обещала сотрудничать, но затем начала саботировать ее столь умело и эффективно, что решения оказались не решительным поворотом в политике, как я ошибочно полагал сначала, а чуть заметным, второстепенным шагом"⁵⁹.

Саботаж Федеральной резервной системой требования конгресса о введении жесткого контроля над денежной массой стал предметом широкой критической кампании со стороны монетаристов и их единомышленников в правительственные органах. В 1978 г. был проведен симпозиум по вопросам политики ФРС. Открывая его, К. Бруннер заявил: "Нет никаких свидетельств того... что официальное введение "мишеней" роста денежной массы оказалось какое-либо влияние на традиционный механизм политики, которая ориентируется на ставку по федеральным фондам и общее состояние денежного рынка"⁶⁰. Профессор Калифорнийского университета Дж. Пирс, выступив на симпозиуме, указал на ряд уловок, с помощью которых руководители ФРС успешно нейтрализуют ограничивающее влияние денежного правила. Во-первых, "мишени" были установлены сразу для пяти денежных агрегатов, динамика которых была совершенно различной. Тем самым вносились путаница и отвлекалось внимание от подлинных целей политики, поскольку "в течение предстоящих 12 месяцев хотя бы один из пяти агрегатов обязательно будет находиться в пределах установленной "вишки"⁶¹. Вторая уловка заключалась в том, что в начале каждого периода новые "мишени" применялись к фактически достигнутому, а не к первоначальному уровню денежных агрегатов. Например, если на второй квартал какого-либо года пределы роста M1 были определены в размере 6 – 8%, то они применялись не к величине M1 на начало года, а к величине этого показателя на конец первого квартала. Это изменяло базу отсчета (так называемый дрейф базы), что способствовало скрытому росту количества денег при внешней видимости строгого контроля над ним. Пирс приходит к следующему выводу: "...никакой революции не произошло. Денежно-кредитная политика продолжает осуществляться в обычном стиле. Влияние конгресса на денежные мероприятия ничтожно или вообще отсутствует. ФРС фактически не изменила своей политики, чтобы сделать ее совместимой с контролем над денежными агрегатами"⁶².

Принятый позднее закон Хэмфри – Хоукинса предписывал ФРС устанавливать "мишени" не раз в 3 месяца, а в начале года с пересмотром их в середине года. Это несколько уменьшило "дрейф базы", но не устранило его полностью. По подсчетам Б. Спринкела, сторонника жесткого контроля над денежной массой, за период 1976 – 1978 гг. невидимый "дрейф" увеличил агрегат M1 на 10,9 млрд долл., во второй половине 1982 г. – на 14 млрд, во второй половине 1983 г. – на 10,5 млрд долл. и т. д.⁶³

Лишь в конце 1979 г., когда инфляция в США приняла угрожающие размеры и возникла серьезная опасность подрыва позиций доллара на мировых валютных рынках, ФРС приняла реальные шаги для резкого торможения денежной эмиссии. После того как на годичной сессии Международного валютного фонда осенью 1979 г. финансовые эксперты дали очень тревожную, если не сказать паническую, оценку состояния и перспектив доллара, центральный банк США объявил о переходе к "новой операционной процедуре" (new operational procedure), направленной на ужесточение контроля над денежной массой. Член руководства ФРС А. Бrimмер впоследствии писал: "Комитет по операциям на открытом рынке принял по существу своему монетаристский подход к осуществлению денежной политики. Главный момент заключался в решении

уделить большее внимание воздействию на величину резервов и денежных агрегатов (которые уже были к тому времени объектом таргетирования) и меньшее – регулированию процентных ставок”⁶⁴. Впервые с 1970 г. ФРС реально поставила в центр политики ориентиры прироста денежной массы.

Сдвиг политики центрального банка США в сторону монетаристских рекомендаций был частью общего распространения консервативной идеологии в политическом мышлении Запада. Аналогичный процесс происходил и в других странах. Приход к власти в мае 1979 г. в Великобритании консерваторов во главе с М. Тэтчер знаменовал крутой поворот в экономической стратегии, и в частности выдвижение на первый план в системе приоритетов задачи стабилизации уровня товарных цен. В книге “Консерватизм свободного рынка”, отражающей мнение леворадикальных кругов западной интеллигенции, Г. Ходжмен пишет: “С 1945 по 1970 г. или около этого в экономической политике Англии наблюдалась кейнсианская “интерлюдия”... Избрание в мае 1979 г. консервативного правительства, где Маргарет Тэтчер заняла пост премьер-министра, кардинально изменило ситуацию. Кейнс был свергнут со своего трона... В экономической политике произошел заметный поворот вправо. Кейнсианская эра осталась далеко позади”. Что касается монетаризма, автор замечает: “После того как монетаризм завоевал ряд сторонников в лейбористском правительстве 1974 – 1979 гг., он стал, по крайней мере на первых порах, боевым гимном штаба Тэтчер”⁶⁵.

Правительство консерваторов обещало устраниć причины долговременного застоя в английской экономике, повысить темпы роста производительности труда, замедлить рост цен. С этой целью была принята программа снижения налогов, ограничения вмешательства государства в функционирование частных фирм, поощрения капиталовложений и т. д. Но главной целью правительственной политики было устранение инфляции. Ведущая роль в антиинфляционной программе отводилась ограничению темпов роста денег. Интересно отметить, что одной из причин поворота в сторону монетаристского курса послужили условия, поставленные перед Англией в 1976 г. Международным валютным фондом в связи с просьбой этой страны предоставить ей заем в сумме около 4 млрд ф. ст. Тогдашнее лейбористское правительство в своем “Письме о намерениях”, направленном МВФ, обещало ограничить рост бюджетных расходов и снизить требования государственного сектора на привлечение заемных средств. Ориентиры для денежной массы тогда еще не были установлены, но в письме МВФ выражалась “надежда”, что рост агрегата М3 в 1976/77 финансовом году будет находиться в пределах 9 – 13%⁶⁶.

Главным средством соблюдения “денежной дисциплины” стала в последующие годы фиксация допустимых пределов колебаний агрегата М3. Этот агрегат включает сумму наличных денег в обращении и все депозитные остатки в банках (текущие счета и срочные вклады), выраженные в фунтах стерлингов. Вначале (1976 – 1977 гг.) “вишка” составляла 9 – 13%, затем, в конце 1978 г., она была снижена до 8 – 12%, а в 1979 – 1981 гг. – до 7 – 11%. Однако фактические темпы роста М3 в течение большей части рассматриваемого периода существенно отклонялись от установленных пределов, как правило в сторону их превышения. Так, с февраля 1980 по

апрель 1981 г. прирост М3 составил 18,5% при установленной "вилке" в 7 – 11%, с февраля 1981 по апрель 1982 г. – 14,5% (при "вилке" 6 – 10%)⁶⁷.

На основе статистических данных об изменениях М3 трудно сделать вывод, что в первые годы правления администрации Тэтчер проводилась политика "денежного зажима". Многие экономисты полагают, однако, что при ориентации на агрегат М3 имеет место своего рода статистическая иллюзия, когда изменения различных по характеру элементов денежной массы взаимно погашают друг друга. Так, сокращение "активных" денежных остатков в М3 в начале 80-х годов перекрывалось ростом популярных среди населения видов сберегательных вкладов. Поэтому высказывалось мнение, что более приемлемым показателем направления денежно-кредитной политики служат изменения узких агрегатов, например денежной базы (наличные деньги плюс резервные счета в центральном банке) или М1 (наличные деньги плюс остатки на текущих счетах). Прирост этих показателей в 1980 – 1981 гг. резко замедлился, что свидетельствовало о политике "денежного сдерживания".

В области бюджетной политики правительство консерваторов снизило ставки налогообложения личных доходов. Но одновременно были резко повышенены другие налоги, что привело к общему увеличению налогового бремени. В частности, неоднократно повышались ставки налога на добавленную стоимость по широкому кругу товаров, в результате чего снизились реальные доходы населения.

Политика финансового "зажима" спровоцировала серьезный спад в английской экономике. Годовой индекс промышленного производства (1980 г. = 100) сократился со 107,1 в 1979 г. до 96,6 в 1981 г., а к 1984 г. он не достиг уровня 1979 г. (103,1). Инвестиции в основной капитал (в ценах 1980 г.) сократились с 43 855 млн ф. ст. в 1979 г. до 37 695 млн в 1981 г. и в 1984 г. едва превысили сумму на начало рассматриваемого периода (45 391 млн ф. ст.). Резко возросла безработица. Если в момент прихода консерваторов к власти в стране насчитывалось 1 184 тыс. безработных (не считая окончивших школы) – 5,1% лиц наемного труда, то в конце 1981 г. их было 2 620 тыс. (12,1%) и в конце 1984 г. – уже 3 092 тыс. (14,5% наемной рабочей силы). Единственным светлым пятном на этом фоне было замедление темпов инфляции. Правда, в первые годы правления консерваторов рост цен продолжал оставаться высоким: годовой индекс розничных цен составлял в 1979 г. 17,1%, в 1980 г. – 15,1, в 1981 г. – 12%. В последующие годы годовой рост цен снизился до 4,6 – 5,4% в год⁶⁸.

Итак, за достижение весьма неустойчивой ценовой стабильности была уплачена высокая цена. Миллионы людей лишились работы, была безвозвратно потеряна продукция на многие миллиарды фунтов стерлингов. Введение денежных "мишеней" сыграло в этом процессе роль троянского коня. С помощью подобной меры не только ограничивался платежеспособный спрос на товары и услуги, но правительство ясно и недвусмысленно дало понять, что оно более не придерживается кейнсианской цели обеспечения высокой занятости и ускорения темпов экономического развития. Это открыто подтвердил в официальном бюллетене Банка Англии Д. Ффорд⁶⁹.

Крупный капитал добился своих целей, резко ухудшил позиции рабочего класса, не считаясь с серьезными потерями для национальной экономики. У. Бюнтер и М. Миллер после тщательного анализа экономических мероприятий кабинета М. Тэтчер в начале 80-х годов писали: "Правительство достигло, хотя и ценой больших издержек, решительно снижения инфляции, значительно ослабив при этом способность профсоюзов добиться реального повышения заработной платы сверх прироста производительности труда... Однако теперь, при наличии беспрецедентного избытка неиспользуемой рабочей силы, капитала и управленческих кадров... основной риск заключается в том, что наметившееся устойчивое восстановление хозяйства будет прервано из-за нехватки эффективного спроса"70.

Необходимо отметить, что при всех издержках и отрицательных социальных последствиях "денежное торможение", предпринятое правительством Тэтчер, оказало известный оздоровительный эффект. Была подготовлена почва для ряда важных структурных реформ, улучшились внешние позиции фунта стерлингов, создались благоприятные условия для перестройки кредитно-финансовой системы. Вместе с тем, укрепив "денежный фундамент" экономики, правительство несколько ослабило зажим, что привело к быстрой экспансии кредита в 1985 – 1987 гг. Денежная масса, как бы нагоняя упущенное, возросла по агрегату M1 на 78% с конца 1984 по конец 1987 г., а рост агрегата M3 за указанные три года превышал 20% в год. Этот рост совпал с общим улучшением хозяйственного положения и не имел заметных инфляционных последствий.

Не менее драматичным был перелом в экономической политике правительственный администрации в США. Как писала Т. Эмот, "выборы 1980 г. привели к власти президента, который ранее был признан слишком большим экстремистом, чтобы занимать президентское кресло. В экономической области кейнсианская политика управления спросом была отвергнута и вместо нее принята на вооружение теория микроэкономики, которая исключительно быстро вторглась в сферу политики"71. В программе Рейгана получила отражение пестрая смесь рекомендаций различных консервативных течений. Известный американский экономист и социолог У. Ростоу выделяет четыре таких течения: 1) "сэпплай-сайдеры", стремящиеся поощрять частные капиталовложения путем снижения налогов и сокращения масштабов государственного контроля; 2) "урезатели бюджета", желающие сократить расходы бюджета на гражданские нужды, особенно программы социальных выплат; 3) монетаристы, работающие за ограничение темпов роста денежной массы для сдерживания инфляции, и, наконец, 4) "стратегические планировщики", выступающие за резкое увеличение военных расходов для устрашения СССР72.

Программа Рейгана по снижению налогов была выгодна в первую очередь зажиточным слоям населения. Перераспределению доходов в пользу имущих классов было подчинено и свертывание важнейших социальных программ бюджета, многие из которых были учреждены еще во времена "нового курса" Рузельта. Так, по подсчетам бюджетного бюро при конгрессе США, в результате законодательства, принятого в 1981 – 1982 гг. в области налогообложения и социального обеспечения, семьи с годовым

доходом до 10 тыс. долл. должны были потерять в 1983 – 1985 гг. около 17 млрд долл., а семьи с годовым доходом свыше 80 тыс. долл. – получить дополнительно свыше 55 млрд долл.⁷³ Одновременно были значительно снижены ставки налогов на прибыли корпораций. Если в 1960 финансовом году (ф. г.) поступления в бюджет из этого источника составляли 23,2% всех доходов, то в 1980 ф. г. – 12,5, а в 1983 ф. г. – 6,6%. В то же время налоги на покрытие различных социальных программ увеличились с 15,9% всех бюджетных поступлений в 1960 ф. г. до 30,5% в 1980 ф. г. и 35,5% в 1983 ф. г.

Резко возросли военные расходы федерального бюджета – со 104,5 млрд долл. в 1978 ф. г. до 252,7 млрд в 1985 ф. г. (рост в 2,4 раза). Это явилось главной причиной огромного и хронического бюджетного дефицита. За 1979 – 1985 гг. доходы бюджета увеличились на 58%, расходы – на 88, государственный долг – на 110%. Общая сумма бюджетных дефицитов достигла астрономической цифры – 926,3 млрд долл. Все это привело к интенсивному использованию правительством средств ссудного рынка. Согласно статистике денежных потоков, публикуемой ФРС, позимствования государственного сектора на рынках кредита неуклонно возрастили – с 37,4 млрд долл. в 1979 г. до 199 млрд в 1984 г.⁷⁴ Это вызвало обострение конкуренции за привлечение ссудных капиталов и способствовало резкому повышению рыночных процентных ставок.

**Бюджет федерального правительства
и государственный долг США, млрд долл.**

Финансовые годы	Доходы бюджета	Расходы бюджета	Дефицит	Государственный долг (на конец года)
1977	355,6	409,2	–53,6	709,1
1978	399,6	458,7	–59,2	780,4
1979	463,3	503,5	–40,2	833,8
1980	517,1	590,9	–73,8	914,3
1981	599,3	678,2	–78,9	1 003,8
1982	617,8	745,7	–128,9	1 147,0
1983	600,6	808,3	–207,9	1 381,9
1984	666,5	851,8	–185,3	1 576,7
1985	734,1	946,8	–212,3	1 827,5
1986	769,1	990,3	–221,2	2 218,9
1987	854,1	1 004,6	–150,4	2 435,2

Источник. The Budget of the United States Government. Wash., 1988.

Что касается денежно-кредитной политики, то принятый Федеральной резервной системой в конце 1979 г. курс на ограничение роста денежной массы проводился весьма непоследовательно.

В 1979 – 1980 гг. было проведено несколько мероприятий с целью замедлить темпы денежной эмиссии и ограничить их рамками объявленных ориентиров. ФРС ввела дополнительные нормы обязательных резервов для крупных банков, объявила программу добровольного ограничения кредита, затруднила предоставление потребительских ссуд и т. д. Эти меры привели к замедлению роста денежной массы – в марте 1980 г. тем-

Темпы роста денежных агрегатов, IV кв. к IV кв.
предшествующего года

Год	M1	M2	M3	Задолженность не-финансового сектора
1979	7,5	10,3	12,4	12,4
1980	7,8	9,6	9,6	9,6
1981	5,2 (2,5)*	12,3	9,8	9,8
1982	8,7	10,0	9,1	9,1
1983	10,4	9,9	11,2	11,2
1984	5,3	7,6	10,4	14,2
1985	12,0	8,9	7,7	13,3
1986	15,6	9,4	9,1	13,2
1987	6,2	4,0	5,4	9,6

* За вычетом неактивной части нау-счетов.

Источник. Federal Reserve Bulletin. 1988. III. P. 161.

Процентные ставки ссудного рынка, % годовых

Год	Ставка по новым выпускам трехмесячных казначейских векселей	Первичная ставка по банковским ссудам	Ставка по федеральным фондам
1977	5,26	6,83	5,54
1978	7,22	9,06	7,93
1979	10,04	12,67	11,19
1980	11,50	15,27	13,36
1981	14,03	18,87	16,38
1982	10,68	14,86	12,26
1983	8,63	10,79	9,09
1984	9,58	12,04	10,23
1985	7,48	9,93	8,10
1986	5,98	8,33	6,81
1987	5,82	8,22	6,66

Источник. Economic Report of the President, 1986. P. 332.

пы прироста M1 упали ниже нижней границы "мишени". Однако ограничения были ослаблены, и темпы роста M1 во второй половине 1980 г. резко подскочили. В 1981 г. темп увеличения M1 вновь упал, составив в сопоставимом виде всего 2,5% по сравнению с 7,8% в 1980 г. и 7,5% в 1981 г.*

С помощью денежного "зажима" ФРС стремилась продемонстрировать свою решимость покончить с инфляцией. Эта политика была использована для оказания психологического давления на профсоюзы. Так, председатель ФРС Волкер, выступая перед комиссией палаты представителей, заявил в августе 1981 г.: "В январе будущего года начнется исключительно важный раунд переговоров с профсоюзами о заработной плате,

* В 1981 г. был введен новый статистический показатель (M1B), очищенный от сумм, переведенных на "гибридные" счета (нау-счета и АТС-счета) со сберегательных вкладов.

который определит ее возможный уровень на несколько лет вперед. Это одна из причин, почему нам нужна ясная и убедительная позиция относительно намерений в области денежной и фискальной политики и ее последствий для состояния экономики и инфляции”⁷⁵. Политика ФРС способствовала резкому повышению процентных ставок на рынках ссудного капитала. Ставка по федеральным фондам, являющаяся показателем напряженности денежного рынка, достигла в середине 1981 г. рекордного уровня – 19%.

В 1982 г. отрицательные последствия антиинфляционной терапии для американского хозяйства выявились в полной мере. Индекс промышленного производства в декабре 1982 г. составил всего 130,5 (1967 = 100) по сравнению с 156,9 в июне 1979 г. Частные инвестиции в основной капитал сократились (447,3 млрд долл. в 1982 г. по сравнению с 454,8 млрд в 1979 г.). Резко увеличилось количество банкротств деловых фирм – с 6,6 тыс. (23,9 на 10 тыс. предприятий) в 1979 г. до 24,9 тыс. (88,4 на 10 тыс. предприятий) в 1982 г. Число безработных с 6,4 млн человек в июне 1979 г. достигло 11,6 млн в декабре 1982 г.

В этой обстановке углубляющегося спада руководство ФРС начало бить отбой. Выступая перед объединенной экономической комиссией конгресса, Волкер указал на неизбежность возврата к дискреционной политике: “В современной экономической обстановке при оценке процессов в области денег и кредита и определении “мишеней” требуются элементы суждения, интерпретации и гибкости... Когда мы решаем, соответствует ли рост агрегатов намерениям ФРС, следует... учитывать обширный круг финансовых и нефинансовых показателей”⁷⁶.

В октябре 1982 г., т. е. ровно через три года после принятия “новой операционной процедуры”, ФРС вновь вернулась к политике активного противодействия экономическому спаду с помощью мер кредитной экспансии. Волкер заявил 9 октября, что, хотя денежные агрегаты растут темпом, превышающим верхние границы установленных “мишеней”, комитет по операциям на открытом рынке не будет добиваться их снижения⁷⁷.

Отход центрального банка от политики жесткого таргетирования денег был воспринят как фиаско монетаристского учения, как провал его важнейших рекомендаций. “В 70-х годах, – писал Дж. Тобин в 1984 г., – монетаристы завоевали сердца и умы многих экономистов и руководителей центральных банков. Ныне они, по-видимому, теряют своих сторонников и влияние отчасти из-за того, что их обвиняют в глубокой экономической депрессии, а отчасти из-за тех изменений в системе регулирования, институтах и технологиях, которые меняют содержание и скорость обращения денежных агрегатов... Председатель ФРС Волкер и его коллеги отменили монетаристские “мишени”. Весьма сомнительно, чтобы эти “мишени” вновь получили когда-либо свой прежний статус, хотя такую возможность нельзя полностью исключить”⁷⁸.

Монетаристы, однако, дали совершенно иную интерпретацию поворота в действиях ФРС. По их мнению, никакого отхода от монетаристской политики не было, так как ФРС и не собиралась ее проводить. В статье под характерным названием “Как испортить репутацию монетаризма” М. Фридмен писал: “Широко распространено мнение, будто монетаризм

подвергся испытанию в США в период с 1979 по 1984 г. и не оправдал себя на практике. Подобные утверждения очень далеки от истины. В октябре 1979 г., будучи в отчаянном положении, Федеральная резервная система приняла на вооружение монетаристскую риторику. Но ни тогда, ни после она не проводила монетаристскую политику". В 1979 – 1982 гг., по мнению Фридмена, не было выполнено основное требование монетаристской стратегии – обеспечение плавного, устойчивого роста денег, "хотя в среднем темп увеличения денег был ниже, чем раньше, что способствовало последующему уменьшению инфляции, амплитуда колебаний денежной массы после изменения курса политики значительно увеличилась". Что же касается событий после середины 1982 г., то ФРС "вернулась к старой политике, существовавшей до октября 1979 г."⁷⁹.

Оппозицию руководства центрального банка США Фридмен связывает главным образом с "инерцией бюрократического аппарата", его стремлением сохранить "значимость и престиж". "Каждая бюрократическая организация, – пишет он, – не хочет подотчетности, и ФРС в этом отношении не составляет исключения... Принятие (механического правила. – В. У.) свело бы деятельность ФРС к рутинным операциям, которые могут выполнять компьютеры, запрограммированные клерками... Глава любого учреждения, подчиняющийся такой рутинной квазимеханической задаче, вряд ли считался бы "вторым по значению человеком в стране", как сегодняшний председатель ФРС. Я делаю вывод, что проведение строгого монетаристского курса противоречит и всегда противоречило личным интересам членов Совета управляющих ФРС"⁸⁰.

В словах Фридмена имеется определенная доля истины. Бюрократический аппарат ревностно охраняет свои привилегии. Но это, по-видимому, все же не главная причина оппозиции "строгому монетаризму". Применение монетаристских рецептов нанесло экономике капитализма большой урон, что вызвало обострение классовых конфликтов и недовольство в различных слоях американского общества. А. Бrimmer, которого, как бывшего члена руководства ФРС, трудно заподозрить в нелояльности к этой организации, писал: "Монетаристский курс, проводившийся ФРС с 1979 г., способствовал тому, что американское хозяйство работало ниже своих потенциальных возможностей. Два спада, вызванные экономической политикой, – во что свою лепту внесла и денежная политика – настолько ограничили рост производства и повысили уровень безработицы, что можно вполне достоверно говорить о возникновении мини-депрессии"⁸¹. По оценкам Бrimмера, за три года монетаристского эксперимента (1979 – 1982 гг.) потери реального продукта в США составили 450 млрд долл.

Прогрессивная общественность дала негативную оценку целей и методов денежного "зажима". Как писал Ходжмен, действия правительства были направлены на то, чтобы "усмирить и деморализовать рабочий класс и безработных... При отсутствии эффективного сопротивления администрация отбросила назад государство благосостояния, помогла капиталу в его попытках снизить издержки, связанные с рабочей силой, предприняла атаку против законодательных положений, обеспечивавших в послевоенный период сотрудничество большого бизнеса и профсоюзов, и ослабила рабочий контроль над условиями труда". Это отразилось на устойчивости

самого капитализма. "Утверждая свою прокапиталистическую идеологию, — пишет Ходжмен, — рейганомика обострила кризис современного капитализма"⁸².

Центральный банк не мог долго игнорировать факт резкого ухудшения состояния американской экономики. Сказалось и давление администрации и лично президента США, требовавшего ослабить денежный "зажим", чтобы помочь республиканской партии на президентских выборах 1984 г. С учетом этих обстоятельств ФРС вынуждена была отойти от жесткого ограничения кредитных операций и допустить превышение темпов роста денег сверх установленных пределов.

Меры по ограничению инфляционной стихии и укреплению позиций доллара принесли, однако, свои плоды. Удалось подавить (по крайней мере на время) бурный рост инфляционных ожиданий, дезорганизовавший финансовую сферу и систему экономических отношений в целом. Доверие деловых кругов к администрации Рейгана возросло. Все это способствовало подъему экономики, росту производства и занятости в последующие годы. Вместе с тем новый резкий рост денежной массы в 1985 — 1986 гг. (соответственно на 11,2 и 17,0% для агрегата $M1$) и сохранение гигантского дефицита федерального бюджета служат грозным напоминанием о возможности возобновления инфляционного давления в американском хозяйстве.

СУДЬБА МОНЕТАРИСТСКОЙ ШКОЛЫ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В начале 70-х годов Г. Джонсон предсказал монетаризму быстрое "растворение" в недрах господствующей школы кейнсианско-неоклассического синтеза. Этот прогноз не оправдался. Напротив, позиции ортодоксального кейнсианства оказались серьезно подорванными, тогда как монетаризм набирал победные очки. В начале 80-х годов правительственные органы капиталистических стран и центральные банки, охваченные монетаристским угаром, наперебой вводили таргетирование денежной массы, стремясь укрепить доверие к своей политике, приостановить развитие инфляции и обуздить профсоюзы. Поддержка консервативно настроенных политических кругов и верхушка крупного капитала обеспечили монетаризму громкое паблисити.

Н. Калдор писал об этом периоде: "Великое возрождение монетаризма в 70-х годах, приведшее к принятию рядом западных правительств строгих монетаристских предписаний... войдет в историю как один из самых поразительных эпизодов, сравнимых разве что с периодическими вспышками массовой истерии (например, с "охотой на ведьм" в средние века). В самом деле, я не знаю другого случая, когда в корне ошибочная теория о причинных связях в хозяйстве смогла бы в течение всего нескольких лет добиться столь большого успеха..."¹

Была развернута широкая пропагандистская кампания в пользу монетаризма. Из объекта доктринерской полемики в узком кругу экономистов-профессионалов монетаристские идеи и рекомендации превратились в достояние широкой публики. Монетаристы охотно участвовали в телевизионных диспутах, давали интервью, выступали на страницах бульварных изданий вплоть до журнала "Плэйбой". М. Фридмен в течение ряда лет вел еженедельную колонку в популярном журнале "Ньюсик". Обывателю настойчиво внушалась мысль о первоочередной роли денег в процессах экономического развития. М. Майлз, отдавший в свое время дань поклонения монетаризму, а затем перешедший в лагерь его критиков, следующим образом рисует обстановку в США в начале 80-х годов: "Вы включали радио и слышали последние сообщения о величине денежной массы. Телевизионные передачи предлагали вам дебаты о том, как недавние действия ФРС повлияли на запас денег. В газетах вас знакомили с предложениями относительно того, какое воздействие сдвиги в количестве денег, возникшие по инициативе центрального банка, окажут на инфляцию, процентные ставки и общее состояние экономической активности в стране. Людей во всем мире умело приучали мыслить категориями монетаристской логики"².

Хотя монетаристам удалось привлечь к себе многих сторонников, большинство профессиональных экономистов и политических деятелей не приняли их доктматов. Интересные результаты дал опрос, проведенный

в начале 80-х годов учеными Цюрихского университета в Швейцарии во главе с профессором Б. Фреем. Они разослали видным ученым пяти стран (США, ФРГ, Франции, Швейцарии и Австрии) анкету с просьбой высказать мнение по ряду дискуссионных вопросов экономической теории и политики. Ответы прислали около тысячи (точнее, 931) экономистов. Показательно отношение опрошенных к некоторым монетаристским идеям*.

На вопрос: "Является ли инфляция преимущественно денежным явлением?" – 47% опрошенных дали отрицательный ответ. Лидировали французские (70% отрицательных ответов) и австрийские (58%) экономисты. В США процент отрицательных ответов равнялся 43. Самой "монетаристской" страной оказалась Швейцария, где лишь 1/3 экономистов выразили несогласие с указанным утверждением.

На вопрос: "Является ли денежная масса более важной "мишенью" денежно-кредитной политики, чем процентные ставки?" – реакция была иной. Здесь получен высокий процент положительных ответов – 74% согласны "в целом" и 31% – с оговорками. Лишь 22% опрошенных высказались против. И вновь среди сторонников монетаризма на первом месте оказалась Швейцария – лишь 10% отрицательных ответов. Наконец, вопрос: "Должен ли центральный банк фиксировать темп роста денежной массы?" – вызвал отрицательный резонанс. Фридменовское правило постоянных темпов роста денег отвергли 70% австрийских, 63% западно-германских, 61% американских экономистов.

Разумеется, результаты любого опроса общественного мнения следует оценивать осторожно, так как они зависят от многих обстоятельств, в том числе от выбора участников, постановки вопросов и т. д. Но по-видимому, есть резон в выводах ученых из Цюрихского университета о наличии широкой оппозиции монетаризму в академических кругах капиталистических стран: "Являемся ли мы все теперь монетаристами? Ответ явно отрицательный, если касаться основных положений, выдвинутых Фридменом и другими монетаристами... Наиболее "монетаристской" страной является Швейцария... Взгляды американских экономистов где-то в середине спектра"³.

Серьезный урон репутации монетаризма нанесли попытки реализовать некоторые его положения на практике. Глубокий экономический спад 1981 – 1982 гг., принявший особенно острые формы в странах, которые проводили "зажим" денежной массы по монетаристской схеме, наглядно продемонстрировал несостоятельность утверждений, будто подчинение денежной эмиссии пресловутому правилу постоянных темпов роста будет способствовать стабилизации экономики и обеспечит устойчивый рост производства. Грозная реальность, выразившаяся в почти полной остановке экономического роста, массовых банкротствах деловых предприятий, астрономических цифрах безработицы и других кризисных явлениях, отрезвляющее подействовала на органы экономического контроля, заставила пойти на ослабление денежного "корсета" и допустить превышение установленных ориентиров роста денежной массы.

* Участникам опроса предлагалось дать один из следующих ответов: "в целом согласен", "согласен с оговорками", "в целом не согласен".

Многие обозреватели, и в первую очередь сторонники кейнсианского активизма, увидели в таком повороте событий признак близкого конца монетаристской эры. Печать, которая еще совсем недавно красочно живописала победное шествие монетаризма и характеризовала Фридмена и его коллег как спасителей капиталистического мира от инфляции, начала писать о растущем разочаровании в программах денежного мониторинга, о нарушениях практики таргетирования и переориентации центральных банков на процентные ставки и т. д. Орган американских деловых кругов журнал "Бизнес уик" писал 4 апреля 1983 г.: "Монетаристский эксперимент провалился, ибо с инфляцией было покончено ценой рекордно высоких процентных ставок и наихудшей депрессии за послевоенный период". Журнал сообщал об отходе ФРС от монетаристских ориентиров, а также о том, что "правительство Тэтчер скрытно, но решительно отказалось от большей части своей монетаристской программы". По словам журнала, Банк Англии вновь переключил внимание с денежных агрегатов на процентные ставки и поддержание курса фунта стерлингов на мировых валютных рынках.

Очередная смена вех повергла в смятение ученых и практиков экономической политики, вновь утративших теоретическую опору. Профессор университета Глазго Д. Вайнц писал по этому поводу: "Макроэкономическая политика в развитых странах Запада находится сейчас в состоянии глубокого кризиса. И дело не только в том, что политика в последние годы приносит худшие результаты или что мы переживаем период самой большой безработицы с 30-х годов. Обе эти причины действительно существуют. Но проблема лежит значительно глубже, на уровне основополагающих идей. Руководители политики плывут по течению, не имея компаса, который бы их направлял... Исчезло доверие, которое было характерно для процесса осуществления экономической политики во времена расцвета кейнсианства в 50-х и 60-х годах. Ушли в прошлое и обещания новой системы экономической политики, которую пропагандировали монетаристы в 70-х годах. ...Нам требуется новая концепция политики"⁴.

Усилилась тяга к восстановлению позиций кейнсианства. Английский экономист Дж. Брутэлл пишет: "Ирония заключается в том, что, в то время как наше хозяйство, равно как и экономика других капиталистических стран Запада, кровно нуждается в кейнсианских лекарствах, главное "лекарство", применяемое сегодня, – это монетаристские пиявки, которые, несомненно, усугубили болезнь... Вопрос, который задала Джоан Робинсон в 1972 г.: "Что стало с кейнсианской революцией?" – ныне более актуален, чем когда-либо"⁵.

Особенно активно эту тему пропагандирует журнал "Челлендж", предоставляющий свои страницы видным представителям кейнсианского направления. Так, в интервью редактору этого журнала английский экономист А. Блайндер высказал надежду, что в ближайшем будущем "основные идеи Кейнса вновь получат широкое признание среди экономистов, хотя это учение уже никогда не будет, по-видимому, пользоваться таким влиянием, как в середине 60-х годов"⁶. Хеллер, стоявший у колыбели активистской политики Кеннеди и Джонсона, пишет об удручающих экономических итогах конца 70-х и начала 80-х годов, называя этот период

”эрой похода против государства” (the age of antigovernment). По мнению Хеллера, ”сегодня, когда ”супер-сплай-сайдизм” (выражение Герберта Стейна. – В. У.) рухнул лицом в грязь, монетаризм не смог достигнуть успеха, а школа рациональных ожиданий при всей своей теоретической элегантности доказала, что не способна участвовать в политическом тотализаторе, кейнсианцы перестроили ряды, включили в свои модели естественный уровень безработицы Милтона Фридмена, разработали правдоподобную теорию негибких цен и заработной платы и, по-видимому, вернут себе утраченные интеллектуальные и ориентированные на политику высоты в экономической науке”⁷. Дж. Тобин также выразил убеждение, что монетаристы полностью себя скомпрометировали и что ”подготовлена почва для возрождения кейнсианского анализа и политики”⁸.

Одной из точек опоры для нового возрождения посткейнсианской теории служит широко пропагандируемая сторонниками этого направления ”эндогенная” теория денежной массы. Указывая на то, что в послевоенные годы сложились два направления денежно-кредитной политики – кейнсианско-неоклассического синтеза и монетаристского, С. Руссис пишет: ”Посткейнсианцы отвергли оба этих подхода. Они пошли по пути изменения причинности в рамках количественной теории. Денежная масса рассматривается ныне как функция номинального дохода, а не наоборот”. ”Полная теория эндогенной денежной массы, – пишет он в другом месте своей книги, – требует решительного разрыва с количественной теорией в трех пунктах: 1) отказ от представлений, что капиталистическая экономика обладает естественной тенденцией к долговременному равновесию при сохранении полной занятости; 2) отказ от довода, что скорость обращения денег в кругообороте дохода устойчива и независима от нормы процента... 3) отказ от провозглашаемой количественной теорией причинной зависимости, идущей от денег к номинальному доходу или общему уровню цен”⁹.

Монетаристы, естественно, отвергли обвинения в том, что их рекомендации привели к серьезным экономическим трудностям и поставили хозяйство ряда ведущих стран Запада на грань глубокой депрессии. Отвечая на вопрос анкеты подкомиссии американского конгресса относительно существа политики ФРС после октября 1979 г., Фридмен заявил: ”Проводившиеся меры фактически не были монетаристскими. Необходимая черта монетаристской политики – устойчивость темпов денежного роста. Рост денежной массы после октября 1979 г. был более нестабильным, чем в течение любого другого известного мне периода за всю историю ФРС. Если это монетаризм, то я не монетарист”¹⁰. Аналогичные аргументы выдвигает и Шварц, ближайшая сотрудница Фридмена: ”ФРС не обеспечила эффективного применения денежного контроля. Вряд ли есть лучшее доказательство, чем то, что темпы роста денег из расчета на год составили с ноября 1979 по май 1980 г. 1,1%, с мая 1980 по апрель 1981 г. – 12,5%, с апреля 1981 г. – 0,2% и вновь повышались и падали после этой даты. Результатом явились два следующих друг за другом спада в 1980 и 1981 – 1982 гг.”¹¹.

Наконец, Дж. Дорн, ярый сторонник денежного автоматизма, пишет: ”В последние годы в рамках полностью дисcretionного режима денежного обращения наблюдались высокие и часто меняющиеся темпы роста

денежной массы. В противовес расхожему мнению ФРС никогда не вводила и не обеспечивала действие правила стабильного роста денег. Так называемый монетаристский эксперимент... явился всего лишь иллюзией, ибо не было принято долговременного обязательства поддержания стабильных цен в качестве безусловно господствующей цели денежно-кредитной политики, не был применен вызывающий доверие вариант денежного правила, который гарантировал бы сохранение неинфляционного роста денежной массы, и, наконец, не использовался механизм, обеспечивающий ответственность ФРС за неспособность обеспечить стабильность уровня денег и цен”¹².

На эти доводы остроумно отвечает Калдор: ”В работах Фридмена или кого-либо из его последователей никогда не говорилось, что количественная теория денег справедлива лишь для тех стран, где денежные власти достаточно компетентны, чтобы регулировать денежную массу. Если Банк Англии столь некомпетентен, что не может этого сделать, то как можно быть уверенным, что Банк Чили, или Аргентины, или Мексики – если ограничиться лишь странами с высоким уровнем инфляции – столь компетентны или компетентно-некомпетентны, что инфляция в этих странах представляет результат преднамеренного влияния их центральных банков, наводнивших обращение деньгами?.. Нам нужна общая теория денег и цен, которая могла бы охватить и страны с ”некомпетентными” центральными банками, например Англию или США”¹³.

И тем не менее обвинения властей в саботаже денежного правила, выдвинутые монетаристами, не лишены оснований. Мы видели, что ФРС, равно как и центральные банки других стран, крайне неохотно, под давлением обстоятельств и главным образом из-за боязни дальнейшего обострения инфляции приняла различные варианты монетаристского правила постоянных темпов роста денежной массы. Все эти варианты имели ту специфику, что они сохраняли за руководителями эмиссионных учреждений значительную свободу действий в регулировании денежной массы. Как только инфляция пошла на убыль, в начале 80-х годов денежные тормоза были сняты и таргетирование денежных агрегатов приобрело чисто формальный характер.

Эксперимент с введением монетаристских ”мишеней” вызвал глубокое недовольство в различных слоях капиталистического общества. Он показал, что практика денежного ”зажима”, даже когда она проводится непоследовательно и длится относительно короткое время, может нанести чувствительный удар по капиталистическому хозяйству. Это была яркая демонстрация того, что деньги в рыночной экономике действительно ”имеют значение”. Помимо крупных материальных потерь политика ”устойчивых денег” привела к разгрому социальных программ, внесла раскол в профсоюзное движение. Монетаристская политика явственно обнажила антидемократическую природу этого учения.

Монетаризм потерпел серьезное морально-политическое поражение. Его ретроградная философия вызвала неприятие и протест широких слоев общественности. Это вынужден был открыто признать один из лидеров американского монетаризма – К. Бруннер. Он пишет: ”Кейнсианцы и ”не-кейнсианцы” обладают совершенно различным видением перспектив развития западного общества... Вопросы денежного контроля и

стабилизационной политики являются лишь частными сторонами этой функциональной проблемы. С этой точки зрения следует признать окончательное и перманентное поражение монетаризма в том смысле, что творцы экономической политики не хотят связывать себе руки, принимая выдвинутые им принципы. Кейнсианские идеи... находят политическую поддержку у избирателей потому, что они соответствуют интересам агентов на общественной сцене. Напротив, монетаристская мысль плохо продается на политическом рынке и обладает слабой притягательной силой. Она мало что может предложить избирателям". Бруннер обрушивается на господствующую бюрократию, на "политических антрепренеров", которым, по его словам, требуется "запас новых или модификация и расширение уже действующих программ" экономического регулирования для проведения стратегии "конкурсного выживания" на политической арене. "Долговременный успех кейнсианства, по-видимому, обеспечивается самой природой этого (политического. – В. У.) рынка..."¹⁴

Бруннер, таким образом, признает, что провал монетаристской экономики связан с ее непопулярностью среди широких слоев избирателей, оказывающего мощное давление на выборные органы государственной власти. Означает ли это, однако, что монетаризм, испытав фиаско на политической сцене, утратил влияние в академическом мире и в сфере принятия решений по вопросам хозяйственной политики? Должен ли он занять место среди отживших свой век политэкономических доктрин? Такой вывод был бы преждевременным и по сути своей неправильным. Ряд факторов обеспечивает монетаристской школе устойчивость и долговечность, возможность активного воздействия на экономическую мысль и на практические решения органов денежного контроля.

Прежде всего необходимо напомнить, что монетаризм возник на базе количественной теории денег, которая имеет многовековую традицию и широко использовалась в различные исторические эпохи для объяснения связи денег и уровня цен. Взяв у количественной теории ее центральную идею, монетаристы придали ей динамизм, применили для ее обоснования новейшие методы статистического анализа. Количественная теория денег получила дополнительный заряд энергии, который обеспечивает ей право на существование в обозримом будущем. Не случайно Л. Олсен, задавая вопрос "Мертв ли монетаризм?", пишет: "...это абсурдный вопрос, так как он предполагает кончину хорошо утвердившейся теории – количественной теории денег, существующей в той или иной форме со времен Д. Юма и А. Смита"¹⁵.

Долговечность идей и лозунгов монетаристов обеспечивается также последовательной борьбой этой школы за "здравые деньги", против политики государственного манипулирования деньгами и хронического дисбаланса денежной сферы. В эпоху перманентной инфляции, неуклонно подтасчивающей покупательную силу денежной единицы и вызывающей серьезные нарушения в воспроизводственном процессе, подобная позиция пользуется неизменной популярностью и привлекает множество союзников, даже если некоторые из них и не согласны с другими идеями и практическими рекомендациями монетаристов.

Монетаристская школа на протяжении многих лет выступает с пред-

ложениеми кардинального оздоровления денежной системы, проведения такой ее реформы, которая лишила бы государство возможности свободного доступа к эмиссионному механизму. Монетаристы требуют принятия новой "денежной конституции", где были бы оговорены базисные правила функционирования "здравой" денежной системы.

В недавно вышедшем в США сборнике "Поиски устойчивых денег. Очерки о денежной реформе", где приняли участие виднейшие монетаристы (М. Фридмен, К. Бруннер, А. Шварц, У. Пул, А. Мельцер, Ф. Кейген и др.), а также представители других течений экономического консерватизма (например, Ф. Хайек и Ф. Махлуп), были подвергнуты широкому обсуждению различные варианты возрождения "конституционного денежного режима", в рамках которого, говоря словами А. Лейонхувуда, "дискреция творцов политики ограничена по крайней мере в краткосрочном периоде"¹⁶. Предлагались самые различные варианты ограничения действий правительственные органов, контролирующих денежное обращение, – от восстановления золотого стандарта до упразднения центрального банка и перехода к системе "свободных банковских операций" (free banking). Почетное место среди этих предложений занимает фридменовское денежное правило.

Главная цель реформы – лишить правительенную бюрократию власти над денежным обращением. "Без изменения современного дисcretionного режима, – говорится в предисловии к книге, – достижение стабильности ценового уровня и экономики в целом маловероятно... Пока не будет изменена система инициатив, которая не позволит правительству вмешиваться в процесс формирования денежной массы для удовлетворения интересов бюрократов и политиков, увещевания денежных властей действовать более эффективно вряд ли принесут какие-то результаты"¹⁷.

Монетаристы не случайно широко рекламируют свою "антибюрократическую" позицию и требуют оздоровления денежной системы. В условиях гигантского расширения масштабов государственно-мононолистического регулирования эта тема исключительно актуальна. Она обеспечивает монетаристам возможность долгие годы находиться "на плаву" и привлекать к себе внимание общественности.

Наконец, говоря о перспективах монетаристской школы, нельзя не принять во внимание значительный вклад, который внесли представители этого течения в исследование процессов денежной динамики, закономерностей формирования спроса на деньги, скорости обращения денег, влияния денежных факторов на поведение хозяйственных субъектов и т. д. Работы монетаристов заняли почетное место в современной литературе по деньгам. Сегодня ни один учебник по макроэкономической теории или по проблемам денег и кредита не может пройти мимо монетаристских исследований денежного обращения, инфляции, методов денежного прогнозирования и т. д.

Учитывая все сказанное, можно согласиться с Бэттеном и Стоуном, что "слухи о близкой кончине монетаризма в действительности серьезно преувеличены"¹⁸.

ИСТОЧНИКИ

Введение

- 1 *Samuelson P. A.* The Role of Money in National Economic Policy // *Controlling Monetary Aggregates*. Boston, 1969. P. 1.
- 2 *Kaldor N.* The Scourge of Monetarism. L., 1982. P. XI – XII.
- 3 *Tobin J.* The Monetarist Counter-revolution Today // *Economic Journal*. 1981. III. P. 30.
- 4 *Desai M.* Testing Monetarism. L., 1981. P. 1.
- 5 *Davidson P.* Money and the Real World. L., 1972. P. 2 – 4.

Глава первая

- 1 *Keynes J. M.* A Treatise on Money. Vol. I, II. L., 1930; *Idem*. The General Theory of Employment Interest and Money. London, 1936; (далее в тексте The General Theory...); *Idem*. The General Theory of Employment (1937) // *Monetary Theory: Selected Readings* /Ed. by R. W. Clower. Harmondsworth, 1969. P. 215 – 225.
- 2 *Lekachman R.* The Age of Keynes. N. Y., 1968. P. 20 – 51.
- 3 *Gilbert J. C.* Keynes's Impact on Monetary Economics. L., 1982. P. 38.
- 4 *Wallich H.* Keynes Reexamined: The Man and the Theory // *New York Times Magazine*. 1958. 20.IV.
- 5 Цит. по: *Rousseas S.* The Political Economy of Reaganomics: A Critique. Armonk, 1982. P. 11.
- 6 *Keynes J. M.* The General Theory... P. 30.
- 7 *Хаберлер Г.* Процветание и депрессия: Пер. с англ. М., 1960. С. 395 – 396. В неявной форме мысль о наличии такого эффекта высказывалась рядом авторов и до Хаберлера. См. об этом в приложении к книге Д. Патинкина (*Patinkin D.* Money Interest and Prices: An Integration of Monetary and Value Theory. 2nd Ed. N. Y., 1965. P. 527 – 644).
- 8 *Pigou A. C.* Employment and Equilibrium. L., 1941; *Idem*. The Classical Stationary State // *Economic Journal*. 1943. XII.
- 9 *Hicks J. K.* Mr Keynes and the "Classics" // *Econometrica*. 1937. IV.
- 10 *Clower R.* The Keynesian Counter-revolution: A Theoretical Appraisal // *The Theory of Interest Rates* /Ed. by F. H. Hahn and F. P. B. Brechling. L., 1965. P. 107.
- 11 *Davidson P.* Op. cit. P. 8 – 9.
- 12 *Slichter S.* The Passing of Keynesian Economics // *The Means to Prosperity*. Buffalo, 1959. P. 79.
- 13 *Okun A.* The Political Economy of Prosperity. Wash., 1970. P. 35.
- 14 Рассчитано по: *International Financial Statistics*. 1982. V.
- 15 Характерен в этом отношении выход книги Дж. Хикса "Кризис в кейнсианской экономической теории" (*Hicks J.* The Crisis in Keynesian Economics. Oxford, 1974).
- 16 *Stein J. L.* Monetarist, Keynesian and Classical Economics. N. Y., 1982. P. 7.
- 17 *Nobay A., Johnson H. G.* Monetarism: A Historic Theoretical Perspective // *Journal of Economic Literature*. 1974. VI. P. 470.
- 18 *Friedman M.* The Quantity Theory of Money: A Restatement // *Friedman M. The Optimum Quantity of Money and Other Essays*. L., 1969. P. 52.
- 19 *Ibidem*.
- 20 *Miller H. L.* On the "Chicago School of Economics" // *Journal of Political Economy*. 1962. II. P. 64, 65 – 69.
- 21 *Stigler G. L.* Comment // *Journal of Political Economy*. 1962. II. P. 70 – 71.
- 22 *Patinkin D.* The Chicago Tradition, the Quantity Theory and Friedman // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1969. II. P. 61, 62.
- 23 *Johnson H.* The Keynesian Revolution and the Monetarist Counter-revolution // *American Economic Review*. 1971. V. P. 10 – 11.

- 24 Friedman M. Money: Quantity Theory // The International Encyclopedia of Social Sciences. Vol. X. 1968. P. 432 – 447; *Idem*. A Theoretical Framework for Monetary Analysis // Journal of Political Economy. 1970. III/IV. P. 193 – 238.
- 25 Friedman M. Comments on the Critics // Journal of Political Economy. 1972. IX/X. P. 932.
- 26 Tavlas G. S. Chicago School Old and New on the Efficacy of Monetary Policy // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1977. III. P. 71.
- 27 Tobin J. The Monetary Interpretation of History: A Review Article // American Economic Review. 1965. VI. P. 481.
- 28 Bordo M. D., Schwartz A. J. The Importance of Stable Money: Theory and Evidence // The Search for Stable Money: Essays on Monetary Reform/ Ed. by J. A. Dorn and A. J. Schwartz. Chicago, 1986. P. 53.
- 29 Многие из этих работ вошли впоследствии в сборник: Warburton C. Depression, Inflation and Monetary Policy: Selected Papers 1945 – 1953. Baltimore, 1966.
- 30 Ibid. P. 315.
- 31 The Search for Stable Money. P. 18.
- 32 Samuelson P. A. Op. cit. P. 7 – 8, 13.
- 33 Myhrman J. Monetarism – where does it stand today? // Skandinaviska Enskilda Banken Quarterly Review. 1983. N 3. P. 59.
- 34 Report of the Committee on the Working of Monetary System. L., 1959. P. 129 – 135.
- 35 Samuelson P. A. Op. cit. P. 7.
- 36 Kaldor N. The New Monetarism // Lloyds Banks Review. 1970. VII. P. 1 – 2.
- 37 Butler E. Milton Friedman: A Guide to His Economic Thought. Aldershot, 1985.
- 38 Ibid. P. 12.
- 39 Обстоятельный разбор результатов многих из этих работ содержится в книге Д. Лейдлера "Спрос на деньги: теории, свидетельства и проблемы" (Laidler D. The Demand for Money: Theories, Evidence and Problems. N. Y., 1985).
- 40 Friedman M., Meiselman D. The Relative Stability of Monetary Velocity and the Investment Multiplier in the United States, 1897 – 1958 // Stabilization Policies. Englewood Cliffs, 1963. P. 167, 187, 188, 213.
- 41 Friedman M., Schwartz A. J. A Monetary History of the United States, 1867 – 1960. Princeton, 1963.
- 42 Phillips A. W. The Relationship between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861 – 1957 // Inflation/ Ed. by R. J. Ball and P. Doyle. Harmondsworth, 1970. P. 277 – 297.
- 43 Samuelson A., Solow R. Analytical Aspects of Anti-Inflation Policy // American Economic Review. 1960. V. P. 177 – 194.
- 44 Phillips A. W. Employment, Inflation and Growth // Economica. 1962. II.
- 45 Tobin J. The New Economics One Decade Older. Princeton, 1974. P. 16 – 17.
- 46 Friedman M. The Role of Monetary Policy // The American Economic Review. 1968. III. P. 245 – 264.
- 47 Friedman M. A Monetary and Fiscal Framework for Economic Stability // Friedman M. Essays in Positive Economics. Chicago, 1953. P. 133 – 156; *Idem*. A Program for Monetary Stability. N. Y., 1959.
- 48 Johnson H. G. The Keynesian Revolution and the Monetarist Counter-revolution. P. 11 – 12.
- 49 Desai M. Testing Monetarism. L., 1981. P. 1.
- 50 Monetarism and the Federal Reserve's Conduct of Monetary Policy: Compendium of Views. Congress of the United States, GPO. Wash., 1982. P. 25, 47, 83, 92, 39.
- 51 Friedman M. The Methodology of Positive Economics // Essays in Positive Economics. P. 4, 7, 9.
- 52 Hahn F. H. Professor Friedman's views on money // Economica. 1971. II. P. 61.
- 53 Johnson H. The Keynesian Revolution and the Monetarist Counter-revolution. P. 9.
- 54 Fellner W. Economic Theory Amidst Political Currents: The Spreading Interest in Monetarism and in the Theory of Market Expectations // Weltwirtschaftliches Archiv. 1982. H. 2. S. 411.
- 55 Friedman M. A Theoretical Framework for Monetary Analysis. P. 216 – 217.
- 56 Brunner K., Meltzer A. H. Friedman's Monetary Theory // Journal of Political Economy. 1972. IX/X. P. 846.

- 57 *Friedman M.* Theoretical Framework for Monetary Analysis. P. 219.
- 58 The Search for Stable Money. P. 163.
- 59 *Friedman B.* The Theoretical Nondebate about Monetarism // *Kredit und Kapital*. 1976. H. 3. S. 347, 348.
- 60 *Teigen R.* A Critical Look at Monetarist Economics // *Federal Reserve Bank of St Louis Review*. 1972. I. P. 23, 14.
- 61 *Friedman M.* The Quantity Theory of Money: A Restatement. P. 15.
- 62 *Friedman M.* The Counter-revolution in Monetary Theory. P. 22 – 26.
- 63 *Brunner K.* The "monetarist revolution" in monetary theory // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1970. H. 1. S. 6.
- 64 *Mayer T.* The Structure of Monetarism // *Kredit und Kapital*. 1975. N 2. S. 191 – 217 (1), 1975. N 3. S. 293 – 315. (11).
- 65 *Purvis D. D.* Monetarism: A Review // *Canadian Journal of Economics*. 1980. II. P. 99 – 101.
- 66 *Laidler D.* Monetarism: an interpretation and an assessment // *Economic Journal*. 1981. III. P. 1.
- 67 *Mayer T.* Monetarism: Economic Analysis or Weltanschauung // *Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*. 1978. IX. P. 234 – 235, 248.
- 68 *Schumpeter J.* Science and Ideology // *American Economic Review*. 1949. III. P. 345.
- 69 The Supply-Side Effects of Economic Policy. Proceedings of the 1980 Economic Policy Conference. Federal Reserve Bank of St Louis. St Louis, 1981. P. VII.
- 70 *Gilder G.* Wealth and Poverty. N.Y., 1981. P. 39.
- 71 Цит. по: The Supply-Side Solution/ Ed. by B. Bartlett and T. P. Roth. L., 1983. P. V.
- 72 Ibid. P. 3.
- 73 Ibid. P. 2.
- 74 Free Market Conservatism: A Critique of Theory and Practice/ Ed. by E. Neil. L., 1984. P. 19.
- 75 Из меморандума А. Лаффера министру финансов в ноябре 1974 г. Цит. по: *Wanniski J.* The Way the World Works. N. Y., 1979. P. 85 – 86.
- 76 *Gilder G.* Op. cit. P. 38, 245, 188, 68.
- 77 Цит. по: *Rousseas S.* The Political Economy of Reaganomics. A Critique. P. 43.
- 78 *Peterson W. S., Estenson P. S.* The Recovery: Supply-side or Keynesian?// *Journal of Post-Keynesian Economics*. Summer 1985. P. 451.
- 79 *Miles M. A.* Beyond Monetarism. Finding Road to Stable Money. N. Y., 1984. P. 243.
- 80 Ibid. P. 244.
- 81 *Friedman M.* Capitalism and Freedom. Chicago, 1962. P. 27, 34 – 35, 162.
- 82 *Laidler D.* The New – Classical Contribution to Macroeconomics // *Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*. 1986. III. P. 27.
- 83 *Lucas R. E.* Tobin and Monetarism: A Review Article // *Journal of Economic Literature*. 1981. VI. P. 562.
- 84 *Carter M., Maddock R.* Rational Expectations. *Macroeconomics for 1980?* L., 1984. P. 8.
- 85 *Laidler D.* The New – Classical Contribution to Macroeconomics. P. 28, 29, 30.
- 86 *Laidler D.* Op. cit.; *Hoover K. D.* Two Types of Monetarism // *Journal of Economic Literature*. 1984. III; *Scheide J.* New Classical and Austrian Cycle Theory: Is There a Difference?// *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1986. H. 3.
- 87 *To bin J.* Asset Accumulation and Economic Activity. Chicago, 1980. P. 21 – 22.
- 88 *Frisch H.* Theories of Inflation. L., 1984. P. 5 – 6.
- 89 *Leijonhufvud A.* What Would Keynes Have Thought of Rational Expectations? // Keynes and the Modern World. Cambridge, 1983. P. 180 – 181.
- 90 *Gordon R.* Output Fluctuations and Gradual Price Adjustment // *Journal of Economic Literature*. 1981. VI. P. 505.
- 91 *Hoover K. D.* Op. cit. P. 59.
- 92 *Lucas R. E.* Expectations and the Neutrality of Money // *Lucas R. Studies in Business-Cycle Theory*. Cambridge (Mass.), 1982. P. 66 – 67.
- 93 *Journal of Economic Literature*. 1981. VI. P. 565.
- 94 *Lucas R. E.* Understanding the Business Cycle // *Lucas R. Studies in Business Cycle Theory*. P. 219.

- 95 *Lucas R. E. Methods and Problems in Business Cycle Theory // Journal of Money, Credit and Banking.* 1980. XI. P. 697.
- 96 *Lucas R. E. Understanding the Business Cycle.* P. 234, 230.
- 97 *Ibid.* P. 230, 232, 233.
- 98 *Tobin J. Asset Accumulation and Economic Activity.* P. 42.
- 99 *Ibid.* P. 34.
- 100 *Carter M., Maddock R. Op. cit.* P. 115.
- 101 *Tobin J. Are New Classical Models Plausible Enough to Guide Policy? // Journal of Money, Credit and Banking.* 1980. XI. P. 789.
- 102 *Lucas R. E. Understanding the Business Cycle.* P. 234.

Глава вторая

- 1 *Friedman M., Heller W. W. Monetary vs. Fiscal Policy: A Dialogue.* N. Y., 1969.
- 2 *Fand D. A Monetarist Model of the Monetary Process // Journal of Finance.* 1970. V. P. 279.
- 3 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 13. С. 141.
- 4 *Hume D. Of Money // History of Economic Thought: A Book of Readings/* Ed. by K. W. Kapp and L. L. Kapp. N. Y., 1964. P. 83, 84.
- 5 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 13. С. 151.
- 6 *Рикардо Д. Соч.* Т. II. С. 49 – 50.
- 7 *Mill J. S. Principles of Political Economy.* L., 1869. P. 296 (подчеркнуто мной. – В. У.).
- 8 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 13. С. 37 – 38.
- 9 *Там же.* С. 80.
- 10 *Tooks T. An Inquiry into the Currency Principle.* L., 1844. P. 123 – 124.
- 11 *Fisher I. The Purchasing Power of Money.* N. Y., 1911. P. 29.
- 12 *Ibid.* P. 74 – 75.
- 13 *Ibid.* P. 146.
- 14 *Laidler D. The Demand for Money: Theories, Evidence and Problems.* P. 48.
- 15 *Currie L. The Supply and Control of Money in the United States.* Cambridge (Mass.), 1934. P. 3.
- 16 *Keynes J. M. The General Theory of Employment // Monetary Theory. Selected Readings.* P. 218.
- 17 *Keynes J. M. The General Theory...* P. 168, 298, 303, 305.
- 18 *Johnson H. G. Monetary Theory and Policy // Surveys of Economic Theory.* Vol. 1. N. Y., 1965. P. 2.
- 19 *Johnson H. G. Money Trade and Economic Growth.* L., 1963. P. 145.
- 20 *Ibidem.*
- 21 *Friedman M. The Quantity Theory of Money: A Restatement.* P. 52, 64.
- 22 *Ibid.* P. 52.
- 23 *Ibid.* P. 62.
- 24 *Judd J. P., Scadding J. L. The Search for a Stable Money Demand Function: A Survey of the Post – 1973 Literature // Journal of Economic Literature.* 1982. IX. P. 993.
- 25 *Boorman J. T. The Evidence on the Demand for Money: Theoretical and Empirical Results // Money Supply, Money Demand and Macroeconomic Models/* Ed. by J. T. Boorman and T. M. Havrilevsky. Boston, 1976. P. 249.
- 26 *Friedman M. The Demand for Money: Some Theoretical and Empirical Results // Friedman M. The Optimum Quantity of Money and Other Essays.* P. 117 – 118.
- 27 Понятие и методология расчета этого показателя изложены Фридменом в кн.: *Friedman M. A Theory of Consumption Function.* Princeton, 1957.
- 28 *Friedman M. The Demand for Money...* P. 122.
- 29 *Meltzer A. N. The Demand for Money: The Evidence from the Time Series // Journal of Political Economy.* 1963. VI. P. 219 – 246.
- 30 *Laidler D. The Demand for Money: Theories, Evidence, and Problems.* P. 134.
- 31 *Enzler J., Johnson L., Paulus J. Some Problems of Money Demand // Brookings Papers on Economy Activity.* 1976. N 1. P. 264.
- 32 *Laidler D. Monetarism: an interpretation and an assessment.* P. 4.
- 33 *Friedman M., Schwartz A. J. Monetary Trends in the United States and the United*

- 34 Federal Reserve Bank of St Louis Review. 1983. V. P. 5.
35 The Failure of Monetarism // Business Week. 1983. 4.IV. P. 64–67.
36 *Kaldor N.* The Scourge of Monetarism. P. 22.
37 *Friedman M.* The Optimum Quantity of Money and Other Essays. P. 4.
38 *Friedman M.* The Quantity Theory of Money: A Restatement. P. 63.
39 *Friedman M., Meiselman D.* Op. cit. P. 166.
40 *Friedman M.* The Optimum Quantity of Money and Other Essays. P. 265.
41 *Friedman M., Schwartz A. J.* A Monetary History... P. 650.
42 *Friedman M., Schwartz A. J.* Monetary Statistics of United States: Estimates, Sources, Methods. N. Y., 1970. P. 137.
43 *Friedman M., Meiselman D.* Op. cit. P. 181.
44 *Friedman M., Schwartz A. J.* A Monetary History... P. 4–5, 704–734.
45 *Tobin J.* The Monetary Interpretation of History: A Review Article. P. 465.
46 *Fand D.* Some Issues in Monetary Economics // Federal Reserve Bank of St Louis Review. 1970. I. P. 11.
47 *Cagan P.* Determinants and Effects of Changes in the Stock of Money, 1875–1960. N. Y., 1965. P. 332–333.
48 Financial Markets and Economic Activity/ Ed. by J. Tobin and D. D. Hester. N. Y., 1967. P. VIII.
49 *Kaldor N.* The Scourge of Monetarism. P. 46–47.

Глава третья

- 1 *Hahn F.* Monetarism and Economic Theory // *Economica*. 1980. II. P. 7–8.
2 *Stein J. L.* Monetarist, Keynesian and New Classical Economics. P. 209.
3 *Yeager L. B.* Monetary Policy and Economic Performance. Wash., 1972. P. 13.
4 Monetarism and the Federal Reserve's Conduct of Monetary Policy... P. 87.
5 *Ibid.* P. 133.
6 *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов (1776). M., 1962. C. 332.
7 *Hahn F.* Reflection on Invisible Hand // *Lloyds Bank Review*. 1982. IV. P. 1.
8 *Solomon E.* Beyond the Turning Point: The US Economy in 1980s. San Francisco, 1981. P. 114–115.
9 *Hahn F.* Monetarism and Economic Theory.
10 *Walras L.* Elements of Pure Economics. (1st Ed. 1887). L., 1954.
11 *Patinkin D.* Money Interest and Prices: An Integration of Monetary and Value Theory. N. Y., 1965.
12 Monetary Theory: Selected Readings/ Ed. by R. Clower. P. 121.
13 *Kaldor N.* The Scourge of Monetarism. P. 42, 45.
14 *Friedman M.* The Role of Monetary Policy. P. 102.
15 *Friedman M.* A Theoretical Framework... P. 222.
16 *American Economic Review*. 1955. XII. P. 904.
17 *Friedman M.* The Marshallian Demand Curve // *Friedman M. Essays in Positive Economics*. P. 91.
18 *Friedman M.* Comments on the Critics. P. 921.
19 *Lucas R. E., Sargent T. J.* After Keynesian Macroeconomics // After the Phillips Curve: Persistence of High Inflation and High Unemployment. Boston, 1978. P. 58.
20 *Lucas R. E.* Understanding Business Cycle. P. 214.
21 *Lucas R. E., Sargent T. J.* Op. cit. P. 69.
22 *Tobin J.* Money and Income: Post Hoc Ergo Propter Hoc? // Quarterly Journal of Economics. 1970. V. P. 301.
23 *Friedman M., Schwartz A. J.* A Monetary History... P. 696.
24 *Kaldor N.* The New Monetarism. P. 2–3.
25 *Friedman M., Meiselman D.* Op. cit. P. 213, 178.
26 *Friedman M., Schwartz A. J.* Money and Business Cycles. P. 189–235.
27 *Ibid.* P. 219.
28 *Friedman M., Schwartz A. J.* A Monetary History... P. 3, 650.
29 *Ibid.* P. 682; Appendix, Table A-5. P. 774–775.

- 30 *Ibid.* P. 695.
- 31 *Ibid.* P. 687.
- 32 *Ibid.* Appendix, Table B-3. P. 803 – 4.
- 33 *Ibid.* Appendix, Table B-3. P. 803 – 804.
- 34 *Temin P.* Did Monetary Forces Cause the Great Depression? N. Y., 1976. P. 126.
- 35 *Friedman M., Schwartz A. J.* A Monetary History... P. 411.
- 36 *Ibid.* P. 419.
- 37 *Krooss H. E.* Monetary History and Monetary Policy: A Review Article // *Journal of Finance*. 1964. XII. P. 667.
- 38 *Tobin J.* Money and Income: Post Hoc Ergo Propter Hoc? P. 301 – 317.
- 39 *Tobin J.* Rejoinder // *Quarterly Journal of Economics*. 1970. V. P. 329.
- 40 *Poole W.* The Relationship of Monetary Decelerations to Business Cycle Peaks: Another Look at the Evidence // *Journal of Finance*. 1975. VI. P. 697 – 712.
- 41 *Higgins B.* Monetary Growth and Business Cycle // *Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review*. 1979. IV. P. 3 – 23.
- 42 *Sims C.* Money, Income and Causality // *Rational Expectations and Econometric Practice*/ Ed. by R. E. Lucas and T. J. Sargent. Vol. 2. Minneapolis, 1981. P. 387 – 404.
- 43 *Kaldor N.* The New Monetarism // *Lloyds Bank Review*. 1970. VII. P. 5.
- 44 *The American Business Cycle. Continuity and Change*/ Ed. by R. Gordon. Chicago, 1986. P. 437.
- 45 *Ibid.* P. 438, 451.
- 46 *Long J., Plosser C.* Real Business Cycles // *Journal of Political Economy*. 1983. II. P. 39 – 69; *King R., Plosser C.* Money, Credit and Prices in a Real Business Cycle // *American Economic Review*. 1984. VI. P. 363 – 380.
- 47 *Friedman M., Schwartz A. J.* Money and Business Cycles. P. 234.
- 48 *Friedman M.* A Theoretical Framework for Monetary Analysis // *Journal of Political Economy*. 1970. III/IV. P. 193 – 238; *Idem.* A Monetary Theory of Nominal Income // *Journal of Political Economy*. 1971. III/IV. P. 323 – 337 (Reprinted in: *Monetary Theory and Monetary Policy in the 70s*. P. 39 – 57).
- 49 Symposium on Friedman's Theoretical Framework // *Journal of Political Economy*. 1972. IX/X. P. 837 – 850.
- 50 *Ibid.* P. 863.
- 51 *Friedman M.* A Theoretical Framework... P. 207.
- 52 *Ibid.* P. 219.
- 53 *Tobin J.* Friedman's Theoretical Framework // *Journal of Political Economy*. 1972, IX/X. P. 855.
- 54 *Ibid.* P. 833.
- 55 *Friedman M.* A Monetary Theory of Nominal Income. P. 43.
- 56 *Ibid.* P. 48.
- 57 *Friedman M.* A Theoretical Framework... P. 225, 195.
- 58 *Friedman M.* The Quantity Theory of Money: A Restatement. P. 67.
- 59 *Cagan P.* The Monetary Dynamics of Hyperinflation // *Studies in the Quantity Theory of Money*/ Ed. by M. Friedman. L., 1970. P. 69 – 73.
- 60 *Friedman M.* The Counter-revolution in Monetary Theory. P. 23 – 24.
- 61 *Gordon R.* Output Fluctuations and Gradual Price Adjustment. P. 504.
- 62 *Friedman M.* The Role of Monetary Policy (1968) // *Friedman M.* The Optimum Quantity of Money... P. 102.
- 63 *Friedman M.* What Price Guideposts? // *Guidelines, Informal Controls and the Market Place*/ Ed. by G. Schultz and R. Z. Aliber. Chicago, 1966. P. 21.
- 64 *Friedman M.* The Role of Monetary Policy. P. 102.
- 65 *Friedman M.* Nobel Lecture: Inflation and Unemployment // *Journal of Political Economy*. 1977. VI. P. 456.
- 66 *Ibid.* P. 458.
- 67 After Stagflation. Alternatives to Economy Decline/ Ed. by J. Cornwall. Oxford, 1984. P. 7.
- 68 *Cagan P.* Persistent Inflation: Historical and Policy Essays. P. 67.
- 69 *Osberg L.* The Pyrric Victory – Unemployment, Inflation and Macroeconomic Policy // After Stagflation. P. 113.
- 70 *Ibid.* P. 111, 128.
- 71 *Means G. C.* Industrial Prices and Their Relative Inflexibility (U. S. Senate Document 13, 74th Congress, 1st Session. Washington, 1935); The Structure of American

- Economy. Part 1: Basic Characteristics, National Resources Committee. Wash., 1939.
- 72 Hearings on Administered Prices. Part 9. Senate Subcommittee on Antitrust and Monopoly. Wash., 1959.
- 73 *De Podwin H., Selden R.* Business Pricing Policies and Inflation // Journal of Political Economy. 1963. IV. P. 124.
- 74 *Weiss L.* Business Pricing Policies and Inflation Reconsidered // Journal of Political Economy. 1966. III. P. 186.
- 75 *Cagan P.* Persistent Inflation... P. 28 – 29.
- 76 National Westminster Bank Quarterly Review. 1974. XI. P. 19.
- 77 Inflation: What is the Cause. Is There Way out? L., 1973. P. 7, 19.
- 78 *Tobin J.* Stabilization Policy Ten Years after // Brookings Papers on Economic Activity. 1980. N 1. P. 32.
- 79 *Johnson H. G.* Inflation and the Monetarist Controversy. Amsterdam, 1972. P. 80.
- 80 *Friedman M.* The Case for Flexible Exchange Rates // Essays in Positive Economics. P. 157 – 203.
- 81 *Friedman M.* Capitalism and Freedom. P. 67.
- 82 *Friedman M.* A Program for Monetary Stability. P. 81.
- 83 Ibid. P. 69 – 70.
- 84 The International Adjustment Mechanism. Proceedings of the Monetary Conference. October 8 – 10, 1969. Federal Reserve Bank of Boston. P. 17.
- 85 Ibid. P. 105 – 108, 117, 115.
- 86 *Johnson H. G.* Toward a General Theory of the Balance of Payments // The Monetary Approach to the Balance of Payments/ Ed. by J. A. Frenkel and H. G. Johnson. L., 1976. P. 51.
- 87 *Meade G. E.* The Theory of International Economic Policy. Vol. 1: The Balance of Payments. L., 1951; *Alexander S.* The Effects of Devaluation of the Trade Balance // I. M. F. Staff-Papers. 1952. IV. P. 263 – 278; *Tinbergen J.* On the Theory of Economic Policy. Amsterdam, 1952.
- 88 The Monetary Approach to the Balance of Payments. P. 152 – 3.
- 89 *Swoboda A. K.* Monetary Approaches to the Balance of Payments Theory // Recent Issues in International Monetary Economics/ Ed. by E. M. Claassen and P. Salin. Amsterdam, 1976. P. 5.
- 90 The Monetary Approach to the Balance of Payments. P. 153.
- 91 Ibid. P. 156.
- 92 Ibid. P. 158 – 159.
- 93 Worldwide Inflation: Theory and Recent Experience/ Ed. by L. B. Krause and W. S. Salant. Wash., 1977. P. 20 – 21.
- 94 *Whitman M. V. N.* Global Monetarism and Monetary Approach of the Balance of Payments // Brookings Papers on Economic Activity. 1975. N 3. P. 521.
- 95 *Tobin J.* Comment // Worldwide Inflation... P. 57.
- 96 *Whitman M. V. N.* Op. cit. P. 544.
- 97 *Laffer A. B., Miles M. A.* International Economy in an Integrated World. Glenview, 1982.
- 98 The Monetary Approach to the Balance of Payments. P. 24.
- 99 *Laidler D.* Monetarism: an interpretation and an assessment. P. 15.

Глава четвертая

- 1 *Mayer T.* The Structure of Monetarism (II). P. 306.
- 2 *Friedman M.* Capitalism and Freedom. P. 2.
- 3 *Friedman M.* Economic Libertarianism // Conference on Savings and Residential Financing. Chicago, 1965. P. 18.
- 4 *Friedman M.* Supply of Money and Changes in Prices and Output // The Optimum Quantity of Money and Other Essays. P. 187.
- 5 *Fand D. I.* A Monetarist Model of the Monetary Process. P. 275.
- 6 *Friedman M., Heller W.* Monetary vs. Fiscal Policy: A Dialogue. N. Y., 1969.
- 7 Ibid. P. 30.
- 8 Ibid. P. 79 – 80.
- 9 Ibid. P. 51.
- 10 Ibid. P. 28 – 29.

- 11 *Andersen L. C., Jordan J. J.* Monetary and Fiscal Actions: A Test of Their Relative Importance in Economic Stabilization // Monetary Economics: Readings in Current Issues/ Ed. by W. E. Gibson and G. G. Kaufman. N. Y., 1971. P. 125 – 128.
- 12 *Ibid.* P. 128, 114.
- 13 *Ibid.* P. 126.
- 14 *Davis R. G.* How Much Does Money Matter? A Look at Some Recent Evidence // Monetary Economics... P. 135 – 136.
- 15 *Ibid.* P. 147.
- 16 *Andersen L. C., Karlson K. M.* A Monetarist Model for Economic Stabilization // Federal Reserve Bank of St Louis Review. 1970. IV.
- 17 *Modigliani F.* The Monetarist Controversy or Should We Foresake Stabilization Policies? // American Economic Review. 1977. III. P. 9.
- 18 *Friedman B.* Even the St Louis Model Now Believes in Fiscal Policy // Journal of Money, Credit and Banking. 1977. V. P. 365 – 367.
- 19 *Carlson K.* Does the St Louis Equation Now Believe in Fiscal Policy? // Federal Reserve Bank of St Louis Review. 1978. II. P. 13 – 19.
- 20 *Peacock A. T., Shaw G. K.* Is Fiscal Policy Dead? // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1978. VI. P. 108, 120.
- 21 *Culbertson J.* Macroeconomic Theory and Stabilization Policy. N. Y., 1968. P. 463.
- 22 *Spencer R. W., Yohe W. P.* The "Crowding Out" of Private Expenditures by Fiscal Policy Actions // Federal Reserve Bank of St Louis Review. 1970. X. P. 14.
- 23 *Friedman M., Heller W. W.* Op. cit. P. 51.
- 24 *Ibid.* P. 55 – 56.
- 25 Federal Reserve Bank of St Louis Review. 1970. X. P. 17.
- 26 Monetarism/ Ed. by J. L. Stein. Amsterdam, 1976.
- 27 *Ibid.* P. 19.
- 28 *Ibid.* P. 30.
- 29 *Ibid.* P. 302.
- 30 *Tobin J.* Friedman's Theoretical Framework. P. 853.
- 31 *Friedman M.* Comments on the Critics. P. 917 – 922.
- 32 *Purvis D.* Monetarism: A Review // Canadian Journal of Economics. 1980. II.
- 33 *McCallum B. T.* Review of "Monetarism" // Journal of Monetary Economics. 1978, N 4. P. 324.
- 34 *Friedman M.* A Monetary and Fiscal Framework for Economic Stability // Friedman M. Essays in Positive Economics. P. 133 – 156.
- 35 *Ibid.* P. 136 – 137.
- 36 *Ibid.* P. 140.
- 37 Board of Governors of the Federal Reserve System. Consumer Instalment Credit. Vol. II. Wash., 1957. P. 76.
- 38 *Friedman M.* Supply of Money and Changes in Prices and Output // The Optimum Quantity of Money and Other Essays. P. 180.
- 39 *Friedman M.* A Program for Monetary Stability. P. 100.
- 40 *Ibid.* P. 85.
- 41 Илр. но: *Macesich G.* Monetarism: Theory and Policy. N. Y., 1983. P. 119.
- 42 *Simons H.* Rules versus Authorities in Monetary Policy // Money and Banking/ Ed. by L. S. Ritter. 3rd Ed. 1967. P. 348.
- 43 *Ibid.* P. 352.
- 44 *Ibidem.*
- 45 *Selden R. T.* Stable Monetary Growth // In Search of a Monetary Constitution/ Ed. by L. B. Yeager. Cambridge (Mass.), 1962. P. 327 – 328.
- 46 *Friedman M.* A Program for Monetary Stability. P. 91, 92.
- 47 *Bronfenbrenner M.* Monetary Rules: A New Look // Journal of Law and Economics. 1965. X. P. 179.
- 48 *Friedman M., Heller W.* Op. cit. P. 26.
- 49 *Schneider E.* Automatism or Discretion in Monetary Policy? // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1970. VI. P. 125.
- 50 Standards for Guiding Monetary Action: Hearing before Joint Economic Committee, Congress of the United States, 90th Congress, 2nd Session. May 8, 9, 15 and 16, 1968. Wash., 1968.
- 51 *Ibid.* P. 233 – 234.
- 52 *Ibid.* P. 7 – 9.

- 53 Ibid. P. 16, 20.
 54 Ibid. P. 124.
 55 Цит. по: *Friedman M. Monetary Policy: Theory and Practice // Journal of Money Credit and Banking*. 1982. II. P. 106.
 56 *Wallich H. Stabilization Goals: Balancing Inflation and Unemployment // American Economic Review*. 1978. V. P. 155.
 57 *American Economic Review*. 1978. V. P. 160 – 161.
 58 Об истории введения и практике таргетирования в различных странах см. более подробно: *McClam W. D. Targets and Techniques of Monetary Policy in Western Europe // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*. 1978. III; *Central Bank Views of Monetary Targeting/ Ed. by P. Meek. N. Y., 1982; Macesich G. Op. cit.*
 59 *Friedman M. Monetary Policy: Theory and Practice*. P. 108.
 60 *Journal of Monetary Economics*. 1978. N 4. P. 327.
 61 Ibid. P. 364.
 62 Ibidem.
 63 *Sprinkel B. Monetary Growth Target and Federal Reserve Accountability // Monetarism, Inflation and Federal Reserve: Essays Prepared for the Use of Joint Economic Committee, Congress of the United States. June 27, 1985. Wash., 1985*. P. 4 – 6.
 64 *Brimmer A. F. Monetary Policy and Economic Activity: Benefits and Costs of Monetarism // American Economic Review*. 1983. V. P. 1.
 65 *Free Market Conservatism: A Critique of Theory and Practice/ Ed. by E. Neil. L., 1984*. P. 184, 185.
 66 *Monetary Targets and Control of Money Supply // National Institute Economic Review*. 1979. VIII. P. 44 – 45.
 67 *Healey N. M. The UK 1979 – 82 "Monetarist Experiment": why Economists still Desagree// Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*. 1987. XII. P. 476.
 68 *Economic Trends. Annual Supplement 1986 Edition*. L., 1986. P. 51, 80, 102.
 69 *Fforde J. S. Setting Monetary Objectives // Bank of England Quarterly Review*. 1983. VI. P. 207.
 70 *Buiter W. H., Miller M. N. Changing the Rules: Economic Consequences of the Thatcher Regime // Brookings Papers on Economic Activity*.
 71 *Free Market Conservatism... P. 165.*
 72 *Rostow W. W. The Barbaric Counter-revolution: Cause and Cure*. Austin, 1984.
 P. 27
 73 *Free Market Conservatism*. P. 180.
 74 *Federal Reserve Bulletin*. 1986. IV. P. A 42.
 75 Ibid. 1982. VIII. P. 7.
 76 Ibid. 1982. VII. P. 406 – 407.
 77 Ibid. 1982. XI. P. 691 – 692.
 78 *Tobin J. Monetary Policy Rules, Targets and Shocks // Journal of Money Credit and Banking*. 1984. XI. P. 506.
 79 *Monetarism, Inflation and Federal Reserve... P. 51, 54.*
 80 Ibid. P. 60 – 61.
 81 *Brimmer A. Op. cit. P. 7.*
 82 *Free Market Conservatism*. P. 170, 182.

Заключение

- 1 *Kaldor N. How Monetarism Failed // Challenge*. 1985. V/VI. P. 4.
 2 *Miles M. M. Beyond Monetarism. Finding the Road to Stable Money*. N. Y., 1984.
 P. 71
 3 *Frey B. S. et al. Are We All Monetarists Now? An Empirical Inquiry // Journal of Post Keynesian Economics*. 1983. Fall. P. 89.
 4 *Vines D. Macroeconomic Policy after Monetarism // The Royal Bank of Scotland Review*. 1986. XII. P. 3.
 5 *Brothwell J. F. The General Theory after Fifty Years: Why Are We not All Keynesians Now? // Journal of Post Keynesian Economics*. 1986. Summer. P. 532.
 6 *Blinder A. The Keynesian Restoration // Challenge*. 1984. V/VI. P. 26.
 7 *Heller A. W. Activist Government: Key to Growth // Challenge*. 1986. III/IV. P. 9.

- 8 *Tobin J. Keynes's Policies in Theory and Practice* // *Challenge*. 1983. XI/XII. P. 5.
- 9 *Rousseas S. Post Keynesian Monetary Economics*. Armonk, 1986. P. IX, 73.
- 10 *Monetarism and the Federal Reserve's Conduct of Monetary Policy...* P. 9.
- 11 *Ibidem*.
- 12 *The Search of Stable Money*. P. 19 – 20.
- 13 *Kaldor N. How Monetarism Failed*. P. 17.
- 14 *The Search of Stable Money*. P. 195 – 196.
- 15 *Olsen L. H. Is Monetarism Dead?* // *Cato Journal*. 1986. Fall. P. 461.
- 16 *The Search for Stable Money*. P. 129.
- 17 *Ibid.* P. XI – XII.
- 18 *Batten D. S., Stone C. C. Are Monetarists an Endangered Species?* // *Federal Reserve Bank of St Louis Review*. 1983. V. P. 16.

Именной указатель

- Александер С. 120
Андерсен Л. 130 – 133
Ауэрбах Р. 29
Барт Дж. 29
Батлер И. 22
Бем-Баверк Ю. 67
Бернс А. 144
Блайндер А. 157
Бордо М. 21
Бриммер А. 146, 153
Бронфенбrenнер М. 141
Бротуэлл Дж. 157
Бруннер К. 20, 23, 32 – 34, 83, 96, 118, 135, 142, 146, 159, 161
Бурмен Дж. 165
Бюнтер У. 136, 149
Бэттен Д. 71, 161
Вайнз Д. 157
Вальрас Л. 13, 79 – 83
Ваннински Дж. 39, 42
Вейнтрауб С. 6
Вейс Л. 112
Винер Дж. 13, 18, 22
Витман М. 125
Волкер П. 29, 152
Гилберт Д. 10
Гилдер Дж. 38, 40, 41, 42
Гордон Р. 45, 107, 111, 136, 144, 167
Голдфельд С. 70
Гранджер С. 94
Гэлбрейт Дж. 41
Дамэн Э. 113
Деподвин Х. 112
Десай М. 28
Джадд Дж. 68
Джонсон Г. 18, 19, 22, 27, 31, 62, 74, 114, 118, 119, 121 – 123, 155
Джонсон Л. 16, 70, 157
Джоплин Т. 21
Джордан Дж. 29, 130 – 133
Диллард Д. 13
Дорн Дж. 21, 158
Дорнбуш Р. 118, 136
Дэвидсон П. 6, 15, 96
Дэвис Р. 131, 132
Изгер Л. 78
Калбертсон Дж. 134
Калдор Н. 5, 6, 13, 22, 44, 71, 75, 77, 78, 79, 84, 94, 155, 159
Карлсон К. 132, 133
Картер М. 44, 48
Кейген Ф. 23, 74, 105, 113, 118, 135, 161
Кейнс Дж. М. 3, 4, 9 – 15, 17, 19 – 22, 31, 57, 59 – 65, 68, 74, 77, 81, 103, 134
Кеннеди Дж. 16, 157
Кинцбергер Ч. 116 – 117
Кларк Д. 13
Клауэр Р. 15
Клейн Л. 13, 132, 136
Корнуолл Дж. 110
Крус Г. 93
Кузнец С. 23
Кюрри Л. 59
Лаффер А. 40, 118, 123, 125
Лейдлер Д. 23, 34, 35, 43, 44, 70, 71, 125
Лейонхувуд А. 7, 12, 15, 44, 45, 161
Лекачман Р. 10
Лернер А. 6, 142
Либерман Ч. 71
Лукас Р. 43 – 49, 83
Майер Т. 34 – 36, 126, 136, 142
Майлз М. 42, 118, 125, 155
Маккаллум Б. 43, 169
Макклэм У. 170
Манделл Р. 118, 123
Маркс К. 11, 13, 55, 60, 79
Мартин У. 143, 144
Маршалл А. 10, 52, 57, 77, 97
Масесич Дж. 169
Махлуп Ф. 161
Мейзельман Д. 23, 24, 31, 85, 130
Мельцер А. 23, 70, 96, 136, 161
Мид Дж. 120
Миллер Г. 19
Миллер М. 149
Милль Дж. Ст. 52, 53, 84
Минц Г. 112
Минтс Л. 18, 20, 140
Мирман И. 21, 22
Митчелл Дж. 143
Митчелл У. 23
Могтидж Дж. 20
Модильяни Ф. 15, 43, 132, 136, 143
Мусса М. 118
Мэддок Р. 44, 48
Найт Ф. 18, 20, 22
Никсон Р. 17, 130
Нобэй А. 18
Олсен Л. 160
Осберг Л. 111
Оукен А. 11, 16, 111, 134

Пазинетти Л. 6
Патинкин Д. 6, 15, 19, 20, 81, 82, 96
Паулус Дж. 70
Первис Д. 34, 35, 136
Петерсон У. 41
Пигу А. 10, 13, 14, 57, 82
Пирс Дж. 146
Пикок А. 133
Рейган Р. 149, 154
Реусс Г. 142
Рикардо Д. 51, 52
Риндер Р. 39
Робертсон Д. 10, 13, 57
Робинсон Дж. 6, 157
Ростоу У. 149
Рузвельт Ф. 149
Руссис С. 7, 15, 158
Рэйбай А. 78
Саймонс Г. 18, 20, 22, 49, 140
Самуэльсон П. 5, 6, 13, 15, 21, 22, 25
Сарджент Т. 43
Свобода А. 118, 121, 123
Селден Р. 112, 140
Симз К. 94
Скэддинг Дж. 68
Сличтер С. 15
Смит А. 13, 52, 79, 134, 160
Спрингел Б. 146
Соломон Э. 79
Солоу Р. 6, 25
Стейн Г. 38, 158
Стейн Дж. 17, 78
Стиглер Дж. 19
Стоун К. 71, 161
Стронг Б. 92
Сэй Ж. 10, 11, 38, 40, 54, 55, 59, 63, 80
Тавлас Дж. 20
Тейген Р. 32
Темин П. 92
Тинберген Я. 120
Тобин Дж. 6, 12, 20, 43, 44, 48, 73, 74, 83, 84, 93, 96, 100, 113, 124, 136, 152, 156, 166
Торnton Г. 21
Тук Т. 55
Тэтчер М. 147 – 149, 157
Уоллес Н. 43
Уоллич Г. 11, 144
Уорбертон К. 21, 140
Феллнер У. 31

Феллп Э. 45
Филлипс А. 25 – 27, 45, 106, 107, 109, 110
Фишер И. 19, 55 – 58, 72, 83, 101
Фишер С. 136
Фрей Б. 156
Френкель Дж. 118
Фридмен Б. 32, 95, 133
Фридмен М. 3, 18 – 27, 29 – 34, 37, 39, 42 – 44, 46, 49, 50, 64 – 73, 82 – 90, 92, 96, 97, 98 – 110, 114, 116 – 118, 126 – 130, 134 – 136, 138 – 141, 143, 145, 152, 153, 155, 158, 159, 161
Фриш Г. 444
Ффорд Д. 148
Фэнд Д. 50, 73, 125, 127
Хаберлер Г. 13, 29
Хаврилевски Т. 165
Хайек Ф. 13, 83, 161
Хан Ф. 30, 44, 77, 79
Хансен А. 15
Харрис Л. 54
Харрод Р. 6, 13
Хаусон С. 20
Хеллер У. 127 – 130, 134, 142, 157, 158
Хесс А. 78
Хестер Д. 166
Хикс Дж. 6, 14, 31, 99, 135, 162
Хили Н. 169
Хиггинс Б. 94
Ходжмен Г. 147, 153
Холланцдер С. 54
Чендлер Л. 143
Шварц А. 21, 23, 25, 39, 69, 71, 73, 83, 84, 86 – 90, 92, 135, 138, 140, 158, 161
Шейде Й. 164
Шеппарт Д. 74
Шнайдер Э. 142
Шоу Дж. 133
Шоу Э. 141
Шумпетер Й. 36, 56
Эванс М. 132
Элтис У. 13
Эмот Т. 149
Эндо А. 136
Энцлер Дж. 70
Эстенсон П. 41
Эттвуд Г. 21
Юм Д. 21, 51, 52, 72, 160

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Экономическая мысль Запада в 70 – 80-х годах	9
Закат школы кейнсианско-неоклассического синтеза	18
Монетаризм: рождение доктрины и ее эволюция	28
Характерные признаки монетаризма	28
Союз консервативных экономических доктрин	37
Глава вторая. Теория Фридмена и неоклассические традиции денежного анализа	50
Количественная теория денег в исторической ретроспективе	50
Монетаристская версия количественной теории денег	64
Глава третья. Влияние денег в экономической системе: монетаристская интерпретация	77
"Устойчивость" рыночного хозяйства	—
Циклы и кризисы	83
Каналы воздействия денег	96
Инфляция	104
Валютный курс и платежный баланс	114
Глава четвертая. Монетаризм и экономическое регулирование	126
Отрицание активизма	—
Денежное правило и политика центральных банков	137
Судьба монетаристской школы (вместо заключения)	155
Источники	162
Именной указатель	172

У-76

Усоскин В. М.

"Денежный мир" Милтона Фридмена. – М.: Мысль, 1989. – 173,

[2] с.: схем.

ISBN 5-244-00245-7.

Комплексное критическое исследование монетаризма и других течений "новой консервативной волны". Автор книги, известный специалист в области кредитно-финансовых отношений капитализма анализирует теоретические и идеино-философские основы монетаристской доктрины, ее подход к освещению ключевых проблем денег и денежного обращения, промышленных циклов, валютных отношений и т. д. Даётся оценка результативности монетаристских мероприятий в экономической политике ряда ведущих стран Запада.

0602010400-034

у ----- 28-89
004 (01) -89

ББК 65.018

Монография

Валентин Маркович Усокин

“ДЕНЕЖНЫЙ МИР”
МИЛТОНА ФРИДМЕНА

Редактор Л. Г. Соловьева

Младший редактор А. Б. Красавина

Оформление художника Е. С. Борю

Художественный редактор А. Л. Сальников

Технический редактор Е. А. Молодова

Корректор Г. С. Михеева

Оператор наборно-печатывающего автомата Т. И. Фадеева

ИБ № 2926

Набор текста произведен в издательстве “Мысль” на наборно-печатывающем автомате. Подписано в печать 02.02.89. А 10022. Формат 60×88 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Офсетная печать. Усл. печ. листов 10,78. Усл. кр.-отт. 11,03. Учетно-издат. листов 13,69. Тираж 9000 экз. Заказ № 1101. Цена 1р. 20к.

Издательство “Мысль”. 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии № 8
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, Хохловский пер., 7.

Экономическая мысль Запада
в 70—80-х годах

Закат школы кейнсианско-
неоклассического синтеза

Монетаризм: рождение доктрины
— и ее эволюция

Характерные признаки монетаризма
Союз консервативных
экономических доктрин

«ДЕНЕЖНЫЙ МИР» МИЛТОНА ФРИДМЕНА

Теория Фридмена и неоклассические
традиции денежного анализа

Количественная теория денег
в исторической ретроспективе

Монетаристская версия
количественной теории денег

Влияние денег в экономической
системе: монетаристская
интерпретация

“Устойчивость” рыночного хозяйства

Циклы и кризисы

Каналы воздействия денег

Инфляция

Валютный курс и платежный
баланс

Монетаризм и экономическое
регулирование

Отрицание активизма

Денежное правило и политика
— центральных банков

Судьба монетаристской школы